

СМЕРТОНОСНЫЕ КОЛЕСНИЦЫ: ВОСПОМИНАНИЯ О ТАНКОВЫХ БОЯХ В ЗАПАДНОЙ ПУСТЫНЕ – НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой яркий и захватывающий рассказ о войне — о танковых боях против храброго и лучше оснащённого противника на бескрайних и безжизненных просторах Западной пустыни. Это повседневная хроника жизни человека, который сражался с исключительным мужеством и отвагой; человека, которому был знаком страх, но который сумел его преодолеть, человека, неизменно ставившего свой долг выше собственного комфорта и личной безопасности.

Поскольку я лично знаю этого человека и те условия, в которых он и его товарищи сражались — и победили, — могу сказать, что этот рассказ звучит для меня абсолютно правдиво. Он полон напряжения, волнения, а также той боли, тревоги и мучительного ожидания, которые неизменно сопровождают любой бой. Уверен, что сам Боб Крисп первым признал бы: его опыт и его достижения вовсе не были чем-то исключительным. Были и другие, такие же, как он, — люди, которые пришли на войну практически неподготовленными гражданскими людьми, но сумели победить невзирая на недостаточную военную подготовку, слабые стороны своей техники и даже отсутствие должного руководства собственной храбростью, стойкостью и негибкой решимостью.

Эта книга несёт важный урок как для общества, так и для наших сегодняшних руководителей. Всё, что мне довелось увидеть среди молодого поколения после войны, убеждает меня: молодёжи не занимать ни мужества, ни чувства долга перед своей страной. Будем надеяться, что урок той страшной цены, которую нам пришлось заплатить в первые годы обеих мировых войн за собственную

неподготовленность, наконец-то действительно усвоен. Этот мужественный рассказ о малоизвестной странице Второй мировой войны должен помочь ещё глубже осознать эту истину.

Именно народу нашей страны и нашим руководителям — как политическим, так и военным, — предстоит сделать всё, чтобы, если будущим Бобам Криспам снова придётся встать на защиту нашей Родины, судьба была на их стороне, а не против них. Смогут ли они это сделать? Хотелось бы верить.

Фельдмаршал [лорд Хардинг](#)

28 августа 1958 года

Роберт Крисп в игре, 1935 год

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта небольшая книга – *Brazen Chariots* - была написана Робертом Криспом (1911–1994), известным южноафриканским игроком в крикет и журналистом, прошедшим ВМВ в качестве танкиста Королевского Танкового Корпуса. Это – вторая книга его воспоминаний о войне, последовавшая за [книгой, посвященной Греческой кампании 1941 года](#). Она, главным образом, охватывает события конца 1941 года – наступательную операцию *Crusader*. В хаотичном сражении, в котором чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону, британцам впервые удалось нанести поражение сухопутным войскам Оси после долгой серии неудач и отступлений. В ней можно прочесть о том, какой видит войну командир танка, танкового взвода и эскадрона, как постоянно смотрит в лицо смерти в борьбе против чрезвычайно сильного, агрессивного и отлично умеющего воевать противника.

Роберт Крисп был несколько раз ранен, в том числе, тяжело, но каждый раз возвращался в строй, закончив войну в Германии. Он был награжден многими орденами и медалями, среди которых были Орден за Отличие в Службе (1942) и Военный Крест (1943).

В ПРЕДВЕРИИ

Итальянцы находились в Соллуме, Африканский Корпус и [Роммель](#) уверенно и грозно стояли вокруг [осаждённого Тобрука](#), проволочное ограждение — *Проволока/The Wire* — оставалось неприкосновенным, протянувшись вдоль всей ливийской границы.

Теи временем в Каире крикетный матч между клубом *Джезира/Gezira* и сборной Англии (England XI) вступил в весьма напряжённую фазу. Мне удалось взять две калитки за один овер, причём одним из выбывших оказался сам Уолли Хэммонд. Аплодисменты волной прокатились по заполненным людьми в хаки трибунам и всему полю. Эти аплодисменты предназначались мне, и, как всегда, я наслаждался ими. Но даже они не могли заглушить далёкий гул артиллерийской канонады.

Стоял июль 1941 года. Многие из солдат, сидевших в тени цветущих деревьев джакаранды и расположившихся прямо на траве за границей игрового поля, совсем недавно вернулись после неудачной попытки [генерала Уэйвелла](#) вновь перехватить инициативу в Западной пустыне. Это была операция [Battleaxe](#) — столь же безуспешная, насколько уже тогда казалось устаревшим само её название. О ней предпочли поскорее забыть, без всякой славы и громких упоминаний, тогда как первые полосы *Egyptian Gazette* были посвящены второй подаче команды *Джезира*.

В первый день предыдущего мая я, пошатываясь, сошёл с грузового судна в Порт-Саиде вместе с тем немногим, что осталось от 3-го Батальона Королевского Танкового Полка (КТП) после трёхмесячной катастрофы в Греции и на Крите. Это был танковый батальон без танков и без танковых экипажей — фактически лишь номер части, за которым стояла горстка людей, придававших ему хоть какое-то подобие жизни и индивидуальности. Тогда Египту и жизненно важной артерии — Суэцкому каналу — угрожало охватывающее наступление противника одновременно с севера и с запада, поэтому каждого человека в полевой форме использовали на любой оборонительной службе, совершенно не считаясь ни с его первоначальной специальностью, ни с тем, к чему он готовился. Остатки 3-го Королевского Танкового Полка (здесь и далее речь идет о батальоне – ВК) исключением не стали. После семидневного отпуска мы неожиданно оказались в составе подразделений местной обороны авиационной базы Королевских ВВС на аэродроме Гелиополиса. На рассвете — боевая тревога, на закате — снова боевая тревога, а весь промежуток между ними был заполнен строевой подготовкой, проверками снаряжения и всеми теми предписанными занятиями для праздных рук, которые за семь месяцев обучения в офицерской школе (*O.C.T.U. - Officer Cadet Training Unit — учебном центре подготовки кандидатов в офицеры*) я успел так искренне возненавидеть.

Свободные часы проходили куда приятнее. Мы потягивали холодные коктейли *John Collins*, сидя на мощёной площадке вокруг плавательного бассейна клуба *Heliopolis* и с далеко не самыми благопристойными мыслями разглядывали космополитичных красавиц, приезжавших сюда купаться. Их фигуры ещё сохраняли стройность молодости, но уже начинали приобретать ту едва заметную, изысканную округлость, которая обещает скорое и весьма соблазнительное расцветание женской красоты. Позднее, когда мы лучше освоились в городе, мы оставили безответно прекрасных девушек Гелиополиса и стали пить *John Collins* уже возле бассейна клуба *Gezira*, где разница заключалась лишь в одном: там всего было больше — и бассейн был больше, и общество многочисленнее, и красавиц тоже было больше. И, что особенно приятно, далеко не все наши симпатии оставались безответными.

Я только что получил звание капитана, и не в первый раз. По-видимому, мне удалось установить своеобразный рекорд по стремительности продвижения по службе: капитаном

меня сделали всего через три месяца после того, как в июне предыдущего года я получил офицерское звание. Этим я был обязан исключительно тому обстоятельству, что когда-то играл в крикет за сборную Южной Африки, а мой командир полка в своё время выступал за графство Хэмпшир. После [Дюнкерка](#) у него ощущалась некоторая нехватка офицеров подходящего типа, и однажды я неожиданно для самого себя обнаружил, что проделываю в погонах новые отверстия, чтобы прикрепить дополнительные звёздочки. Само по себе всё это не представляло для меня особого интереса, и вскоре справедливость по отношению к старшим лейтенантам была восстановлена. Произошло это после того, как я опоздал на конвой, который должен был доставить наш полк на Ближний Восток, когда тот заходил в Дурбан. (До начала войны я целый год работал в Дурбане в газете *Natal Mercury*.) Я оказался в весьма достойной компании — вместе со мной от конвоя отстали бригадный майор, ещё один майор и два капитана. Присоединиться к конвою нам удалось лишь потому, что я был знаком с капитаном крейсера сопровождения ещё по временам его службы в Саймонс-Тауне. Благодаря этой дружбе нас взяли на борт. К тому времени, когда мы наконец вновь оказались на войсковом транспорте где-то посреди Индийского океана, я уже снова превратился во второго лейтенанта Криспа, да ещё и с ужасным похмельем после плимутского джина.

Однако [Греческая кампания](#) унесла жизни или вывела из строя две трети офицеров полка, и в своеобразном братстве тех, кто сумел выжить, было почти неизбежно, что историю с Дурбаном забудут, а вот [Old Trafford](#) вспомнят. Были и другие обстоятельства. Во время отступления по длинным, разбитым бомбардировками дорогам Греции я обнаружил, что гораздо менее склонен показывать свой страх, чем большинство окружающих. Думаю, это заметили мои товарищи. Вероятно, именно это помогло мне вновь получить капитанское звание — вместе с не ослабевшей любовью моего командира к крикету.

Служба в частях обороны, обучение и перевооружение — вот три банальных слова, определявших тогда всю нашу жизнь. Мы старались забывать о них всякий раз, когда появлялась возможность провести время в спортивных клубах, в кафе *Groppi's*, на крыше гостиницы *Continental*, в баре *Shepherd's*, в заведении *Tommy's*, а в особенно роскошные вечера — в загородном ресторане на дороге в Мену, выдержанном в духе старой английской аристократической жизни с её «охотой, стрельбой и рыбалкой» (*huntin'-shootin'-fishin'*). Иногда на танцевальной площадке этого заведения нам даже доводилось танцевать рядом с самим [королём Фаруком](#). Более того, однажды утром, которое навсегда остался у меня в памяти, я голосовал на дороге в Каир. То время суток, когда обычно ходил транспорт, уже давно прошло, но было ещё слишком рано, чтобы он вновь начал движение. Меня подобрал роскошный спортивный автомобиль. На заднем сиденье оказался я, а впереди, рядом с правителем Египта, сидела ослепительно красивая девушка. С той самой ночи я всегда испытывал к Фаруку особую симпатию.

Всё это было чрезвычайно приятно, и я всё время повторял себе, что именно так американские миллионеры и тратят свои миллионы. Но три последних месяца многое изменили во мне. Я понял одну вещь: жизнь может быть необыкновенно насыщенной и прекрасной именно тогда, когда постоянно ощущаешь возможность собственной смерти. Кроме того, я многое узнал и о самом себе, и о людях, вместе с которыми воевал. Части обороны... обучение... перевооружение... *Джезира*... крикет... коктейли [John Collins](#)... Всё это слишком вызывающе контрастировало с ещё совсем свежими воспоминаниями об истерзанной войной Греции и с шумной пустыней, которая ждала нас впереди.

В тот июльский вечер я ушёл с крикетного поля с твёрдым ощущением, что должен как можно скорее выбраться из Каира. Позже той же ночью я пил пиво с новозеландцами и слушал их рассказы о рейдах [Группы Дальнего Действия в Пустыне/Long Range Desert Group – LRDG](#) глубоко в тылу противника. И тогда мне показалось, что я нашёл решение. На следующее утро я поднялся пораньше и сразу отправился в казармы *Касп-эль-Нил*, чтобы встретиться с полковником Прендергастом (Prendergast)— сравнительно молодым танковым офицером, командовавшим этой группой. Я прямо сказал ему, чего хочу. Он без малейших колебаний согласился перевести меня в своё подразделение. Он объяснил, что практически может запросить любого человека, который ему нужен, и

немедленно оформит ходатайство о моём переводе. Затем он перечислил вещи, которые мне следовало приобрести для службы в пустыне, и добавил, что, скорее всего, через несколько дней я получу извещение. Я вышел от него окрылённый. По дороге сразу зашёл в большой магазин *NAAFI* (*NAAFI - Navy, Army and Air Force Institutes - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждаются вооруженные силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям*), расположенный дальше по берегу Нила, и купил полдюжины нарукавных нашивок — красная надпись *LRDG* на чёрном фоне. Мне стоило огромного труда не похвастаться ими перед всеми в Гелиополисе.

Через три дня в канцелярию нашей части поступило сообщение: мне надлежало явиться в штаб *LRDG*.

— Неужели ты нас покидаешь, Боб? — спросил адъютант.

— Насколько мне известно — нет.

— Захотелось погулять по ночным заведениям Бенгази, а? Не выйдет, старина.

Я не понимал, знает ли он что-нибудь или просто подшучивает, поэтому предпочёл промолчать и отправился в штаб, уже предчувствуя недоброе. Адъютант оказался прав. Полковник Прендергаст лишь сообщил мне, что его ходатайство о моём переводе отклонено. Причина была проста: на Ближнем Востоке катастрофически не хватало подготовленных танковых экипажей. Никому из танкистов не позволялось переводиться ни в какие другие части и ни на какие другие должности. Так рухнули мои мечты - мечты о бескрайних песчаных морях Ливии, о зелёных рощах Киренаики, спускающихся к Средиземному морю, о свободе самостоятельных рейдов вдали от бригадиров, полковников и бесконечных армейских приказов. Вместо этого меня, как и всех остальных, ожидали части обороны, обучение и подготовка, и никакого способа избежать этого не существовало. Я вернулся в Гелиополис разочарованным, но всё же решил извлечь максимум из сложившейся ситуации.

К счастью, уже в течение следующих одного-двух месяцев события начали развиваться значительно быстрее. У всех нас появилось смутное ощущение, что готовится нечто большое. Каждую неделю прибывали новые люди, восполняя потери, понесённые в Греции, а в августе к нам поступил первый новый танк. Мы уже видели быстрые, изящные машины *Крусейдер/Crusader*, которыми перевооружались другие бронетанковые полки Египта, но прекрасно знали, что они предназначены не для нас. Нас должны были оснастить американскими танками, официально называвшимися *American M3 Light Cavalry Tank*, или просто *Стюарт/Stewart*. До этого мы были вооружены древними *A10*, *A13*, а иногда даже *A9*, вытасканными чуть ли не из военных музеев и выставок. Это были тяжёлые, угловатые машины, напоминавшие передвижные сборные домики, и столь же непрочные. Но самым серьёзным их недостатком было другое. Стоило им пройти всего милю-другую по сколько-нибудь тяжёлой местности, как неизменно рвалась гусеница, а при резком повороте они нередко просто сбрасывали её. Из более чем шестидесяти танков, которые 3-й КТП привёл в Грецию в начале того года, менее полдюжины были потеряны непосредственно от действий противника. Все остальные пришлось бросить из-за порванных гусениц или других механических неисправностей. Они так и остались стоять в перевалах и узких горных проходах Македонии и Фессалии — без снятых пулемётов, но в остальном практически целыми. Никакой пользы противнику они не принесли. Ни одна другая армия даже не подумала бы использовать подобные машины. Мне нравится думать, что и сейчас они, возможно, служат каким-нибудь холодным, тесным, но всё же убежищем для бездомных греческих крестьян.

Тот, кто отвечал за проектирование британских танков в период между двумя мировыми войнами, должен был бы нести на своей совести весьма тяжёлое бремя. В действительности же их конструкция была плодом усилий не какого-то одного человека, а целой группы влиятельных сторонников одной уже устаревшей идеи. Наибольшее влияние на разработку танков и на взгляды относительно их боевого применения оказала

кавалерийская школа. Военные стратеги стремились создать танк, который был бы как можно больше похож на лошадь и который можно было бы использовать в бою почти теми же способами, что и кавалерию. Их представление о правильном ведении войны основывалось на знаменитой [атаке Лёгкой Бригады](#). Они просто заменили лошадей танками. К великому несчастью для Королевского Танкового Корпуса, влияние кавалерийской школы господствовало в Военном министерстве как до войны, так и во время неё (возможно, оно сохраняется и по сей день). Именно поэтому появился быстрый, но слабо бронированный танк. Не менее печально было и то, что многие кавалерийские полки пользовались в бою той же доблестной, но безрассудной тактикой, что и [граф Кардиган](#). Учиться им пришлось самым тяжёлым способом — на собственных потерях.

Появления наших новых танков мы ожидали с куда большим волнением, чем молодожёны, впервые осматривающие свой будущий дом. Не меньше нас заинтересовала и группа американских армейских специалистов, прибывших вместе с машинами. *Стюарт* выглядел весьма необычно. Это было странное сооружение, словно только что прибывшее прямо из Техаса: высокий, словно всадник в седле, с ярко выраженным духом американского Запада, который ещё сильнее подчёркивали два пулемёта *Брануинг/Бrowning* и сопровождавшие танки рослые техасцы. Основное вооружение было таким же, как и у всех британских танков того времени, — небольшая пушка, которую мы пренебрежительно называли *дробовиком/peashooter*. Однако лобовая броня была значительно толще, чем у наших собственных лёгких и крейсерских танков. Но по-настоящему интриговали в *М3* двигатель и гусеницы. Когда механики сняли задние крышки моторного отделения, водители буквально ахнули от изумления. Перед ними оказался... самый настоящий авиационный двигатель, просто установленный в танк: радиальные цилиндры и огромный вентилятор, похожий на воздушный винт самолёта. Использование такого двигателя должно было создать новые проблемы службам снабжения, поскольку нормально он работал только на высокооктановом авиационном бензине. Но это была уже не наша забота. Общее мнение сводилось к одному: если двигатель способен обеспечить столь стремительный взлёт самолёта, то и для быстрого рывка танка он наверняка подойдёт превосходно.

Когда обсуждение двигателя наконец закончилось, всё наше внимание переключилось на гусеницы. Ничего подобного британская армия ещё никогда не видела. На каждом звене гусеницы были массивные резиновые подушки, по которым и катился танк. Достаточно было одного взгляда, чтобы задаться вопросом: «Почему, чёрт побери, британские конструкторы танков никогда раньше до этого не додумались?» При первой же возможности я посадил свой экипаж в один из *Стюартов* и выехал из Гелиополиса искать первый попавшийся участок открытой песчаной пустыни — а найти такой, как ни странно, было далеко не так просто, как может показаться. Сначала мы испытали танк на скорость. На хорошем грунте он легко разогнался до 40 миль в час (около 64 км/ч). В тех обстоятельствах было весьма приятно держать в уме, что немецкие *Pz.III* и *Pz.IV* могли развивать лишь около двадцати миль в час. Потом я приказал своему механику-водителю Уэйли, выполнить несколько резких поворотов. Признаться, я с некоторым опасением ожидал знакомого грохота, лязга и резкой остановки с уводом машины в сторону — верного признака того, что снова порвалась гусеница, но ничего подобного не произошло. Это было просто великолепно. Танк управлялся так же легко и послушно, как хорошо выезженная ковбойская лошадь. «Посмотрим, на что он действительно способен, — сказал я по внутренней связи. — Попробуй всё-таки сбросить одну из этих гусениц». Уэйли начал закладывать самые разнообразные виражи и выполнять такие манёвры, что песчаная поверхность пустыни вскоре стала походить на каток после напряжённого хоккейного матча. Из-под гусениц вздымались огромные фонтаны песка и пыли. Наконец я крикнул: «Хватит! Мы уже начинаем изнашивать саму пустыню».

Когда мы вернулись в лагерь, командир полка и небольшая группа офицеров уже ожидали нас. Мы выбрались из танка, сияя от удовольствия. «Ну что, Уэйли, — спросил я своего водителя, — как тебе машина?» Он, явно успев перенять кое-что от стоявшего неподалёку техасца, широко улыбнулся и ответил всего одной фразой: «Это просто

милашка, сэр/It's a *honey*, sir». С этого момента никто уже не называл эти танки иначе как *Милашка*. Это стало первым действительно практическим и полезным результатом англо-американского сотрудничества на суше на этом театре военных действий. Хотя американцы и ворчали по поводу тех четырнадцати изменений, которые британские специалисты сочли необходимым внести в конструкцию танка, именно тогда возникла та атмосфера сотрудничества, которая впоследствии сопровождала многочисленные случаи, когда американским техническим специалистам приходилось обучать британские танковые экипажи обращению с новыми американскими машинами.

В конце августа 3-й КТП перебазировался из Гелиополиса в Бени-Юсеф, расположенный примерно в двадцати милях за Каиром. Там мы соединились с двумя другими бронетанковыми соединениями 4-й Танковой бригады — 8-м Полком Гусар и 5-м КТП. Место оказалось унылым, жарким и пыльным: длинные жестяные бараки и палатки, изнуряющая жара, пыль, проникавшая повсюду. Именно здесь мы, обливаясь потом и беспрестанно ругаясь, проходили подготовку и осваивали новую технику, тогда как наши собственные стоны и проклятия сливались с хриплым многоголосым рёвом расположенного по соседству *Верблюжьего Патруля* Египетской армии. Единственным настоящим развлечением для меня были письма моего денщика к жене, которые я обязан был просматривать как военный цензор. До войны он был профессиональным вышибалой, а пером владел примерно так же, как заклёпочным молотком. На каждой странице помещалось от силы три слова, и большинство из них представляли собой грубые ругательства в адрес какой-то *auld-wife*. Я долго не мог понять, кого именно он имеет в виду, пока один офицер *Шотландской Гвардии*, приехавший к нам в часть, не объяснил мне, что в Шотландии так называют тещу. Однажды мой денщик почти три недели не писал домой. Во время обычного разговора я как бы между прочим заметил: «Кажется, вы давно не переписывались с женой. Надеюсь, ничего не случилось?» В тот же день после обеда он принёс мне письмо. Оно начиналось так: «Дорогая жена! Извини, что ты не получила мои последние три письма — они были потоплены противником. Передай этой старой суке...»

Бени-Юсеф находился слишком далеко от Каира, чтобы мы могли в полной мере почувствовать приближение грядущих событий. Конечно, мы слышали об отставке генерала Уэйвелла — новость, которая всех нас поразила, — и о назначении вместо него [Окинлека](#), но ту новую, всё возрастающую напряжённость, которая постепенно охватывала всё вокруг, мы ощущали лишь смутно. Единственным её отражением, если не считать наших редких поездок в клуб *Джезира*, была постоянно повторявшаяся фраза майора Эскадрона А, который ещё до войны служил младшим офицером в Индии под командованием Окинлека: «Отличный парень этот *Ок*». (*The Auk* — прозвище генерала Окинлека.) В целом же мы воспринимали перевод в Бени-Юсеф как очередное проявление обычного штабного самодурства. К концу сентября 3-й КТП вновь стал полноценным боевым соединением. Личный состав был полностью укомплектован, танков тоже было по полному штату. После реорганизации, проведённой новым командиром полка — Банни Юинсом, — за мной окончательно закрепили звание капитана и назначили заместителем командира Эскадрона С. Это означало, что мой собственный танковый взвод, оснащённый *Милашками*, оставался при мне. Меня это полностью устраивало. Никаких честолюбивых планов относительно дальнейшего повышения у меня не было. Я хотел лишь одного — чтобы меня оставили в покое и позволили командовать своим взводом так, как я считал нужным. Единственным действительно приятным следствием повышения по службе были дополнительные деньги. Мне всегда было трудно примирить лейтенантское жалованье с вкусами, достойными как минимум майора.

В это время наш лагерь начал посещать непрерывный поток высокопоставленных командиров. Среди них был [генерал Каннингем](#), только что прославившийся своими победами в Восточной Африке, а также — по какой-то совершенно загадочной причине — [махараджа Кашмира](#). Всё это явно что-то означало. Вскоре мы узнали, что сформировано новое крупное войсковое объединение под командованием Каннингема. Его называли 8-й Армией. Для лучшего понимания дальнейших событий стоит кратко описать организацию

4-й Танковой Бригады. Это было крупное, полностью укомплектованное оперативное соединение, состоявшее из трёх танковых полков, о которых я уже упоминал. К каждому из них были приданы: батарея 25-фунтовых полевых орудий Королевской Конной Артиллерии, подразделение Шотландской Гвардии, противотанковые части и части ПВО. Соединением командовал бригадир Алек Гейтхаус. Его можно было назвать именно танкистом, а не кавалеристом, и, вероятно, в то время он был лучшим специалистом по применению бронетанковых войск в условиях пустыни. Это было первое в Британской армии настолько крупное полностью автономное боевое соединение. Я рассказываю о нём столь подробно потому, что именно ему предстояло сыграть решающую роль в кампании, где управление войсками нередко практически исчезало, а части распадались и теряли связь друг с другом. Именно в составе этой боевой группы нам предстояло: наступать и обороняться, есть и урывать немного сна, ежедневно и еженощно погибать или чудом избегать гибели на протяжении следующих пяти недель.

Согласно данным самого Гейтхауса (в ходе предстоящего наступления – [операции Crusader](#)):

- первые четырнадцать суток бригада находилась в непрерывном бою, не имея ни отдыха, ни возможности провести техническое обслуживание машин;
- в среднем приходилось по два боя в день;
- средняя линия продвижения бригады составила 1700 миль (около 2735 км);
- многие отдельные танки прошли свыше 3000 миль (почти 4800 км);
- за пять недель противник вывел из строя 172 танка *Стюарт*, тогда как штатная численность бригады составляла всего 163 машины;
- лично у меня было уничтожено шесть танков;
- средняя продолжительность сна командиров в течение этих первых двух недель составляла полтора часа в сутки;
- к концу кампании из 400 танков, которыми располагал Роммель в начале операции, осталось лишь 58.

К счастью для нашего душевного спокойствия, все эти события пока ещё были скрыты в тумане будущего. Мы не только не знали о них — мы даже не могли их себе представить. В первую неделю октября мы расположились лагерем на бесплодной равнине к западу от дороги Каир — Файюм, где должны были проводить стрельбы боевыми снарядами. Чтобы придать занятиям больше азарта, организовали соревнование между взводами и эскадронами. Один взвод за другим отправлялся на полигон, раскинувшийся на огромных открытых пространствах к западу от Файюмской дороги. У меня была одна идея, которую мне очень хотелось проверить на практике. Она появилась после размышлений над тем обстоятельством, что противотанковые средства противника, особенно недавно появившиеся 88-миллиметровые орудия, которые во время неудачной операции *Battleaxe* буквально громили наши танковые части, могли поражать нас с расстояния 3000 ярдов. Максимальная же эффективная дальность стрельбы наших 37-миллиметровых пушек и британских 2-фунтовок считалась равной примерно 1200 ярдам. (Как впоследствии выяснилось, и эта оценка оказалась чрезмерно оптимистичной.) Простейшая арифметика давала неприятный результат. Прежде чем мы могли приблизиться настолько, чтобы причинить противнику хоть какой-то ущерб, нам было необходимо преодолеть 1 800 ярдов пространства, уже находясь под его прицельным огнём, а 1800 ярдов в подобных условиях — это очень большое расстояние - шестьдесят четыре тысячи восьмьсот дюймов.

Меня занимали две задачи. Первая — как подобраться к противнику достаточно близко. Вторая — как остаться в живых до того момента, когда это удастся сделать. Совершенно очевидно было, что одной только бронёй защититься невозможно. По армии уже ходили тревожные рассказы о том, что могли делать немецкие 88-миллиметровые пушки с

массивными башнями тяжёлых пехотных танков (Infantry Tank), которые до этого считались почти неуязвимыми. Ответ был только один — подвижность, причём подвижность очень высокая. Одновременно я полностью отвергал возможность вести действительно точную стрельбу с движущегося танка, несмотря на то что именно этому нас учили, если невозможно было занять позицию *hull-down* — то есть укрыть корпус танка за складкой местности, оставив открытой только башню. Поэтому в своём взводе я разработал систему действий, которая автоматически выполнялась при благоприятных условиях сразу после обнаружения цели. Задача была простой: подойти к танку противника настолько близко, чтобы гарантированно уничтожить его. Первой командой всегда было: «Водитель, вперёд! Полный газ!» Наводчик всё время удерживал перекрестие прицела на вражеской машине, пока танк мчался вперёд. Затем следовала следующая команда, которую одновременно слышали наводчик, механик-водитель и заряжающий: «Водитель, стой!» Как только танк останавливался и наводчик убеждался, что цель находится точно в прицеле, он немедленно открывал огонь — без какого-либо дополнительного приказа с моей стороны. Звук выстрела служил сигналом для водителя. Он сразу отпускал сцепление, и танк вновь срывался с места. Вся остановка — от полной остановки до нового рывка — занимала около четырёх секунд. Моя задача сводилась лишь к тому, чтобы управлять движением и выбирать направление атаки. Боевые стрельбы убедили меня, что я оказался прав. Если ваши танки уступают противнику и по вооружению, и по броневой защите, то подвижность становится важнейшим условием выживания. Разумеется, говоря о подвижности, я вовсе не имел в виду способность быстро отступать в противоположном направлении.

Никаких соревнований я не выиграл. Но для самого себя доказал, что могу приблизиться к противнику на дистанцию эффективного огня своей пушки даже без использования укрытий и сделать это достаточно агрессивно. Я попытался представить себя на месте человека, находящегося в прицеле. Думаю, ощущение было бы весьма неприятным, если бы на тебя с грохотом неслись сразу четыре танка, каждый из которых вёл точный огонь, причём ни один не задерживался на месте настолько долго, чтобы по нему можно было спокойно прицелиться. Я был уверен, что применение такой тактики всякий раз, когда позволяет местность, значительно уменьшит вероятность попадания в мой танк. Конечно, это не заменяло идеальную боевую позицию *hull-down*, когда корпус машины скрыт за естественным укрытием на заранее выбранной позиции. Но я был совершенно убеждён, что чрезмерное увлечение такими позициями в войне, где предстояли непрерывные манёвры, не приведёт ни к чему хорошему. Подобная привычка воспитывала у танковых командиров своеобразное «мышление *hull-down*», которое очень легко могло перерасти в «мышление *turret-down*», иначе говоря — в желание вообще не высовываться из-за укрытия.

По счастливой случайности сразу после возвращения с полигона в Бени-Юсеф я заболел желтухой. Две недели мне пришлось провести в 15-м Главном Военном Госпитале, расположенном на берегу Нила напротив острова Джезира. Я ел варёную курицу с рисом и наблюдал, как по реке медленно проходят традиционные арабские парусники — *day* — с полностью поднятыми парусами. Тем временем батальон неторопливо собирался и постепенно выдвигался на запад. Это был первый серьёзный шаг к надвигавшемуся сражению. Наша часть направлялась к дороге на Сиву, южнее Мерса-Матруха. Именно там я вновь присоединился к своим товарищам. Мы находились примерно в девяноста милях к востоку от *Проволоки* — того самого легендарного проволочного заграждения, которое ржавой лентой тянулось вдоль всей [египетско-ливийской] границы от Средиземного моря до тех мест на юге, где исчезало среди огромных барханов Великого Песчаного моря. Оно было построено много лет назад солдатами Муссолини, назначение заграждения было весьма прозаичным — не пропускать через границу верблюдов и кочующих арабов, которые были склонны считать, что граница между Ливией и Египтом существует лишь в воображении *Дуче*. Между укреплёнными опорными пунктами *Проволоку* довольно редко патрулировали итальянцы со своей стороны и почти непрерывно — британцы с египетской. В нескольких давно известных местах в заграждении существовали постоянные проходы. Их беспрерывно разрушали, а затем вновь восстанавливали.

Здесь, в Абар-Кенайисе, на наши танки буквально набросились целые полчища специалистов из *Королевского Армейского Корпуса Вооружения/Royal Army Ordnance Corps - RAOC* и *Королевского Армейского Корпуса Снабжения/Royal Army Service Corps - RASC*. Они привезли металлические трубчатые каркасы и рулоны мешковины. За несколько дней они преобразили каждый танковый полк до неузнаваемости. Теперь наши танки выглядели как колонна обычных трёхтонных грузовиков. Эти маскировочные устройства в интересах сохранения секретности получили весьма безобидное название — *Sunshields/Солнцезащитные Щиты*. Нам приказали не снимать их до получения специальной команды: «Drop Sunshields!/Сбросить Солнцезащитные щиты!» При этом многозначительно намекали, что к тому моменту мы уже будем находиться далеко в глубине территории противника. Были все основания полагать, что эта хитрость полностью удалась. Роммель, по-видимому, даже не подозревал, что около шестисот танков были скрытно сосредоточены на расстоянии удара от его войск. Именно в таком замаскированном виде в первую неделю ноября мы выдвинулись к месту под названием Халлекуат, расположенному южнее дороги между Сиди-Баррани и Соллумом. По существу, именно здесь находился район сосредоточения 4-й бронетанковой бригады перед наступлением. Все уже понимали, что крупное наступление неизбежно. Никто только не знал, когда оно начнётся и где будет нанесён главный удар. Во время этого ночного перехода *skexbkfst* одна грандиозная неразбериха, без которых, кажется, ни одна британская армия ещё никогда не вступала в сражение...

Марш из Кенайиса в Халлекуат совершался ночью. Предстояло пройти около восьмидесяти миль по одному из самых губительных для техники участков всей Западной пустыни. Почти весь путь проходил по твёрдым выходам скальных пород, сложенных известняками. Но истинные последствия этого перехода стали очевидны лишь с наступлением рассвета, когда мы прибыли на место. Тогда выяснилось, что резиновые подушки на траках практически каждой *Милашки* в бригаде были буквально разодраны и истёрты в клочья. Позднее генерал Гейтхаус рассказал мне, что происходило после того, как выяснился полный масштаб этой катастрофы. Он немедленно доложил о случившемся Джону Хардингу (будущему фельдмаршалу лорду Хардингу), находившемуся в штабе корпуса. Тот приказал ему срочно лететь в Каир, прихватив с собой вещественное доказательство № 1 — образец повреждённой гусеницы, — и лично доложить главнокомандующему. Так Гейтхаус и поступил. Реакция Окинлека последовала немедленно. Он распорядился снять гусеницы со всех *Милашек*, находившихся в тыловых районах, и немедленно отправить их по железной дороге в расположение 4-й Танковой Бригады. Изношенные гусеницы следовало отправить обратно, где их предполагалось, если возможно, отремонтировать и затем использовать в учебных целях. Кроме того, Окинлек решил перебросить всю бригаду на новое место уже не своим ходом, а на специальных танковых транспортёрах. Приказы были выполнены с такой быстротой, что вся операция завершилась всего за три дня.

Это была наша предпоследняя остановка перед началом операции *Crusader* - последняя возможность спокойно привести в порядок технику и снаряжение и отправить домой последние письма с заверениями в вечной любви и преданности. Именно здесь мы впервые по-настоящему освоили искусство устройства ночных стоянок (*night leaguering*), хотя теоретически оно давно было нам известно по схемам на классной доске. Система была простой и чрезвычайно эффективной. Все танки быстро выстраивались плотным квадратом. Внутри квадрата помещались наиболее уязвимые машины с тонкой бронёй. На рассвете же всё соединение столь же быстро разворачивалось в боевой порядок для наступления. Мы отрабатывали этот манёвр снова и снова, пока не научились выполнять его буквально с закрытыми глазами, что было весьма кстати, потому что именно так его обычно и приходилось выполнять — в кромешной темноте пустынной ночи, после выхода из боя на закате.

В это время со мной произошёл довольно странный случай. Меня отправили во главе небольшой разведывательной группы на полутонном армейском грузовике, чтобы проверить проходимость местности впереди нашего района. Через некоторое время мы наткнулись на участок рыхлого песка, и грузовик увяз. Чтобы его вытащить, пришлось

всем как следует поработать руками. Вместе ещё с двумя или тремя солдатами я упирался в задний борт машины и изо всех сил толкал её, громко ругаясь, пока колёса беспомощно вращались, разбрасывая песок нам прямо в глаза и уши, и вдруг возле самого моего уха послышался тихий шелест крыльев. Одновременно я почувствовал лёгкое прикосновение к спине, машинально бросил взгляд через плечо и с изумлением увидел... голубя, спокойно сидевшего у меня на плече. Никто из остальных этого даже не заметил. Я перестал толкать машину и медленно выпрямился. Очень осторожно поднял руку, ожидая, что птица вот-вот испугается и улетит, но произошло обратное: голубь совершенно спокойно перебрался мне на ладонь и уютно устроился в ней, словно именно этого и хотел. Только тогда я заметил привязанную к его лапке белую бумажную трубочку, закреплённую тонкой резинкой. Я позвал остальных. Они подошли, с удивлением уставившись на птицу в моей руке. Я показал на свёрнутую бумажку. «Почтовый голубь! — воскликнул Хэрри Мегрейт. — Чёрт побери, где ты его раздобыл?» Мегрейт был австралийцем и командовал одним из взводов Эскадрона С. Мы вместе служили ещё в Англии, затем вместе воевали в Греции. Когда где-то в Македонии его древний танк окончательно вышел из строя, и он вместе с несколькими товарищами просто пересел на корму моего танка. С тех пор мы стали большими друзьями.

Осторожно снимая резинку с лапки голубя, я рассказал всем, как всё произошло. Во всей этой истории ощущалось что-то совершенно нереальное. Нас это поразило. Насколько мне было известно, ближайшие британские части находились в десяти-пятнадцати милях отсюда. Вокруг не было ничего, кроме песка, камней и редкого кустарника. Что же это за загадочная записка, которая, словно по волшебству, опустилась с пустого неба на моё плечо посреди безлюдной пустыни? Послание какого-нибудь дальнего патруля, затерявшегося среди песков? Или, может быть, немецкий почтовый голубь, несущий секретный приказ Верховного командования? Все столпились вокруг меня, захваченные тайной происходящего. Затаив дыхание, они наблюдали, как я медленно разворачиваю туго скрученную бумажку. Сухой шелест бумаги в наступившей тишине казался таким громким, что его, казалось, можно было услышать ярдов за двадцать. Я постепенно расправил листок. Перед нами появилась короткая надпись, сделанная карандашом. Записка была написана по-английски. В ней говорилось всего лишь следующее: «Отвали к чёрту и оставь меня в покое/Bugger you, leave me alone». Несколько секунд все стояли совершенно ошеломлённые, не веря своим глазам. А потом одновременно разразились таким хохотом, что буквально согнулись пополам. Прошло добрых десять минут, прежде чем мы смогли отдышаться настолько, чтобы снова начать толкать грузовик.

После этого мы долго обсуждали различные версии случившегося. Самой популярной — и я сам её придерживался — была мысль, что всё это проделал наш технический сержант. Это было как раз в его духе. Его передвижная ремонтная мастерская (*LAD - Light Aid Detachment – Оперативная Мобильная Техпомощь*) представляла собой огромный грузовик, до отказа набитый всевозможным оборудованием, необходимым для поддержания в строю целого танкового полка. Постепенно она превратилась в своеобразный склад всего на свете. Лично я ничуть не удивился бы, обнаружив где-нибудь в самых дальних закоулках этого десятитонного грузовика шезлонг и парочку смазливых египетских девиц. По сравнению с этим один почтовый голубь был сущим пустяком для мастерской *LAD*. Когда я принёс птицу техническому сержанту, он категорически заявил, что ничего о ней не знает, но голубя я всё равно оставил у него. К моему удивлению, птица очень быстро освоилась на новом месте.

13 ноября наступил день, когда нам наконец рассказали всё - полную информацию — *the full gen*, как это тогда называлось в армии. Утром командир полка побывал в штабе бригады, а после обеда собрал нас и ознакомил с планом операции. После того как мы испещрили свои карты жирными карандашными кольцами, линиями и стрелками, каждый из нас отправился к своему взводу, чтобы передать полученные сведения. Мы были переполнены воодушевлением и уверенностью. Кратко я изложил своему экипажу общий замысел операции. Все три бронетанковые бригады вместе с приданными подразделениями должны были пройти через *Проволоку*. За нами следовали Новозеландская и Южноафриканская пехотные дивизии. Основные силы немцев и

итальянцев находились в районе побережья. Мы же должны были выйти им в тыл и расположиться на их коммуникациях между передовыми войсками и Бенгази. Предполагалось, что мы займём боевые позиции по собственному выбору и уничтожим бронетанковые силы противника, когда те попытаются нас атаковать. Из всего услышанного следовало, что именно 4-й Танковой Бригаде предстояло выполнить основную работу по уничтожению немецких танков в центре, тогда как две остальные бронетанковые бригады должны были прикрывать наши фланги и, когда появится возможность, поддерживать нас в бою. На мой взгляд, план выглядел весьма разумным. Когда я показал своим людям карту и объяснил, куда именно мы идём — далеко вглубь территории противника, — у них буквально округлились глаза, а губы сами собой сложились в восхищённый свист. Им едва удавалось удержаться, чтобы не закричать от восторга.

Все мы в тот вечер были похожи на школьников в последний вечер перед каникулами. 15 ноября мы выдвинулись в район окончательного сосредоточения перед наступлением. По-прежнему замаскированные под колонну обычных трёхтонных грузовиков, мы завершали последние приготовления к бою. В число этих приготовлений вошёл и прощальный коктейль, устроенный для нас офицерами Шотландской Гвардии. Два вечера спустя, без десяти шесть, когда на западном горизонте ещё были видны последние клочья дневного света, мы выстроились длинными колоннами из танков, орудий и автомобилей и двинулись на запад — навстречу ночи и своей судьбе. Очень скоро стало настолько темно, что механики-водители могли лишь смутно различать силуэты машины, шедшей всего в одном-двух футах впереди. Навигатору, возглавлявшему колонну, пришлось спешиться и вести её пешком. Так мы и двигались всю ночь — медленно, почти вплотную друг за другом. Безмолвие пустыни заполняла лишь низкий рёв двигателей с пониженной передачей да скрип сотен рессор и балансирных тележек, словно протестовавших против тяжёлого пути. К северу и к югу от нас такая же тишина безлюдных песков нарушалась похожими длинными колоннами, которые извивались в темноте, продвигаясь к месту будущего удара. Было уже далеко за полночь, когда мы остановились. По цепочке, из уст в уста — поскольку соблюдалось строжайшее радиомолчание, — назад передали сообщение: «Голова колонны достигла *Проволоки*». До нового приказа дальнейшего движения не будет.

Я велел своим экипажам поспать. «Бог знает, — сказал я, стараясь хоть немного поднять людям настроение, — когда вам ещё представится такая возможность... если вообще представится». После этого я сам устроился между маскировочной сетью и скатанными постелями на тёплом капоте моторного отделения танка, но поспать той ночью почти не удалось. Впереди, едва различимо, до нас доносились приглушённые взрывы зарядов, которыми сапёры проделывали проходы в *Проволоке*, через которые должна была пройти 8-я Армия. Однако вскоре эти слабые взрывы были заглушены куда более мощным грохотом. Над прибрежным районом к северу разразилась страшная гроза. Яркие вспышки молний на мгновения заливали пустыню ослепительным светом. В этих коротких вспышках танки возникали перед глазами фантастическими, почти нереальными силуэтами, исчезающими прежде, чем взгляд успевал их осознать. Гром сотрясал уступы плато и тяжёлыми волнами перекачивался над равниной. Под этим небесным артиллерийским обстрелом люди беспокойно ворочались, переговаривались вполголоса и готовились к неизбежному ливню. Нам, сидевшим в танках, повезло. Под маскировочными «навесами» мы натянули плащ-палатки и брезентовые тенты, превратив их в подобие укрытия, которое, пусть и нельзя было назвать удобным, зато оставалось сухим. Во время грозы я утешал себя одной мыслью: по крайней мере, дождь прийдёт пыль, и завтра её будет меньше.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Первые серые отблески рассвета на востоке разбудили меня. Вся колонна медленно и неохотно начала оживать. Нам разрешили быстро приготовить чай - вскоре он станет едва ли не самым важным институтом всей войны в пустыне. Одному Богу известно, сколько драгоценного бензина было сожжено за время этой и последующих кампаний только ради того, чтобы вскипятить чайники. Время от времени предпринимались робкие

попытки запретить это, особенно когда танковые полки оказывались обездвиженными из-за полного отсутствия горючего. Но и генералы, и бригадиры, и простые танкисты, и рядовые солдаты прекрасно понимали, какое огромное моральное значение имеет кружка горячего чая, поэтому всерьёз никто никогда не пытался с этим бороться. В тяжёлые дни и ночи, последовавшие после 18 ноября, нередко можно было увидеть совершенно невероятную, но вполне обычную картину. Экипаж танка, временно остановленного или выведенного из боя, но всё ещё находившегося под огнём противника, сгрудился вокруг небольшой бензиновой печки, работающей на смеси песка и бензина, и спокойно заваривает чай. Точно так же во время любой, даже самой короткой передышки в бою почти неизменно раздавался чей-нибудь голос в радиоэфире: «Алло, JAGO... JAGO Two вызывает. Разрешите заварить чаю?» Однажды — это произошло уже значительно позже, во время боя у [\[Бир\] Эль-Губи](#), спустя много дней и после гибели многих наших товарищей, — на полковой радиочастоте вдруг раздался отчётливый голос с сильным немецким акцентом: «Алло, BALO... BALO вызывает... Можете... заваривать чай...» (... *You may brrrew up — немец специально утрировал произношение слова brew, имитируя английский оборот.*) Бой на несколько минут словно остановился: весь полк буквально покатился со смеху. Не сомневаюсь, что некоторые тогда едва не умерли от хохота...

Вскоре после семи часов утра поступил приказ двигаться. Начало операции оказалось долгим, рваным и удивительно мирным. Совсем не таким мы представляли себе начало великого наступления. За ночь в нескольких милях западнее *Проволоки* были оборудованы склады горючего. Каждый танк, проходя мимо, заправлялся до полного бака. Мой взвод добрался до прохода лишь около десяти часов утра. Мы пересекли *Проволоку* под руководством многочисленных штабных офицеров и военной полиции. Всё это напоминало движение по [Пикадилли](#) в час пик, и, пожалуй, было значительно менее опасным для пешеходов. Настоящее возбуждение вернулось лишь тогда, когда мы на хорошей скорости повернули на северо-запад и вошли на территорию противника, направляясь к месту под названием Габр-эль-Салех. Именно там, как ожидалось, нам предстояло встретиться с [Африканским Корпусом](#) и разгромить его.

Сама *Проволока* оказалась разочарованием. Её проржавевшие остатки выглядели настолько жалко, что трудно было поверить в её былую славу. Думаю, все мы испытали лёгкое чувство разочарования. В такой важный момент не произошло буквально ничего. Даже песок и редкие кусты Киренаики ничем не отличались от песка и кустарника Египта. Теперь мы уже двигались в боевом порядке батальона с большими интервалами между машинами. Вся бригада быстро продвигалась к своему первому рубежу. Мешковина по-прежнему скрывала наши танки, превращая их в подобие грузовиков. Но за весь день в небе не появилось ни одного самолёта противника, который мог бы сообщить весьма неожиданную новость: сотни трёхтонных грузовиков движутся к Тобруку с юго-востока. В 15 часов 30 минут по радио наконец прозвучал первый настоящий боевой приказ: «Сбросить солнцезащитные щиты!» Пока мы продолжали движение, маскировочные конструкции одна за другой отваливались от танков, устилая пустыню на многие мили вокруг. Для любого бедуина, который успевал добраться до них раньше подразделений RASC, это был настоящий подарок. По пути нам довольно часто встречались небольшие группы арабов с верблюдами. Они всегда казались каким-то миражом — случайным видением совершенно иного мира, никак не связанного с нашим. Когда солнцезащитные щиты исчезли, освободились радиоантенны. На вершине каждой из них развевались два жёлтых вымпела, которыми оснащался каждый британский танк для опознавания. В условиях стремительно меняющейся боевой обстановки действовало простое правило: танк или броневомобиль без жёлтых вымпелов считался вражеским. Очень часто антенны приходилось складывать, чтобы машин машины были менее заметны. Нет никаких сомнений, что именно по этой причине произошло немало случаев, когда части 8-й Армии принимали друг друга за противника.

Высокая скорость движения, огромные открытые пространства вокруг, очищенные ночным дождём, и сознание того, что мы являемся участниками великих событий, вновь наполнили нас чувством подъёма. Но если попытаться определить главное чувство, владевшее тогда мной, то это была вовсе не радость — это было огромное любопытство,

причём не только к материальной стороне войны — танкам, пушкам, пехоте или броневой технике. Во мне всегда жило необычайное любопытство ко всему новому, особенно когда я оказывался в незнакомых местах и необычных обстоятельствах. Но сейчас сильнее всего меня занимало ближайшее будущее: что произойдёт? Что случится со мной? При этом мне ни на одно мгновение не приходило в голову, что лично со мной может случиться что-то плохое. Я был абсолютно уверен, что впереди нас ожидает ожесточённое столкновение с противником и оно обязательно закончится нашей победой. А если уж должно произойти что-нибудь ужасное, то, вероятнее всего, это случится с кем-то другим, но уж никак не со мной. Продолжая стремительно двигаться вперёд, я всё время ощущал огромный размах операции. И справа, и слева от нас разворачивались мощные соединения. Впереди по всей пустыне широкой завесой действовали бронетанковые части — южноафриканцы, 11-й Полк Гусар и *Королевские Драгунские Гвардейцы/King's Dragoon Guards*. Мы знали одно: ни мы не могли столкнуться с противником, ни противник — с нами, прежде чем разведчики впереди не заполнят радиоэфир своими трескучими сообщениями.

Утро сменилось днём. День постепенно переходил в вечер, но равнина вокруг нас оставалась совершенно пустой, таким же пустым оставалось и небо. Мы снова выстроились в очередь для дозаправки. Наши радиальные авиационные двигатели отличались весьма небольшим запасом хода. Очень скоро нам предстояло убедиться, какое значение это обстоятельство приобретёт в стремительной манёвренной кампании, которая растянется на многие последующие дни и ночи. В 16 часов 30 минут мы прибыли на предназначенную нам боевую позицию. Небольшая груда камней едва обозначала на местности *Пункт 185* триангуляционной съёмки. Чуть севернее находилось столь же неопределённое место, отмеченное на карте как Габр-Тайеб-эль-Эсем. С рассвета мы прошли 65 миль, и за весь день не встретили ни одного немца и ни одного итальянца. Ночь мы провели практически там же, где остановились. Мы ничего не понимали, но настолько устали, что сон легко победил и тревогу, и недоумение.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Ещё до рассвета следующего утра весь личный состав уже занял свои боевые места. Мы проверяли радиосвязь и слушали осторожные переговоры Эскадрона *B*, который отправлялся выполнять специальную задачу совместно с Королевскими Драгунскими Гвардейцами. Когда окончательно рассвело, мы двинулись на несколько миль прямо к северу и там ещё около двух часов просидели без всякого дела. Времени оказалось достаточно, чтобы спокойно приготовить завтрак: бекон, галеты, апельсиновый мармелад, горячий чай.

И тут наконец пришло сообщение, которого мы все ждали. Оно прошло через сотни наушников нашей полковой радиосети: «Алло, *ДОМО... ДОМО* вызывает. *ДОМО* выдвигается к Бир-Гибни для перехвата колонны противника, движущейся на юг». Мы были немного удивлены: новое направление оказалось вовсе не северным, а восточным. Развернув машины на новый курс, мы энергично двинулись вперёд, теперь уже гораздо осторожнее, чем накануне, но с огромным желанием наконец вступить в бой. Чувствовалось, как возбуждение растёт внутри каждого танка и словно передаётся от машины к машине по всему батальону. Через полчаса мы достигли Бир-Гибни. Стоя в люках башен, мы напряжённо всматривались в северный и восточный горизонты, надеясь увидеть силуэты, от которых для каждого из нас зависело так много, но пустыня по-прежнему оставалась совершенно ровной и начинала казаться какой-то бессмысленно безлюдной. Позже мы привыкли к этим ежедневным бесплодным маршам в никуда, к бесконечным погоням за миражами противника, которых рождали воображение, страх, перепутанные донесения, ошибочно расшифрованные радиogramмы и измученные нервным напряжением командиры.

Позднее в тот день мы услышали сообщение Эскадрона *B*. Они докладывали, что пытаются вступить в бой с семью танками и тремя бронетанковыми автомобилями. Мы все им отчаянно завидовали. Не прошло и десяти минут, как двум оставшимся эскадронам поступил неожиданный приказ: выдвинуться вперёд и атаковать *200 М.Е.Т.* на дороге

Триг-Капуццо. До сих пор я так и не выяснил, что именно означала эта аббревиатура, возможно: *Mechanized Enemy Troops* — *Механизированные Силы Противника*, но все прекрасно понимали её смысл. *200 М.Е.Т.* означало длинную колонну немецкой техники, которая вот-вот должна была буквально пасть нам в руки. Позднее мы узнали, что под этим обозначением скрывались не только автомобили. Там были танки, противотанковые орудия и страшные 88-миллиметровые пушки — те самые зенитные орудия, которые Африканский Корпус превратил в самое смертоносное противотанковое оружие всей войны. Очень многим людям — справа и слева от меня — ещё предстояло погибнуть, чтобы на собственном опыте узнать, что именно скрывается за словами *200 М.Е.Т.*

Триг-Капуццо проходила значительно севернее безводного колодца Гибни. Это было поистине невероятное шоссе. Оно тянулось почти идеально прямой линией от горизонта до горизонта. Постоянное движение бесчисленных колонн превратило его в полосу шириной пятьдесят-шестьдесят ярдов. Каждый новый конвой стремился ехать по более плотному песку рядом с уже разбитой колеёй предыдущего. Так дорога постепенно становилась всё шире. Вскоре поступил ещё один короткий приказ: Эскадрону С предписывалось атаковать голову колонны. Я вывел свой взвод на длинный низкую гриву, спускавшуюся к дороге примерно в миле впереди. Там я остановился. Мне хотелось, чтобы как можно больше танков нашего эскадрона успели выстроиться рядом со мной в позиции *hull-down*, пока я осматривал колонну в бинокль. Всё выглядело до смешного легко. По дороге медленно двигались лишь несколько бронеавтомобилей, сновавших вдоль колонны машин подобно овчаркам, бегущим возле стада. Я увидел три своих остальных танка. Они уже были готовы, рядом стоял Хэрри. Он широко улыбался. Я поднял вверх большой палец, затем широко махнул рукой, и мы пошли в атаку.

Мы перевалили через гребень широкой линией — шестнадцать танков в ряд на полном ходу. Ветер подхватывал длинные шлейфы пыли за нашими машинами, развевая их, словно знамёна грядущей гибели перед глазами тех, кто находился на Триг-Капуццо. Всех нас захлестнул восторг этой первой атаки. Уже через несколько секунд я увидел, как растерянность среди противника превращается в лихорадочную суету. Сначала — короткое оцепенение, мгновение полного шока, а затем вся длинная колонна словно взорвалась движением. Машины беспорядочно бросились на север и северо-восток. То и дело какой-нибудь автомобиль резко останавливался, из него высыпали люди, которые либо бежали, либо сразу падали ничком на песок. Основная часть колонны противника тем временем успешно уходила от нас. По существу, она уже почти полностью скрылась за одним из многочисленных уступов плато, по которым возвышенность резко обрывалась к морю. Мне и Мегрейту пришлось отвлечься от преследования уходившего транспорта. Несколько бронеавтомобилей начали вести себя весьма агрессивно. Поблизости суетились и пара лёгких немецких танков *Pz.II*, похожих на терьеров, оскаливших зубы. Мы подбили два бронеавтомобиля и один лёгкий танк. Чуть позже мне попался ещё один такой же танк, судя по всему экипаж покинул его в страшной спешке. Из-под его двигателя всё ещё непрерывно вытекал бензин, образовав на песке большую лужу. Мой наводчик дал короткую очередь трассирующими пулями прямо в эту лужу. В следующее мгновение машина вспыхнула огромным факелом, выбросив вверх столб ярко-оранжевого пламени и густого чёрного дыма. К этому времени Триг-Капуццо уже осталась далеко позади. Впереди местность словно внезапно обрывалась в пустоту. Я подвёл танк к самому краю довольно крутого уступа и буквально ахнул от неожиданности. За полосой скал, песка и редкого кустарника неожиданно открылась глубокая синяя гладь Средиземного моря. «Чёрт побери, Хэрри! — закричал я в микрофон. — Я вижу море!» И почти одновременно меня ожидало ещё одно потрясение. Справа, на оконечности выступающего вперёд мыса, стояло приземистое белое здание. Сначала мне показалось, что это мечеть с минаретом, но, взглянув в бинокль, я понял, что ошибся — это был маяк. За ним виднелись крыши и стены довольно большого посёлка, поднимавшегося из глубокого *вади* (*сухое русло* — *ВК*), расположенного у подножия маяка. «Да где же я, чёрт возьми?» — пробормотал я и вдруг понял: передо мной лежала Бардия. Поверить в это было трудно, но никакого другого объяснения быть не могло. Я принялся внимательно осматривать все окружающие гребни и впадины в поисках колонны противника, которую мы преследовали. В этот момент в наушниках раздался встревоженный голос Хэрри:

«Осторожно, Боб! Слева противотанковые пушки!» Ещё прежде, чем он договорил, раздался резкий хлопок. Танк слегка вздрогнул. Я мгновенно заглянул внутрь башни, там всё было в порядке. Не теряя времени, я приказал: «Водитель! Назад!.. Теперь вперёд!.. Левый разворот!.. Прибавить скорость!» Примерно в 600–700 ярдах вдоль края уступа маленькие фигурки людей лихорадочно суеились возле небольшого орудия, похожего издали на игрушечную пушку. Появилось облачко беловатого дыма. Почти сразу я почувствовал, как что-то со свистом пронеслось мимо в воздухе. Пора было уходить. Остальные танки укрылись за двумя кустами верблюжьей колючки. Я невольно подумал, до чего смешно инстинктивно прятаться за тем, что совершенно не способно защитить. Я присоединился к ним за этими кустами и крикнул: «Пожалуй, пора возвращаться».

Лишь теперь у меня появилась возможность спокойно оценить обстановку. Я с тревогой заметил, как низко опустилось тусклое солнце. Сплошная облачность окрасилась тревожным багово-красным цветом. По плато были разбросаны одинокие брошенные грузовики и бронеавтомобили. Над несколькими местами поднимались густые столбы дыма — свидетельство наших первых уничтоженных целей. Я пересчитал машины - все семь танков двух наших взводов были на месте, но никаких признаков остального эскадрона или батальона нигде не было. Я вызвал по радио Хэрри, который двигался рядом: «Где, чёрт побери, все остальные? Командир полка выходил в эфир?» - «Я никого не видел с тех пор, как мы пересекли Триг-Капуццо, — ответил он. — Мы уже минут двадцать пытаемся вызвать командира, но никакого ответа не получаем». Особого беспокойства я тогда ещё не испытывал. На всём огромном плато и вдоль чётких гребней противника не было видно. Достаточно было держать заходящее солнце у себя за правым плечом — и я был уверен, что без труда выйду обратно к своим. Меня тревожило лишь одно - горючее. С утра мы прошли очень большое расстояние, и мысль о том, чтобы застрять без бензина так далеко от своих, совершенно меня не радовала. Когда стало смеркаться, я заметил к югу небольшую группу бронеавтомобилей. Мы немного изменили курс и направились к ним. Я рассуждал просто. Если это противник — мы сумеем справиться. Если свои — они сразу узнают наши *Милашки*, которые невозможно было спутать ни с какой другой машиной в пустыне. Подойдя ближе, я увидел двух человек, которые совершенно спокойно отделились от бронеавтомобилей и направились нам навстречу. С огромным облегчением я понял, что это разведывательный взвод наших Королевских Драгунских Гвардейцев.

Я остановил танк и прыгнул на землю. «Привет! — сказал молодой младший офицер. — Ты нас здорово заставил поволноваться. Но эту форму танка ни с чем не перепутаешь. Где вас, чёрт возьми, носило?» Я коротко рассказал ему о наших приключениях, затем попросил объяснить, как найти 3-й КТП. Он смог назвать лишь примерное местонахождение штаба бригады. Я решил двигаться туда, надеясь по мере приближения установить радиосвязь. Теперь мы шли на юго-запад. До полной темноты оставалось меньше десяти минут, видимость у самой земли сократилась примерно до ста ярдов. И тут я почувствовал, что танк начал двигаться рывками. Кто-то потянул меня за штанину. «Уэйли говорит, что бензин кончился!» — крикнул мне наверх наводчик. Я быстро выругался, затем вышел в эфир и приказал всем танкам остановиться. Командиры машин собрались возле меня. После короткого совещания мы решили, что, поскольку вскоре весь взвод останется без горючего, лучше сразу организовать ночной лагерь и попытаться связаться со штабом. Теперь нас уже полностью окутала густая пустынная ночь. Мы чувствовали себя довольно уверенно, полагаясь на её непроницаемую темноту. Я построил танки плотным кольцом, развернув все пушки наружу. Радист начал буквально кричать. Я уже собирался отчитать его за этот ужасный шум, когда он выпалил: «Есть связь с командиром полка!» Я мгновенно вскочил на башню и быстро доложил обстановку. Командир коротко ответил, что пытался вызвать нас весь день, затем спросил наши координаты. Я назвал довольно приблизительное местоположение. Он сказал, что отправляет ко мне бензовоз и что с ним поедет офицер с радиостанцией. Нам придётся по радио выводить его к себе. Я вернул микрофон радисту. «Не отпускай этот бензовоз ни на секунду, — сказал я. — Иначе утром мы все окажемся либо в плену... либо ещё хуже».

После этого мне оставалось только молиться, чтобы я не слишком ошибся при определении своего местонахождения. По моим расчётам, мы находились примерно в пяти милях от ночного расположения батальона. Через полчаса в эфир вышел офицер снабжения. Он сообщил, что уже едет к нам, а затем попросил: «Дайте мне *яблочек в карамелю/toffee apples*», - так на армейском жаргоне называли трассирующие пули, выпускаемые ночью вертикально вверх для обозначения своего местонахождения. Если только это не совпадало с налётом авиации, сигнал был вполне надёжным. Главным его достоинством была кратковременность: Яркие светящиеся точки вспыхивали всего на несколько секунд — как раз достаточно, чтобы наблюдатель успел определить направление. Я приказал Хэрри Мегрейту быть наготове с автоматом *Томпсон/Thompson*, потом сказал в микрофон: «Давай яблочки... Сейчас!» Хэрри нажал на спуск примерно на две секунды. Тишину пустыни разорвал громкий дробный треск автоматной очереди. Красные трассирующие пули одна за другой устремились высоко в ночное небо. Я буквально вдавил наушники в голову. Несколько секунд стояла мучительная тишина, потом наконец прозвучали благословенные слова: «Вижу ваши *яблочки*. Подъезжаю. Ждите меня.»

Было уже далеко за полночь, когда мы, стараясь не шуметь, наконец добрались до ночного расположения батальона. Командир полка всё ещё был заметно раздражён нашим исчезновением, однако его недовольство быстро прошло, когда я рассказал о нашем весьма успешном небольшом рейде. К нашему немалому удивлению, вторая половина Эскадрона С всё ещё отсутствовала. Более того, они вернулись только после восхода солнца. Полковник ввёл нас в курс событий. Во второй половине дня 8-й Полк Гусар полк подвергся мощной атаке противника. Именно на помощь гусарам столь срочно понадобились все наши танки. Позже другие офицеры рассказывали мне, как они наблюдали атаку гусар. Те мчались прямо на немецкие танки, сидя на башнях своих машин едва ли не с хлыстами в руках. Адьютант описал увиденное так: «Это было похоже на старт скачек через препятствия — словно всадники только что понеслись к первому барьеру». Этот первый бой оказался весьма характерным для многих ранних столкновений с участием кавалерийских полков. Им были свойственны невероятный боевой задор, стремительность и подлинное, захватывающее дух мужество. Лишь одно постепенно умеряло этот пыл — всё уменьшающееся число молодых отважных офицеров... ..и танков. Именно в самом начале той кампании я усвоил одну важную вещь. Я понял, когда следует проявлять отвагу, а когда — благоразумие, и каким образом использовать оба этих качества себе на пользу. Практически каждый риск необходимо было тщательно просчитывать. Для меня лично храбрость перестала быть безрассудным порывом. Она превратилась в вопрос здравого расчёта, умения вовремя воспользоваться благоприятной возможностью и правильно выбрать момент. В конце концов, армии — да и тебе самому — очень мало пользы от того, что ты оказался исключительно храбрым... ..и исключительно мёртвым.

В ту ночь, вернувшись в лагерь, где рядом были свои и ощущалась относительная безопасность, я был полон уверенности. Мы заставили противника отступить, нанесли ему ощутимый ущерб и сами не понесли потерь. Мы с Мегрейтом возвращались от командира полка к своим взводам весьма довольные собой и с нетерпением ждали рассвета и новых возможностей. Когда я подошёл к своему танку, ремонтная команда *LAD* уже вовсю трудилась под *Милашкой*. В круге тщательно замаскированного света на песке лежали инструменты, запасные детали и всё необходимое для ремонта. «Что случилось, сержант?» — спросил я. Он удивлённо посмотрел на меня: «То есть вы не знаете, сэр? Господи! Да вам полностью снесло один опорный каток. На любом другом танке вы бы после этого и десяти ярдов не проехали». Я сразу вспомнил тот резкий удар и лёгкую дрожь машины возле уступа. Перед глазами вновь возникло маленькое облачко дыма, и я снова словно почувствовал, как что-то невидимое стремительно пролетело рядом со мной. Я ласково похлопал ладонью по броне своего танка и устроился в одеялах, надеясь поспать хотя бы столько, сколько позволят бесконечные удары молотков и лязг инструментов ремонтников. Они трудились всю ночь, но закончить ремонт так и не успели.

Перед самым рассветом нам пришлось перегрузить в другой танк всё своё имущество: снаряжение, продовольствие, постели и даже весь экипаж. Вскоре я настолько привык к подобным переездам, что перестал обращать на них внимание. Тем же вечером военный корреспондент [Рэндолф Черчилль](#) (Randolf Churchill), собиравший яркие истории для своих читателей, отправил в Каир сообщение: «Боб Крисп, южноафриканский [быстрый боулер](#), сделал первый *хет-трик* кампании *Crusader*, уничтожив три вражеских танка тремя выстрелами». Эту заметку тут же вывесили на доске объявлений клуба *Gesira*. Если разобраться... это было лишь небольшим преувеличением. Тем временем в другой части пустыни солдаты немецкого 3-го Разведывательного Батальона заносили в свой журнал запись о нападении противника: «Противник располагал очень быстрыми танками, и подразделению пришлось на полной скорости отходить под непрерывным огнём. Противник вынудил подразделение отойти дальше к северу, через Триг-Капуццо и первый уступ плато, после чего сам повернул на юго-восток». Никто, кроме меня, так и не поверил моему рассказу о том, что в тот день я действительно смотрел сверху на Бардию.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

До этого момента всё происходило более или менее в соответствии с планом. Британские бронетанковые части занимали именно те районы, которые были предусмотрены операцией. Однако существовала одна серьёзная проблема: немцы так и не отреагировали. Не произошло того большого танкового сражения, ради которого всё и задумывалось. Дивизии *панцеров* дивизии никак не вступали в бой. Вместе с тем по нашим батальонам всё настойчивее распространялись тревожные слухи. Говорили, что *Милашки* и *Крусейдеры* совершенно не способны на равных сражаться с немецкими *Pz.III* и *Pz.IV*. Суть была предельно проста: наши маленькие пушки не могли пробить немецкие танки, а немецкие легко уничтожали наши. Слова *восемьдесят восемь* всё чаще звучало среди танкистов как символ страшной смерти и искалеченных тел. Уже через несколько дней после начала кампании мы пришли к выводу, что для уничтожения одного *Pz.IV* требуется не менее трёх *Милашек*, и за всю кампанию мы так и не нашли эффективного способа противостоять немецкой тактике использования противотанковых орудий непосредственно в боевых порядках танков. Именно эта тактика едва не принесла Роммелю победу в данном сражении, да и во многих последующих боях в пустыне тоже.

Утром никто даже не успел приготовить традиционный чай. Едва рассвело настолько, чтобы можно было хоть что-нибудь различить, как среди нас начали рваться артиллерийские снаряды. Никто понятия не имел, откуда стреляют. Обстрел, источник которого невозможно увидеть, действует на нервы особенно сильно. У человека нет даже психологического облегчения, которое даёт возможность ответить огнём. Едва мы успели рассредоточиться, как поступило сообщение: «Танки противника атакуют правый фланг батальона». Мы заняли позиции *hull-down*, готовясь встретить эту угрозу. Но прошло меньше получаса, и выяснилось, что танки теперь якобы атакуют уже левый фланг. Эта угроза тоже оказалась призрачной. Следующие два часа мы лишь сидели, всматриваясь в бесконечные пески. Где-то далеко я заметил колонну машин, заправлявшихся горючим, но определить, свои это или чужие, было невозможно., да и никто другой тоже не мог этого сказать. Следующая тревога прозвучала около полудня. По радио предупредили: «С севера следует ожидать мощной атаки. Там сосредотачиваются танки и транспорт противника». Нас попытались успокоить сообщением, что Королевские ВВС сейчас нанесут по этому скоплению бомбовый удар. Всё утро над пустыней действительно наблюдалась оживлённая авиационная деятельность, первая за всю кампанию. Самих бомбардировщиков мы так и не увидели, но одно только сообщение о них заметно подняло настроение.

К этому времени большинство из нас уже страдало своеобразным синдромом «волки, волки!». Мы слишком часто получали сигналы ложной тревоги, поэтому настоящий бой застал нас врасплох. В эфир ворвался отчаянный крик Эскадрона В. Они буквально вопили, что подверглись атаке более ста танков. Внезапно пустыня наполнилась разрывами фугасных снарядов. Над нами с ужасающим свистом пролетали бронебойные снаряды. С запада, на огромной скорости, имея солнце за спиной, так что его лучи били

прямо в глаза нашим наводчикам, приближались десятки тёмных, зловещих силуэтов немецких танков. А ещё быстрее, всего в нескольких сотнях ярдов впереди них, неслись назад *Милашки* Эскадрона В. Вместе с ними мчалось около полудюжины небронированных автомобилей. Они буквально пролетели сквозь боевые порядки Эскадрона А, и тут командир этого эскадрона закричал в микрофон: «Стоять! Стоять, чёрт вас всех побери! Разворачивайтесь и деритесь, трусливые ублюдки! Следующий танк, который я увижу отступающим, я расстреляю сам!» Когда вся эта лавина пронеслась мимо меня и снаряды начали ложиться уже совсем рядом, удержаться и не развернуться вслед за бегущими было невероятно трудно. Я решил этого не делать, но и погибать в тот момент мне совершенно не хотелось. Ответ казался очевидным: нужно было двигаться, только двигаться не в ту сторону и не туда, чтобы это можно было бы назвать бегством.

Теперь я отчётливо видел немецкие танки. Они широким фронтом спускались по огромной ложбине. Наверное, их было сорок-шестьдесят машин, хотя в пылу боя их легко можно было принять за сотню. Слева от меня тянулся невысокий гребень — южная кромка этой ложбины. Я направил свой взвод туда на полной скорости. Остальные танки немедленно перестроились вслед за мной. Я надеялся выйти во фланг наступавшей немецкой бронированной лавине и одновременно уйти из-под её фронтального огня. Перевалив через гребень, я повернул вдоль его вершины назад, чтобы посмотреть, что происходит, и выяснить, удастся ли нам нанести противнику какой-нибудь ущерб. Наступление немцев уже заметно теряло первоначальный напор — главным образом потому, что почти не встречало сопротивления. К тому же быстро сгущались сумерки, и, хотя немцы, вероятно, испытывали немалое удовлетворение, большого успеха они в тот вечер едва ли могли добиться. Я заметил, что к моему взводу присоединились ещё две *Милашки*. Я повёл всю группу широким осторожным обходом, надеясь выйти в тыл немецким *Pz.IV*, двигавшимся на фланге. В сгущавшихся сумерках я различил силуэты двух бронеавтомобилей, стоявших на краю ложбины и стрелявших из обоих своих орудий куда-то на восток. В той неразберихе невозможно было определить, британские это машины или немецкие. Жаль было упускать такую удобную возможность уничтожить пару немецких шестиколёсных бронеавтомобилей — если это действительно были немцы. Поэтому я решил быстро приблизиться к ним и убедиться наверняка. Если окажется, что это противник, я сразу сообщу остальным танкам своего взвода, и они без труда их уничтожат. Я подал сержанту взвода знак рукой оставаться на месте и приказал механику-водителю увеличить скорость. О скрытности уже не могло быть и речи, но я надеялся подойти достаточно близко прежде, чем нас заметят. Мне удалось приблизиться примерно на тридцать ярдов, прежде чем я отчётливо увидел чёрный крест, нанесённый на башню. Тогда я приказал водителю: «Левый разворот!» Танк резко развернулся, подняв огромное облако песка и пыли, а я уже схватил микрофон, чтобы приказать своему взводу открыть огонь, но было уже поздно. Только теперь я понял, что мой жест рукой либо вовсе никто не заметил, либо понял неправильно. Пять *Милашек* во весь опор неслись следом за мной в сгущавшейся темноте. Один из них мчался прямо на меня, предупредить своего водителя я уже не успевал. Мне удалось лишь немного изменить направление движения, чтобы избежать лобового столкновения. Раздался страшный скрежещущий удар. Наш танк намертво сцепился ведущей звездочкой и гусеницами с налетевшей на нас *Милашкой*. Из башни второго танка мгновенно высунулась перекошенная от ярости физиономия командира Эскадрона А. Тем временем два немецких бронеавтомобиля, явно озадаченные столь необычным зрелищем у себя за спиной, поспешили воспользоваться случаем и быстро исчезли в темноте. Мы кое-как расцепили машины, но ведущая звёздочка моего танка оказалась безнадежно погнута. Пришлось буксировать *Милашку* обратно в ночной лагерь.

В тот вечер батальон собрался в лагере заметно поредевшим и сильно подавленным. Больше всего нам хотелось одного - информации. Что вообще происходит? Неужели всё это лишь окраина какого-то огромного поля боя? Кто побеждает? Ответов не было. Одному из радистов удалось поймать передачу *BBC* с девятичасовыми новостями. Мы собрались вокруг радиоприёмника и услышали знакомый спокойный голос диктора: «8-я Армия численностью около семидесяти пяти тысяч человек, прекрасно вооружённая и

оснащённая, начала общее наступление в Западной пустыне с целью уничтожения германо-итальянских войск в Африке». Той ночью девятичасовые новости *BBC* слушали не только мы: их слушали и немецкие радиоперехватчики. Именно это сообщение оказалось той самой жизненно важной информацией, которой так не хватало Роммелю. Атака 8-й Армии было засекречено настолько тщательно, что до этой радиопередачи по *BBC* немецкое командование совершенно не понимало, что перед ним разворачивается крупномасштабное наступление. Более того, до самого последнего момента Роммель был убеждён, что англичане просто не способны в тот период начать полномасштабную операцию. Получилось так, что именно диктор *BBC* дал старт дальнейшим событиям. Поскольку Роммель считал происходящее не более чем крупной разведкой боем, он вовсе не отреагировал так, как ожидали британские штабные планировщики. В течение тех двух суток, когда предполагалось, что он вступит в генеральное танковое сражение с нашими сосредоточенными силами, он оставался сравнительно пассивным, главным образом пытаясь разобраться в происходящем и получить достоверную информацию. За эти же два дня командующий 8-й Армией, обеспокоенный отсутствием решительных действий противника и ощущая собственную неспособность повлиять на ход событий, приказал трём бронетанковым бригадам активно продвигаться через линии снабжения Роммеля и наносить удары по тылам немецких войск, [осаждавших Тобрук](#). В результате в самый решающий момент британская бронетанковая группировка оказалась рассредоточенной: она распалась на три отдельные части. Каждая из них теперь уступала по численности противостоявшим ей немецким танковым силам и не могла быстро прийти на помощь двум другим. Операция *Crusader*, да и вся война на Ближнем Востоке, едва не были проиграны исключительно из-за того, что в первые два дня Роммель не поверил в серьёзность британского наступления и бездействовал.

Теперь события начали развиваться стремительно. Ночи перестали быть тихими и тёмными. Наши собственные ночные лагеря по-прежнему оставались островками отдыха и пополнения запасов. Немцы же, стремясь обеспечить себе безопасность за счёт хорошей видимости, придерживались прямо противоположной тактики. Всю ночь вокруг своих лагерей они освещали пустыню яркими белыми и зелёными ракетами, которые непрерывно запускали их передовые сторожевые посты. Теперь, по крайней мере, ночью хотя бы одна сторона всегда точно знала, где находится другая. В ту ночь мне приказали ещё до рассвета вывести свой взвод вперёд и патрулировать район перед батальоном, который с рассветом должен был двинуться строго на север.

ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ

В холодной предрассветной темноте мой взвод покинул ночной лагерь. Все были голодными, сонными, грязными и совершенно лишёнными всякого воодушевления. Я уныло жевал твёрдую галету, густо намазанную мармеладом. Мне передали её снизу, из башни, где экипаж завтракал. Танки медленно ползли вперёд. В каждой машине в этот момент происходило почти одно и то же. Механик-водитель, крепко сжимая рычаги управления и держа ногу на педали газа, напряжённо всматривался в узкую полосу мира, видимую через смотровую щель. Радист возился с радиостанцией, одновременно проверяя боекомплект и бронебойные снаряды для 37-миллиметровой пушки. Наводчик устраивался поудобнее, испытывал механизмы горизонтального наведения, проверял пулемётные ленты и, прищурившись, смотрел через прицел на круглое отверстие, за которым простиралась пустыня. Каждый командир танка стоял по пояс в открытом люке башни или сидел сверху, свесив ноги внутрь. Он до предела напрягал зрение, пытаясь первым заметить любой силуэт или малейшее движение. На голове неизменно были наушники, на груди висел микрофон. Только так он сохранял постоянную связь одновременно и с экипажем, находившимся внутри машины, и с остальными танками полка.

С востока по пустыне медленно разливался рассвет. И как только свет достиг пространства перед нами, он внезапно осветил плотную транспортную колонну, быстро двигавшуюся через наш фронт в северо-западном направлении. По-видимому, мы заметили друг друга одновременно. Голова колонны сразу резко повернула на запад и поспешила уйти, развив такую скорость, что мы не успели даже открыть огонь. На

крайнем правом фланге завязался ожесточённый бой. Около середины утра Эскадрон С получил приказ переместиться туда на помощь двум другим эскадронам, находившимся под сильным давлением противника. Проезжая мимо штаба, я успел перекинуться несколькими словами с нашим полковым врачом, доктором Макмилланом. Он сообщил мне: «Питер Уильямс убит». Питер был заместителем командира Эскадрона В. Во время эвакуации из Франции он получил *Военный Крест/Military Cross* за бои под Кале. Он стал первым погибшим офицером 3-го КТП, и каким-то трудно объяснимым образом его смерть незаметно изменила настроение всех без исключения. Через несколько минут я проехал мимо танка Уильямса. Он стоял там, где был подбит, и тут меня поразило одно обстоятельство. Танк был обращён лобовой частью на север — в сторону противника, но снаряд, уничтоживший машину и убивший самого Уильямса, пробил заднюю часть башни. Я невольно задумался о том, сколько людей за всю войну уже погибло — и ещё погибнет — от пуль, снарядов и бомб своей собственной стороны. В стремительной и хаотичной войне в пустыне распознавать своих и чужих было чрезвычайно трудно. Эту задачу ещё больше осложняли бои, которые очень часто происходили в неопределённом освещении рассвета или сумерек, а также крайне скудные сведения о передвижениях как собственных, так и вражеских войск.

Весь тот день представлял собой непрерывную череду беспорядочных стычек с противником, который, казалось, заполнил всю пустыню к северу от нас. Мне пришлось провести несколько танковых дуэлей. Я подбил два немецких танка и при этом многому научился. Я понял, с какими бронированными машинами противника *Милашки* способны успешно сражаться, а каких следует избегать до тех пор, пока не удастся создать для себя действительно выгодную обстановку. Например, мы были готовы без особых опасений вступать в бой с любым количеством итальянских танков, а также с немецкими *Pz.II* и бронеавтомобилями, а вот *Pz.III* и *Pz.IV* приходилось побеждать не столько превосходством в боевых качествах, сколько хитростью, удачным манёвром и Божьей милостью. Именно в этот день я впервые в жизни увидел летящие в меня бронебойные снаряды ещё до того, как они ударили по моему танку. Я выбрал себе целью два немецких *Pz.II*, которые, как это обычно бывало при угрозе нападения, отделились от основной колонны. Используя каждую складку местности, я осторожно сокращал дистанцию. Я уже решил для себя, что 600 ярдов — это абсолютно предельная дальность, с которой моя 37-миллиметровая пушка ещё может вести действительно эффективный огонь. Конечно, они тоже меня видели, и прекрасно понимали, что я пытаюсь сделать. Вдруг один из танков окутался небольшим облачком дыма после выстрела. В то же самое мгновение я заметил тёмный предмет, со свистом летящий прямо в меня. Почти сразу выстрелил и второй танк - произошло то же самое. Я отчётливо видел, как оба снаряда ударились в песок примерно в десяти ярдах перед моим танком, затем рикошетом отскочили вверх и с оглушительным металлическим звоном ударились о броню. Этот случай оказался для меня бесценным уроком. Я успел заметить, насколько быстро снаряды теряли траекторию, и понял, что на таком расстоянии — не более тысячи ярдов — *Pz.II* уже не способны причинить мне серьёзного вреда. Но ещё более важным было другое открытие. Я понял, что в этих немецких танках сидят люди, которым страшно, причём, как мне тогда показалось, намного страшнее, чем мне самому.

Думаю, именно в тот день мы окончательно утратили свою прежнюю беспечность и восторженность. Из нашей жизни исчезло чувство приключения. На смену ему пришли суровая сосредоточенность, страх и непрерывно нарастающая усталость — не только физическая, но и душевная. Под вечер нам приказали занять позиции для атаки крупной колонны противника, замеченной к северо-западу. Усталые и уже без особого энтузиазма мы ожидали приказа начать идти в атаку, но он так и не последовал. Солнце окончательно зашло. Вместо атаки мы в темноте отошли обратно в ночной лагерь и начали подсчитывать всё возрастающую цену войны. События этого дня и последующий поворот всей кампании были predeterminedены ещё предыдущей ночью. Именно тогда Роммель приказал обеим своим танковым дивизиям — 15-й и 21-й — соединиться и «атаковать и уничтожить силы противника, выдвинувшиеся к Тобруку». В конце приказа были такие слова: «Целью является центральный аэродром у Сиди-Резега».

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Среди ночи командиров взводов разбудили и вызвали к танку командира полка. Там, при свете тщательно прикрытого фонаря, нам показали план предстоящей атаки. На рассвете совместно с батареей Королевской Конной Артиллерии мы должны были атаковать немецкий ночной лагерь. Возвращаясь к своим танкам, мы вполголоса ворчали и ругались. Вообще-то, по очень простой причине, я давно считал, что лучший способ атаковать немецкий лагерь — это именно полномасштабное ночной удар. Я не мог придумать для немцев ничего страшнее, но именно в этой операции мне участвовать совершенно не хотелось хотя бы потому, что я был чертовски сонным. В четыре часа утра мы уже двигались в темноте. Не прошло и получаса, как все лёгкие артиллерийские тягачи Королевской Конной Артиллерии — так называемые *quads* — увязли в болотистой низине, сохранившейся после последних сильных дождей. Когда же мы наконец добрались до места предполагаемой атаки, от немецкого лагеря остались лишь следы гусениц и колёс на песке. Чтобы хоть как-то компенсировать это разочарование, мы яростно атаковали небольшую группу машин противника. Очень быстро выяснилось, что все они давно брошены - подобные случаи были вовсе не редкостью: ночные лагеря снимались с места ещё до рассвета, когда видимость была минимальной. В этот первый утренний час могло произойти буквально всё что угодно. То же самое происходило и в последний час перед заходом солнца, да и в течение дня особенности местности и атмосферы порождали самые невероятные зрительные обманы. Кусты превращались в танки, танки казались рядами деревьев, а мирно пасущееся вдали стадо верблюдов легко могло вызвать по радио срочное донесение о концентрации немецких танков. Такие сообщения переходили: от взвода — к эскадрону, от эскадрона — к полку, затем в штаб бригады, а иногда вызванная ими паника доходила даже до штаба армии. Лично мой танк за время кампании прошёл многие десятки миль, преследуя самые настоящие миражи.

День начался крайне неудачно, и таким же оставался всё утро. Мы трижды отправлялись на поиски противника, и все три раза это оказывалась бессмысленная погоня за несуществующей целью. Мы столько времени бесцельно колесили по пустыне, что не успели даже приготовить традиционный чай. В 13 часов 30 минут весь полк получил приказ двигаться по азимуту 283. Впереди должен был идти Эскадрон С, то есть — и мой взвод. Я как раз размышлял, через сколько минут этот приказ отменят и заменят новым курсом, когда услышал голос командира полка: «Наши товарищи подверглись мощной атаке. Им нужна помощь. Мы должны двигаться как можно быстрее». К этому моменту боёв так много танков уже было потеряно или вышло из строя, что ни один эскадрон не имел полного состава. Организация подразделений стала весьма условной. В моём собственном взводе оставалось всего два танка. Во второй машине находился офицер Том Эйнон, временно исполнявший обязанности сержанта взвода. Я вывел свой танк точно на курс 283. Мы вдвоём двинулись вперёд хорошим ходом, прямо через пустыню на запад. Очень скоро мы оказались далеко впереди всего батальона. Я уже начинал думать, что и эта тревога окажется ложной, но вдруг впереди появились характерные столбы густого чёрного дыма. Они медленно поднимались к небу, густые и вязкие, словно патока. Обернувшись назад, я увидел далеко позади маленькие движущиеся точки остальных танков. Ещё дальше, как я знал, двигались два других танковых полка 4-й Танковой Бригады. Все вместе они насчитывали около ста танков вместо положенных ста шестидесяти. По радио мне удалось связаться с командиром полка. Голос его звучал слабо и очень далеко. Я попытался выяснить, куда именно мы идём и что нас ожидает впереди, но он не смог сообщить ничего, кроме уже известного курса. Тогда я решил не ждать подхода остальных сил. Лучше было как можно быстрее двигаться вперёд и добыть сведения, которые могли бы оказаться полезными командирам, следовавшим за мной. Я посмотрел на Тома. Он тоже слышал весь разговор. Высунувшись из башни, он лишь беспомощно развёл руками.

Я приказал механику-водителю увеличить скорость. Затем предупредил экипаж, чтобы все были готовы практически ко всему. Компас нам больше не требовался. Теперь дорогу указывал тот мрачный ориентир — густые столбы чёрного дыма впереди. Операция *Crusader* стремительно приближалась к своему страшному решающему моменту. Азимут

283 градуса был уже не просто линией, проведённой по карте через пустыню: он вёл прямо к [аэродрому Сиди-Резег](#). Если кратко описать обстановку тем субботним утром, то она выглядела следующим образом. Лёгкие британские силы — пехота, артиллерия и танки 7-й Танковой Бригады и Группы Поддержки/Support Group — уже занимали аэродром и значительную часть уступов плато, господствовавших над ним с севера и юга. Их задачей было соединиться с войсками, прорвавшимися навстречу из осаждённого Тобрука. Эта операция уже началась. 22-я Танковая Бригада всё ещё находилась южнее. 4-я Танковая Бригада располагалась именно там, где я только что описал. Тем временем обе немецкие танковые дивизии уже начали наступление с юго-востока, выполняя приказ Роммеля: «Уничтожить силы противника в районе Сиди-Резега».

Я немного изменил курс, повернув севернее, так что нос моего танка оказался направлен прямо на высокие столбы чёрного дыма — предвестники беды. Далеко на западе на самой линии горизонта виднелись какие-то одинокие машины. По мере того, как мы стремительно приближались, я всё отчётливее различал длинные колонны и отдельные группы транспорта, разбросанные по всей пустыне слева от меня. Но ничто не могло подготовить меня к тому зрелищу, которое внезапно открылось, когда мой танк неожиданно оказался у самого края длинного уступа, круто уходящего вниз прямо под его гусеницами. Примерно в тридцати ярдах справа танк Тома резко остановился, и почти сразу в наушниках прозвучал его полный изумления голос: «Господи Иисусе, Боб! Что, чёрт возьми, здесь происходит?» Прямо перед нами, далеко внизу, лежал пустынный аэродром. Его правильная прямоугольная форма отчётливо выделялась среди песков. Границы взлётно-посадочного поля были отмечены аккуратными рядами разбитых немецких и итальянских истребителей, в центре аэродрома беспорядочно лежали искорёженные британские танки. Из некоторых всё ещё поднимались густые чёрные столбы дыма. Слева пустыня была буквально усеяна небронированными машинами, но удивительным образом нигде не было заметно никакого движения людей. Справа же, между нашими двумя танками и аэродромом, весь склон уступа и его подножие были заполнены людьми. Одни рыли щели, другие устанавливали мины, третьи толпились возле противотанковых и полевых орудий. А некоторые... совершенно невероятно... спокойно готовили себе еду. На противоположном уступе тоже находилось множество людей. Они были менее активны, чем те, что находились внизу. Время от времени там были видны вспышки выстрелов. Ни я, ни Том не могли определить, кому принадлежат все эти люди, машины и орудия. Единственное, что можно было сказать совершенно определённо, касалось танков на аэродроме: все горевшие машины были британскими *Крусейдерами*.

Позади меня не было видно никаких признаков приближения остального батальона. Тем не менее мне удалось установить очень слабую радиосвязь с командиром полка. Его голос звучал едва различимо, словно из бесконечной дали. Я приблизительно сообщил ему своё местонахождение и описал открывшуюся передо мной невероятную картину. В конце добавил: «Я не могу понять, кто они — свои или немцы. Вы можете сказать, что здесь вообще должно находиться?» Он ответил, что сначала свяжется со штабом бригады и через минуту-другую вновь выйдет на связь. Ответ оказался совершенно неожиданным: «Считайте противником всё, что видите». Когда командир произносил эти слова, я смотрел в сторону Тома. Даже с расстояния в тридцать ярдов я отчётливо видел выражение полного изумления на его лице. Мы стояли на самом краю уступа. Внизу, примерно в шестистах ярдах, находилось огромное скопление людей. Я видел, что многие из них смотрят на нас, но никто не проявлял особого беспокойства. Я уже почти убедил себя, что это наши части, однако полной уверенности всё же не было, и последнее сообщение командира полка ничуть не помогло разобраться. При этом я совершенно не сомневался, что люди на противоположном уступе — немцы. Я даже собственными глазами наблюдал вспышки их выстрелов и разрывы снарядов среди войск, расположенных внизу. Как бы там ни было, происходящее совершенно не укладывалось в представление о нормальном сражении. Я уже буквально сходил с ума, пытаясь определить, где заканчиваются свои и начинаются чужие, постоянно запрашивал командира полка, но он сам ничего не знал. Наконец я сказал Тому: «Я почти уверен, что пехота, окопавшаяся примерно в двух тысячах ярдов севернее, — немцы. Сейчас открою по ним огонь из пулемёта». Я уже приказал своему наводчику: «*Браунинг*... вправо... две

тысячи... пехота противника...», как вдруг услышал громкие крики и сильные удары по броне танка. Я посмотрел вниз. Возле машины остановился небольшой открытый легковой автомобиль, в нём, стоя на переднем сиденье, возвышался высокий худощавый бригадир. На его погонах отчётливо были видны корона и три звезды. Я снял наушники. Он спросил:

— Здесь вы командуете?

Я ещё раз взглянул на его погоны, чтобы убедиться в звании, и ответил:

— Я командую этим взводом, сэр.

— Из какой части?

— 3-й Королевский Танковый Полк. 4-я Танковая Бригада.

— Отлично.

Он говорил быстро и спокойно.

— С запада атакуют немецкие танки. Мы нуждаемся в вашей помощи. Следуйте за мной.

Я отчаянно возразил:

— Сэр, если вы подождёте десять минут, сюда подойдёт вся бригада.

Бригадир посмотрел на меня и коротко ответил:

— Если вы окажетесь там через десять минут — ещё успеете.

Потом добавил:

— Если через пятнадцать — будет уже слишком поздно. Следуйте за мной.

Он сел, что-то сказал светловолосому водителю, сидевшему рядом без фуражки. Автомобиль мгновенно сорвался с места и понёсся вниз по склону. Я приказал своему механику-водителю следовать за ним. Танк тяжело запрыгал вслед. Через плечо я видел, как следом несётся танк Тома. На ходу я успел как можно точнее объяснить командиру полка происходящее. Сообщил, что сейчас мчусь к аэродрому, где находится множество подбитых танков. Передал слова бригадира: «Если вы будете здесь через десять минут — успеете. Если через пятнадцать — опоздаете». Я добавил, что, насколько могу судить, нахожусь немного восточнее *Пункта 176* на карте, и что всё, что находится между ним и аэродромом, следует считать относящимся к своим войскам. Большого я сделать не мог, поэтому испытал огромное облегчение, услышав в ответ подтверждение, что меня поняли. Тем временем мы уже спустились вниз и оказались среди собственной пехоты и артиллерии. Да, это действительно были наши. Грязные, измученные солдаты с надеждой поднимали головы, когда мы проносились мимо. Я видел, как они что-то кричали нам вслед и показывали поднятые вверх большие пальцы. Мы пролетели через их позиции, подняв огромное облако пыли. Двадцать... двадцать пять... тридцать миль в час. Танк тяжело подпрыгивал на буграх, кустах и траншеях, потом вдруг выскочил на совершенно ровную поверхность аэродрома, усеянную искореженными самолётами. В каких-нибудь тридцати ярдах впереди мчался маленький автомобиль. Светлые волосы водителя сияли на солнце, словно украшенный перьями шлем легендарного [Генриха Наваррского](#). Рядом стоял бригадир. Высоко подняв руку, он держал сине-белый флаг, который на бешеной скорости вытянулся почти горизонтально. Теперь становилось понятно, почему измученные солдаты приветствовали его такими восторженными криками. Картина, должно быть, действительно выглядела впечатляюще.

Мы стремительно пересекали аэродром по направлению к заходящему солнцу. Я понятия не имел, куда именно мы едем и зачем. Я просто следовал за тремя звёздами, короной и развевающимся сине-белым флагом. Сначала мы промчались среди ещё горевших британских *Крусейдеров* — тяжёлое и удручающее зрелище, потом оставили их позади и пронесли мимо нескольких подбитых немецких танков. Это выглядело гораздо

приятнее. После этого мы вновь вылетели на открытое пространство пустыни, и вдруг на нас обрушился настоящий дождь из снарядов. Ровная поверхность земли мгновенно превратилась в хаос огромных фонтанов красновато-жёлтой земли, летящих камней, осколков и свинца. Маленький автомобиль то исчезал в каскадах грязной, едко пахнущей дымом земли, то снова вырывался вперёд, ловко петляя между разрывами. Казалось невероятным, но он продолжал нестись дальше, и рука бригадира, державшая высоко поднятый флаг, ни разу не дрогнула. Наконец, на противоположном краю аэродрома, там, где снова начиналась полоса кустарника, автомобиль остановился, и мой механик-водитель нажал на тормоза. Высокий бригадир поднялся во весь рост, обернулся ко мне, а затем широким взмахом руки указал на запад. Этим же движением он дал знак водителю. Мотор автомобиля взревел, машина резко развернулась и, подобно зайцу, уходящему от борзых, зигзагами помчалась обратно через разрывы снарядов, быстро скрывшись из виду. Я перевёл взгляд туда, куда только что указал бригадир, и у меня буквально перевернулось всё внутри. Примерно в 1 200 ярдах передо мной широкой линией, плечом к плечу, двигалась сплошная цепь тёмно-бурых силуэтов: шестьдесят... а может быть, семьдесят чудовищ. Они неуклонно приближались к аэродрому, ко мне. Яркие вспышки выстрелов на концах их пушечных стволов казались особенно страшными на фоне тёмной маскировочной окраски машин. Небо за ними полыхало кроваво-красным закатом. Мне даже не понадобился бинокль, чтобы узнать немецкие *Pz.III* и *Pz.IV*. Между танками двигалась пехота. До меня доносился треск пулемётной стрельбы.

Я схватил микрофон и сказал наводчику: «Пушка, дистанция — тысяча двести. Видишь все эти штуки, что идут прямо на нас? Это немецкие танки. Выбирай один и стреляй по нему, пока не подобьёшь. Начинай». Почти сразу прозвучал первый выстрел. Я проследил взглядом за траассирующим снарядом, он полетел по длинной пологой дуге, ударился в один из тёмных силуэтов... и высоко отскочил вверх. Мы находились слишком далеко, чтобы причинить врагу серьёзный ущерб, но я должен был хоть что-нибудь делать, а вот они уже находились в пределах своей эффективной дальности. Я продолжал вести огонь скорее в надежде, чем в уверенности. Во всяком случае, это поддерживало боевой дух: мы ведь не могли просто сидеть и ждать. Меня не покидало мучительное ощущение того, что я стою словно на ладони. Во всей округе не было ни одного куста выше двух футов, который хотя бы создавал иллюзию укрытия. Я лихорадочно искал глазами хоть какую-нибудь складку местности, хоть малейшую неровность, за которой можно было бы вообразить себя в безопасности, но на всей этой плоскотине единственными неровностями были лишь перепаханные гусеницами старые танковые следы. Как ни странно, скорее всего, именно то, что я оставался неподвижным, и спасло мне жизнь. Вдруг справа я увидел танк Тома - его *Милашка* на полной скорости неслась через аэродром. Он почти поравнялся со мной, до него оставалось около ста ярдов, и вдруг, не сбавляя скорости, танк резко вильнул в сторону. Подняв огромный фонтан песка, словно быстроходный катер брызги воды, он почти полностью развернулся и исчез где-то среди подбитых машин. Думаю, именно эти подбитые танки и спасли меня. Немецкие наводчики, вероятно, уже не могли различить, какие из машин были подбиты, а какие ещё вели бой, и уж совершенно невероятно было ожидать, что перед ними окажется одна-единственная *Милашка*.

Я быстро оглянулся назад, рассчитывая увидеть ложбину, заполненную наступающими машинами всей 4-й Танковой Бригады с развевающимися жёлтыми вымпелами, и настроение моё резко упало. На всём огромном аэродроме не двигалось ничего. Теперь вокруг меня непрерывно вздымались красноватые фонтаны взрывов. Рот был полон едкого вкуса пороховых газов, в нос бил тот страшный запах, который всегда сопровождает близкую смерть. Воздух был насыщен свинцом и грохотом. Немецкие танки медленно приближались, непрерывно стреляя. Среди разрывов фугасных снарядов и грохота собственной пушки я отчётливо различал страшный свист бронебойных снарядов. Иногда мне даже удавалось заметить на долю секунды пролетающий трассер. Он проносился так близко, что казалось, будто поток воздуха за ним буквально вырывает дыхание из лёгких. Время от времени мой танк резко вздрагивал — это означало очередное попадание. Вдруг я услышал радостный крик наводчика: «Попа! сэр!» Как приятно было слышать его восторг. Я увидел, как над одним из *Pz. III* медленно поднялся

дым. Из танка начали выскакивать люди. Наводчик работал превосходно. Я лишь изредка подсказывал ему цель, наблюдая, как трассеры один за другим устремляются к противнику. «Продолжай бить по тому большому ублюдку, которого уже зацепил. Не отпускай его, пока совсем не остановишь». Заряжающий тоже действовал безупречно, да и времени бояться у него просто не было. Он выдёргивал очередной снаряд из укладки, опускал рычаг выбрасывателя стреляной гильзы, с силой загонял новый снаряд в казённый, чтобы затвор сам захлопнулся, наклонялся вперёд, похлопывал наводчика по плечу, подавая условный сигнал: «Орудие готово», и тут же начинал всё сначала, едва слышал выстрел и чувствовал рядом с собой откат пушки. К тому же он не видел того, что видел я, да и наводчик через свой прицел наблюдал лишь небольшой участок поля боя. Больше всего мне было жалко механика-водителя. Он сидел внизу, втиснувшись в своё тесное место, и инстинктивно старался отодвинуться как можно дальше от смотровой щели. Он ничего не мог сделать и лишь в смертельном страхе смотрел вперёд на медленно приближавшуюся линию немецких танков. Наверное, он с мучительным ужасом думал, когда же наконец прилетит тот самый снаряд, который разорвёт его тело на куски, и всё это время ощущал руками и ногами работающий двигатель.

Я тоже всё время слышал двигатель. Среди общего грохота особенно отчётливо выделялась ровная, почти музыкальная работа нашего авиационного мотора. Танк слегка покачивался. Иногда это означало попадание, иногда — всего лишь откат нашей собственной пушки. Всё это время я продолжал вызывать командира полка: «Алло, JAGO... JAGO One вызывает. Семьдесят танков противника приближаются к западной окраине аэродрома. Веду бой на дистанции тысяча ярдов. JAGO One — JAGO... Приём». Я буквально выкрикивал своё сообщение сквозь десятков отчаянных переговоров, полностью забывших полковую радиочастоту, и надеялся лишь на одно: что хоть кто-нибудь меня услышит. Ответа я так и не получил. В подобных обстоятельствах человеческое представление о времени полностью теряет смысл. До сих пор не могу сказать, сколько мы простояли на краю аэродрома Сиди-Резег. Пять минут? Двадцать? Не знаю, но наступил момент, когда я понял: хватит. Я в последний раз с отчаянием оглянулся назад, надеясь увидеть хоть какие-нибудь признаки помощи. Ничего. Передовая линия немецких танков находилась уже примерно в восьмистах ярдах, но я заметил, что впереди начали рваться снаряды наших 25-фунтовых орудий. Немецкое продвижение словно замедлилось. Казалось, они сами не вполне понимали, что делать дальше, ожидая какого-то решающего приказа. Я решил, что наступил самый подходящий психологический момент для отхода. Как можно спокойнее сказал в микрофон: «Наводчик, прекратить огонь», потом: «Водитель... вперёд... разворот... и гони изо всех сил».

Именно команда «Водитель, вперёд!» всегда была самым страшным мгновением. Так происходило после любого тяжёлого боя. Это была та безумная секунда, когда ты ещё не знаешь, способен ли твой танк вообще двигаться. Даже если двигатель продолжает работать, ходовая часть может быть полностью разрушена. Одна или обе гусеницы могут уже лежать на песке искорёженной грудой металла. Любой из тех страшных ударов, которые ты только что ощущал, вполне мог означать конец последней надежды — подвижности. На краю аэродрома я невольно задержал дыхание. Почувствовал, как включилась передача, затем двигатель радостно взревел на повышенных оборотах. Танк сдвинулся с места, но был ещё один критический момент. Как только машина тронулась с места, я понял: теперь взгляды всех немецких наводчиков устремятся именно на меня. Если сейчас двигатель заглохнет — нам конец. Впрочем, шанс погибнуть оставался в любом случае, но я был уверен: если только удастся набрать скорость — мы уйдём. Разворот прошёл благополучно. Через несколько секунд мы уже мчались обратно через аэродром, резко меняя направление то вправо, то влево, поднимая собственную дымовую завесу из песка и ныряя в облака дыма от разрывов. Как я и ожидал, теперь казалось, что весь немецкий огонь сосредоточен исключительно на мне: «Водитель — вправо... держать... Теперь влево... держать... Снова вправо...» Так мы и прорывались обратно сквозь этот невероятный коридор смерти. Каждая прожитая секунда приближала нас к спасению. Когда мы достигли укрытия за подбитыми танками, я понял: от бронейных снарядов они нас уже прикрывают. Мы выбрались.

На посреди обратного пути через аэродром я почувствовал себя уже достаточно уверенно, чтобы сбавить скорость и оценить обстановку. Бой ещё далеко не закончился, но вести его в одиночку я совершенно не собирался. Остальная часть бригады должна была находиться где-то поблизости. Я остановил танк и принялся внимательно осматривать местность в бинокль. Позади меня немецкие танки, казалось, остановились в нерешительности, не доходя нескольких сотен ярдов до аэродрома. Солнце уже скрывалось за возвышенностью на западе. До полной темноты оставалось не более получаса. Несколько успокоившись, я перевёл бинокль на юго-восток. Именно оттуда я ожидал увидеть *Милашки* нашего 3-го КТП, стремительно спускавшиеся по уступу, но вместо этого увидел лишь огромное клубящееся облако пыли. Внутри него, едва различимые, кружились знакомые силуэты британских танков. Они двигались кругами, описывали восьмёрки, бессмысленно носились из стороны в сторону. Полковая радиочастота превратилась в настоящий бедлам: приказы, контрприказы, отчаянные запросы информации. На несколько драгоценных секунд мне всё же удалось связаться с командиром полка. Я услышал, как он приказал всем остальным замолчать: «Все прекратите передачу! Мне нужно поговорить с Бобом». Я не стал вдаваться в подробности, только сообщил, что примерно семьдесят немецких танков наступают на аэродром с запада, и посоветовал ему выстроить все наши машины вдоль восточной окраины аэродрома лицом на запад. Там я и буду ждать. Ответ командира оказался предельно откровенным. Где-то посреди поднятой танками пыльной бури он произнёс: «Я сейчас не могу отличить собственную задницу от локтя, не говоря уже о востоке и западе». Но я услышал, как затем он передал эскадронам мой приказ: строиться, равняясь по моему танку.

Из облака пыли начали появляться отдельные машины. Они беспомощно металась в разные стороны, две из них свалились в противотанковый ров. Через бинокль я видел один из них, он лежал на боку. Верхняя гусеница бешено вращалась в воздухе. Это был полный хаос. Через несколько тягостных минут командир полка приказал всем машинам у верхней бровки уступа. Не могу сказать, что это решение меня огорчило, напротив, я испытал огромное облегчение. Немецкие танки снова пришли в движение, в отблесках алого закатного неба они казались ещё более огромными и грозными. Медленно, но неумолимо они двигались к аэродрому и южному уступу. По нашему танку они вновь открыли прицельный огонь. Мы не стали медлить и сразу выполнили последний приказ. Однако почти сразу стало ясно, что с танком происходит что-то неладное: он двигался как-то странно, потом я почувствовал запах дыма. Я быстро заглянул вниз, в башню. Наводчик и радист подняли ко мне свои побелевшие лица. Беззвучно, одними губами, они произнесли: «Горим...» Я обернулся назад. Из вентиляционных жалюзи моторного отделения уже валил густой дым, в тот же момент *Милашка* окончательно остановилась. Я закричал экипажу: «Покинуть танк!» Мы выпрыгнули на песок и стали хватать с раскалённой брони всё, что успевали: одеяла, продовольствие, фляги с водой, котелки, кухонную утварь. Потом, спотыкаясь, побежали обратно через разрывы снарядов, из последних сил взбираясь вверх по уступу среди всеобщего хаоса и наступавшей темноты.

Первым человеком, которого я увидел наверху, оказался Хэрри Мегрейт. Он тоже поднимался по склону вместе со своим экипажем. Именно его танк я видел перевернувшимся в противотанковый ров. Я указал назад, на аэродром, над ним теперь поднимался ещё один густой столб дыма. «Вот и наша *Милашка*,» — сказал я и быстро поведал ему обо всём случившемся. Потом спросил: «Но что, чёрт побери, произошло со всеми остальными?» Хэрри только покачал головой: «Такой неразберихи ты ещё не видел. Мы нормально добрались до края уступа. А дальше никто уже не понимал ни куда идти, ни что делать. Нам приказали выйти на аэродром и выстроиться по твоему танку лицом на запад. Потом к нам примешался 5-й Танковый Полк. Все вместе мы подняли такую чёртову тучу пыли, что дальше десяти ярдов ничего не было видно. Мы просто ездили кругами друг вокруг друга. По-моему, ни один наш танк вообще не успел вступить в бой». Разговаривая и тяжело дыша, мы поднялись наверх. Вскоре мы увидели небольшую группу *Милашек*, над которыми лениво трепетали жёлтые опознавательные выпелы в наполненном пылью воздухе. К своему облегчению мы сразу узнали

командира полка. Он стоял на башне танка. На голове — наушники, микрофон прижат к губам. Увидев нас, он передал переговоры радисту и спрыгнул вниз. «Как же я рад вас видеть, — сказал он. - Весь чертов батальон исчез. У меня остался мой собственный танк

и ещё три машины. Всё. С некоторыми удалось связаться по радио. Но никто из них понятия не имеет, где находится сам и где находимся мы. Что случилось с вами?» Пока я вкратце рассказывал свою историю, глаза его становились всё шире от удивления. Я уже дошёл до эпизода с Томом Эйноном и спросил, не выходил ли Том с ним на связь. Именно в этот момент рядом остановилась ещё одна *Милашка*. Из нее выбрался знакомый силуэт в чёрном танковом комбинезоне. Это был бригадир Гейтхаус. Совершенно спокойным голосом он сообщил: «Мой штаб захватила немецкая танковая колонна. Мне нужны танки. Надо отбить штаб обратно». Никогда в жизни я не был так благодарен судьбе за то, что мой собственный танк оказался подбит. Ничто не могло поколебать каменного

спокойствия Алека Гейтхауса (1895-1964, на фото слева). Он даже не удивился, когда услышал, что 3-й КТП способен выделить всего четыре *Милашки*. «Тогда я возьму машины у Динхэма Дрю,» — спокойно сказал он. Затем он уехал туда, где был 5-й КТП, располагавшийся где-то восточнее нас на вершине уступа. Там он собрал около двенадцати *Милашек*, построил их плотным треугольным бронированным клином и увёл в ночную пустыню. Позже они неожиданно столкнулись с немецкой колонной. Бой получился бурным и совершенно хаотичным, но штаб бригады отбить им так и не удалось.

Солнце уже исчезло за суровыми западными уступами. Дым и пыль войны постепенно сливались с наступавшей темнотой. Мы напряжённо всматривались вниз, пытаясь понять, что происходит. Я был почти уверен, что вот-вот из мрака появятся приземистые силуэты немецких танков. Но ничего подобного не произошло. Единственное движение, которое удалось различить, принадлежало группе санитаров с носилками. Они шли вдоль края западного уступа, сохраняя удивительное спокойствие, словно вокруг не бушевал бой. Пулемётные пули со свистом носились над низким кустарником. Пользуясь последними отблесками света, я внимательно рассматривал этих мужественных людей в бинокль. Кроме врача, который шёл впереди, все эти парни были цветными. «Боже мой... — сказал я самому себе. - Капские цветные! Значит, там расположена южноафриканская бригада». И вновь перед моими глазами возникла та длинная цепь немецких танков, медленно выползавших из закатного зарева. Я подумал о пехотинцах, прижавшихся ко дну своих мелких каменистых окопов. Что с ними станет, когда *панцеры* пройдут прямо через их позиции? Я повернулся к командиру полка. «Господи, сэр... Этот бригадир сегодня наверняка заслужил *Крест Виктории*. Но как же мне хотелось, чтобы он всё-таки подождал те десять минут...» Он действительно получил *Крест Виктории*. Тем бригадиром был Джок Кэмпбелл.

Той ночью мы разбили лагерь прямо там, где находились. Каждый сидел на своём месте внутри башни танка. Я всё думал о том, что случилось с Томом Эйноном. О завтрашнем дне я не думал вовсе. Несколько лет спустя, уже в Англии, ожидая начала вторжения в Нормандию, я коротал время, описывая эти невероятные события для одной воскресной газеты. Мой тогдашний командир прочитал статью в офицерской столовой, потом спросил меня: «Это действительно правда?» и язвительно добавил: «Очень удобно, что единственный человек, который мог бы подтвердить твою историю — Джок Кэмпбелл, — уже мёртв». К тому времени я уже давно пришёл к выводу, что младший офицер никак не может дать полковнику пинка под зад и выйти после этого сухим из воды, особенно в офицерской столовой, поэтому я промолчал. Через несколько дней я получил письмо. Быстро взглянув на подпись, я с огромной радостью увидел: Том Эйнон. Я сразу пригласил его погостить у нас несколько дней, и сам поехал встречать его на вокзал Ипсвича. Он вышел из поезда... на костылях и с одной ногой.

Когда мы вернулись в офицерскую столовую, Том рассказал мне свою историю. Он видел аленький штабной автомобиль, остановившийся рядом с моим танком, и слышал, как я передавал командиру полка сведения по радио. Но, по его словам, он просто не поверил своим глазам, когда увидел, как этот автомобиль стремительно понёсся вниз по уступу, а мой танк помчался прямо за ним. Сам он задержался всего на несколько секунд, затем тоже устремился вслед за нами. Отставал он на несколько сотен ярдов и шёл на полной скорости. Он видел, как мой танк остановился, потом увидел, как штабной автомобиль, лавируя между разрывами снарядов, понёсся обратно. Том всё ещё ломал голову над тем, что вообще происходит, когда внезапно заметил длинную линию немецких танков, приближавшихся к аэродрому. «Я уже собирался приказать механику сбросить скорость, чтобы остановиться рядом с тобой, — рассказывал Том, — как вдруг моя *Милашка*, всё ещё мчась во весь опор, неожиданно резко развернулась почти на месте. Мы понеслись обратно через аэродром, беспорядочно бросаясь из стороны в сторону. Сначала я решил, что водитель сошёл с ума, и уже орал на него в микрофон, когда почувствовал, как радист изо всех сил тянет меня за ногу. Он крикнул, что водитель убит». Почти сразу после этого танк остановился сам собой. Экипаж поспешно выбрался наружу. Вокруг аэродрома непрерывно рвались снаряды, воздух был наполнен свистом пуль. Том обежал танк спереди, пытаясь вытащить водителя через передний люк, поднял тяжёлую стальную крышку люка и просунул обе руки внутрь, чтобы ухватить водителя под мышки. Тот был либо уже мёртв, либо без сознания. Когда Том откинулся назад, собираясь вытащить тело, он вдруг почувствовал, как неожиданно включилась передача. Танк резко дёрнулся вперёд, Тома сбilo с ног, и машина полностью переехала его. По мнению самого Тома, произошло следующее: немецкий снаряд пробил переднюю часть танка и убил механика-водителя. Перед смертью его нога вдавила педаль сцепления и так и оставалась на ней, пока Том пытался вытащить тело наружу. В этот момент нога соскользнула, и педаль сцепления резко вернулась в исходное положение. Передача включилась, и танк сам поехал вперёд. «Когда я выбрался из-под этой Милашки, — рассказывал Том, — несколько секунд вообще не понимал, что произошло. Я увидел, как танк удаляется, а мой экипаж цепляется за его борта, в то время как за рулём сидит мёртвый водитель. Только потом понял, что моя нога почти полностью оторвана у самого бедра. В ту ночь меня подобрали немцы и отправили в один из своих госпиталей». После почти трёх лет, проведённых в госпиталях и лагерях для военнопленных, Эйнон был освобождён по программе обмена пленными. Это произошло незадолго до того, как он прочитал мою газетную статью. Я позволил ему самому повторить свою историю командиру полка без каких-либо комментариев с моей стороны. Позже появилось ещё одно своеобразное подтверждение тех событий. После окончания войны бригадир Хили, описывая тот день в памятной книге Королевской Артиллерии, рассказал об отходе артиллеристов с позиций на краю аэродрома. Он писал: «Наступавшая немецкая пехота была уже почти рядом. Артиллеристы продолжали вести огонь практически в упор, хотя, казалось, не имели ни малейшей надежды выжить. Эти несгибаемые люди продолжали сражаться у своих орудий. И вдруг из сгущавшихся сумерек с рёвом вылетел взвод британских лёгких танков. Он стремительно атаковал немецкую пехоту и, ведя огонь из всего имеющегося оружия, сумел задержать наступление противника настолько, что артиллеристы успели прицепить свои орудия к тягачам и вывести их из-под удара».

Удивительно, насколько сильно может измениться восприятие событий, если посмотреть на них под немного другим углом. Ещё один пример подобного различия содержится в истории Стрелковой Бригады/Rifle Brigade. После упоминания искусственной пыльной бури, поднятой атакующими танками и разрывами снарядов, автор рассказывает, как бригадир Кэмпбелл подъехал к позициям одного из полков 4-й Танковой Бригады, промчался вдоль строя боевых машин, колотя кулаком по их стальным бортам, объяснил всю срочность положения и повёл их вперед «словно в кавалерийскую атаку, размахивая красным флагом». Меня совершенно не удивляет, что на том кровавом поле боя и в том невероятном хаосе сине-белый флаг бригадира мог показаться кому-то красным. Точно так же неудивительно, что двое *Милашек* могли показаться целым танковым полком. Ещё одна загадка того вечера у Сиди-Резега, долго не дававшая мне покоя, позже была объяснена немецкими журналами боевых действий. Когда я в последний раз видел

немецкие танки и пехоту, они уже почти достигли края аэродрома. Я никак не мог понять, почему ночью или хотя бы на рассвете следующего дня они не заняли всю ложбину и господствующие уступы к северу и югу от неё. Я слишком хорошо понимал, что практически ничто не мешало их продвижению через аэродром. Перед ними оставались лишь пустые корпуса подбитых танков, да погибшие. Что же их остановило? Немецкое объяснение оказалось предельно простым: у них закончились горючее и боеприпасы.

Вот так и создаётся история, и вот так её потом пишут. На следующее утро газеты Великобритании и стран Британского Содружества вышли с ликующими заголовками, цитируя заявление генерала сэра [Томаса Блейми](#): «Британия выиграла танковое сражение в Ливии». За прошедшие годы я много раз пытался заново пережить собственные чувства того безумного дня, и всякий раз всё начинается одинаково: с тяжести где-то в животе. Вероятно, именно это чувство и породило английское выражение «to get wound up» — внутренне напрячься, завестись от волнения. Нечто подобное я испытывал и раньше, перед стартом соревнований, перед выходом на поле, где я должен был отбивать мячи в тестовом матче по крикету. Но как только гонка начинается или первая подача уже летит к тебе, страх ожидания исчезает: его полностью поглощает само действие. В бою происходит то же самое. Когда разум и тело полностью заняты делом, поразительно, как мало места остаётся для страха. Я помню лишь два момента на аэродроме, когда страх оказался настолько сильным, что буквально ударил меня в живот. Первый — когда я впервые увидел длинную шеренгу немецких танков, двигавшихся прямо на меня. Второй — когда я обернулся назад, ожидая увидеть, как на аэродром с рёвом вырываются *Милашки* нашей бригады, и вдруг понял, что я совершенно один. Но эти ощущения длились лишь мгновения, почти сразу они уступали место делу и необходимости не дать почувствовать страх тем трём людям, которые находились внутри моего танка. Я обязан был оставаться командиром не только для них, но и для самого времени, и для обстоятельств. Я совершенно не понимал, что происходит вокруг, и, как всегда, меня переполняло жгучее любопытство — что случится дальше? Во всём этом присутствовало и чувство необычайного подъёма от того, что мы делали или пытались сделать практически в одиночку. Кроме того, я был чертовски зол, зол вовсе не на немцев и не на итальянцев. Я злился на бригадиров, на генералов, на полковников, на все эти проклятые бронетанковые бригады и полки, которые оставили меня одного, без всякого прикрытия посреди аэродрома, в нескольких сотнях ярдов от целой немецкой танковой дивизии, пока сами беспомощно метались в полной неразберихе.

Тем вечером я завернулся в чужие армейские одеяла, устроился рядом с танком адъютанта и уснул, лишь недоумевая, каким образом нам четверым вообще удалось остаться в живых.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

В Великобритании это воскресенье — последнее воскресенье ноября — завершает церковный год, в немецком церковном календаре этот день называется *Totensonntag* — *Воскресенье мёртвых*. Именно под этим названием он вошёл в историю Африканского Корпуса. Хотя, если говорить откровенно, гораздо точнее было бы назвать его своеобразным Днём поминовения усопших Южно-Африканской Голландской реформатской церкви.

За ночь к нашему небольшому месту отдыха постепенно добрались ещё несколько заблудившихся *Милашек*. В 5 часов 30 минут утра, в воскресенье, весь оставшийся боеспособный состав 3-го КТП — все семь танков — получил приказ двигаться на юго-запад, по азимуту 210 градусов. Откуда поступил этот приказ, знал, по-видимому, только командир полка. Вся местность вокруг нас была совершенно пуста. Ни одной *Милашки*, не было видно ни штаба бригады, ни 5-го КТП, ни 8-го Полка Гусар, ни наших собственных эскадронов А и В. Оставались только штаб батальона и жалкие остатки двух взводов Эскадрона С. Впрочем, мы всё-таки точно знали, где находятся кое-какие наши танки. Они стояли там, у основания тех густых чёрных столбов дыма, которые всё ещё поднимались из ложбины, скрытой за уступом примерно в миле к северо-западу.

Дым и пыль вчерашнего сражения ещё висели в совершенно неподвижном воздухе. Откуда-то ярдах в сорока доносился совершенно невероятный свист. Оказалось, это экипаж какого-то случайного грузовика готовил себе завтрак. Мы молча наблюдали за рассветом, размышляя о том, что принесёт наступающий день. Первые красные лучи солнца коснулись высоких дымных столбов, окрасив их в кровавые оттенки, после чего они начали медленно расплываться тонкими багровыми полосами. Почему-то мне вдруг пришло в голову, что примерно так же, должно быть, выглядело облако, ведущее израильтян при исходе из Египта. Пока двигатели танков прогревались, экипажи уничтоженных машин разместились на броне оставшихся *Милашек*. Так им предстояло ехать до тех пор, пока не удастся встретиться с нашими грузовиками Эшелона В, где можно будет дождаться новых машин. Я устроился на корме танка адъютанта. На крышке моторного отделения было приятно тепло. Я сидел, размышляя, как бы раздобыть себе новый танк, и одновременно пытался представить, что стану делать, если мы снова пойдём в бой. Повлиять хоть на что-нибудь я всё равно не мог, транспорта не было, да и ехать было некуда. Но одно я знал совершенно точно: я не собирался весь день просиживать задницу на уступе, наблюдая сверху за битвой при Сиди-Резеге, хотя, честно говоря, мне казалось, что сражение вряд ли затянется надолго.

Когда солнце окончательно поднялось над пустыней, ярко-красное и почти идеально круглое, мы неожиданно оказались в месте, которое иначе как густонаселённым назвать было невозможно. Повсюду вокруг нас стояли сотни машин: грузовики, автомобили, штабные легковые машины, десятитонные грузовики, джипы, радиофургоны, командирские автомобили, броневые автомобили. Над лагерем лениво поднимался мирный дымок десятков костров, на которых готовился завтрак. Оглядываясь с удивлением со своего места на корме *Милашки*, я с огромной радостью увидел на рукавах многих солдат оранжевые нашивки южноафриканцев и знакомые, дружелюбные, хотя и заметно встревоженные, лица военнослужащих, занимавшихся своими обычными утренними делами. Мы оказались в районе штаба 5-й Южноафриканской Пехотной Бригады, где-то к юго-западу от Харейфет-эн-Нбейдат. Наша маленькая группа танков остановилась. Я увидел, как командир полка спрыгнул на землю и заговорил с одним из старших офицеров, который брился возле штабной машины. Я тоже слез с танка и почти сразу оказался среди старых знакомых. Среди них был Ронни Гривсон (1909-1998) — игрок сборной Трансвааля и Южной Африки по крикету. Он рассказал мне новости о других моих товарищах по крикету, разбросанных сейчас по всей Западной пустыне. Среди них был, например, Брюс Митчелл. Затем нас угостили огромными кружками великолепного горячего кофе. После одного взгляда на мою физиономию Ронни предложил воспользоваться его тазиком для умывания и принадлежностями для бритья. Улыбающийся африканец-денщик принёс канистру горячей воды. Всё это до удивления напоминало старые времена, охотничьи поездки по южноафриканскому *вельду*. Я успел только намочить лицо и намылить его, как услышал, что адъютант зовёт меня по имени. Он энергично махал рукой из башни своего танка. Я заметил, что танк командира полка уже тронулся с места. Мне удалось лишь наскоро плеснуть на лицо ещё немного чудесной горячей воды, после чего я бросился догонять колонну, вытираясь ещё более грязным носовым платком.

Под дружный смех, размахивание руками и громкие выкрики непристойностей на африкаанс мы двинулись дальше, оставляя позади машины, людей и всё лагерное имущество. Перекрывая рёв двигателя, адъютант выкрикивал последние новости. Мы должны были продолжать движение по азимуту 210° до места, называвшегося Хагфет-эль-Гарбия. Я развернул карту, лежащую у меня на коленях, и увидел, что этот пункт находится на дороге, ведущей от Эль-Адама к Триг-эль-Абду, примерно в пяти милях южнее нашего нынешнего местоположения. Когда мы туда доберёмся, кричал адъютант, мы должны будем соединиться со штабом своей бригады, который находится где-то в этом районе. Я никак не мог понять, каким образом штаб вообще оказался там, и уже надеялся, что удастся раздобыть ещё один танк, если после ночных приключений там останутся свободные машины.

Мы пересекали сравнительно безлюдный участок пустыни. Позади, за горизонтом, медленно исчезала огромная масса автомобилей, которую мы только что покинули. Я снова погрузился в свои мысли и изучение карты, когда неожиданная суматоха вокруг заставила меня резко вернуться к действительности. Повсюду мимо нас во весь опор неслись грузовики и машины, рассыпаясь веером на север и восток. Солдаты, оказавшиеся на открытом месте, со всех ног бросались к щелям и буквально исчезали в песке. Я выглянул из-за башни и увидел, что мы въехали ещё в один южноафриканский лагерь. Он был ещё больше предыдущего и буквально переполнен транспортом всех возможных видов. Несколько разрывов снарядов прямо перед нами сразу объяснили причину внезапной паники. Адъютант наклонился назад и прокричал мне прямо в ухо: «Лучше слезай, Боб. Твоих южноафриканских друзей атакуют немецкие танки. А нам приказано идти им на помощь». Я кивнул, спрыгнул с танка и побежал туда, где несколько офицеров пытались хоть как-то организовать оборону. По дороге я заметил несколько броневых автомобилей и пару *Милашек*, но даже представить не мог, кому они принадлежат. Очень быстро выяснилось, что мы оказались среди машин Эшелона В 5-й Южноафриканской Бригады. Здесь царил настоящая паника: все были убеждены, что немецкие танки окружают лагерь со всех сторон, и тут, совершенно неожиданно, я увидел хорошо знакомый приземистый силуэт немецкого *Pz.III*, рядом с ним шёл более лёгкий *Pz.II*. Они двигались прямо через лагерь, примерно в ста ярдах от меня.

В первое мгновение мне показалось, что это просто галлюцинация, но нет - оба танка действительно были там. Их башни были закрыты, они слегка рыскали из стороны в сторону, словно сами не совсем понимали, куда двигаться, но держали курс прямо на нас. Все вокруг меня мгновенно попадали на землю и поступили совершенно правильно. Я же к подобному способу самосохранения ещё не привык, поэтому сделал то, что казалось мне совершенно естественным - со всех ног бросился к ближайшей *Милашке*. Она стояла кормой к приближавшимся немецким танкам. Вскочив на броню, я увидел, что командир машины совершенно спокойно смотрит куда-то на запад, не имея ни малейшего представления, что происходит у него за спиной. «Эй, ты! — закричал я, изо всех сил ударив его по плечу. При этом я с облегчением заметил, что передо мной всего лишь сержант. — Позади тебя немецкий танк! Стреляй!» Он поднял на меня совершенно пустой, ничего не понимающий взгляд. «Ты откуда? Из какого подразделения?» - «Штаб 4-й Танковой Бригады, сэр,» — ответил он, только теперь заметив мои капитанские знаки различия. «Так, ради всего святого, парень, займись же этими танками!» - я показал рукой на немецкие машины. Они уже проходили мимо всего примерно в тридцати ярдах. Пушки их молчали, они всё так же растерянно двигались на север, разгоняя бегущих солдат, словно нос корабля, раздвигающий волны. Сержант смущённо посмотрел на меня и ответил: «Это танк связи, сэр. Мы... мы никогда ещё не стреляли из пушки». — «Вылезай, — сказал я. — Быстро!» - «Но бригадир...» Я схватил его за ремни разгрузочного снаряжения и буквально выдернул из башни: «К чёрту бригадира. Я сам с ним разберусь, когда увижу. Вылезай!» Он подчинился, хотя выглядел совершенно ошеломлённым и явно неохотно покидал машину.

Я забрался в башню и схватил микрофон внутренней связи: «Водитель, вперёд, вправо. Наводчик, заряжай эту чёртову пушку. Через пару минут ты добудешь себе немецкий танк». Какова была реакция экипажа, я не знаю. Я лишь горячо надеялся, что водитель умеет водить танк, а наводчик знает, как наводить орудие и нажимать на спуск. Я даже не был уверен, что подо мной вообще находится экипаж из трёх человек, однако танк тронулся и поехал именно туда, куда было приказано. Раздался металлический лязг затвора — снаряд был дослан в казённый, значит, и с этим всё было в порядке. Немецкие танки не представляли для меня особой проблемы. Я довольно хорошо представлял себе, что сейчас происходит внутри башен этих *джерри* (*распространенное прозвище немецких солдат среди британцев – ВК*). Они отбились от своей колонны и были перепуганы куда сильнее, чем южноафриканцы, которых они сейчас в панике разгоняли. Мы осторожно двигались через лагерь, стараясь никого не задавить, а затем примерно в сотне ярдов за его пределами нагнали *Pz.III*. Танк всё ещё выглядел совершенно растерянным, словно пытался понять, куда ему теперь ехать. Моему безымянному наводчику понадобилось три выстрела, прежде чем он наконец попал в него. Я увидел,

как трассирующий снаряд влетел прямо в вентиляционные жалюзи моторного отделения. Почти сразу из них повалил дым, одновременно открылась башня, и экипаж поспешно покинул машину. Как только экипаж *Pz.II* понял, что происходит, его танк мгновенно рванул прочь. Он помчался по открытому пространству между двумя лагерями. Я заметил, что к нему уже приближаются два южноафриканских броневомобиля *Marmon-Harrington*, и решил предоставить это дело им.

Экипаж *Pz.III* тем временем медленно пошёл по направлению к нам, подняв руки. Я указал на них группе южноафриканцев, стоявших неподалёку, и те отправились принимать пленных. Мы с моим новым экипажем довольные поехали обратно через лагерь. Было удивительно приятно снова ощущать вокруг себя броню танка. Заглянув внутрь башни, я увидел, что наводчик и радист буквально сияют от гордости. Я наклонился и похлопал наводчика по спине. «Вы ещё ничего не видели, бедняги,» — подумал я про себя. Наша *Милашка* осторожно продвигалась между тесно стоявшими машинами, направляясь к южной стороне лагеря, где я надеялся найти своего командира полка и вновь попасть под его командование. Время от времени какой-нибудь *африканец* неожиданно выскакивал из щели, подняв руки, словно сдаваясь в плен. Я напряг память, пытаюсь вспомнить хоть какие-нибудь фразы на языке зулу или на так называемом «кухонном кафрском», а также разные ругательства, и выкрикивал их этим совершенно растерянным чернокожим солдатам. Невероятно приятно было наблюдать, как сначала на их лицах появляется полное недоумение, потом понимание, затем смущение, а вслед за ним — громкий смех и энергичное покачивание головами, когда до них наконец доходило, что происходит: «Ого! Вот будет что рассказать дома, в краале! Этот фрукт (в оригинальном тексте – *Moff* – грубое выражение, означающее женоподобный мужчина - ВК), который брал меня в плен, сказал мне: «*Hamba lara kaia kawena! Katitsi domoy!*» (на языке фанакало – смеси ряда южноафриканских и европейских языков, на которой объясняются горняки Южной Африки - ВК). Остальные *Милашки* нашего батальона уже заняли позиции вдоль южной окраины лагеря. Мы присоединились к ним как раз вовремя, чтобы оказаться втянутыми в совершенно хаотичную перестрелку с колонной немецких танков и транспорта, которая двигалась на северо-запад, огибая угол лагеря. Все вокруг открыли огонь как сумасшедшие. В бой вступили также несколько взводов противотанковых пушек, где-то позади громыхали наши 25-фунтовые орудия. Если эта немецкая колонна действительно собиралась атаковать нас, то атака была сорвана, и вскоре она вышла из зоны поражения. Позади колонны беспорядочно двигались два или три немецких броневомобиля. Когда я решил, что риск уже вполне оправдан, то направил свой танк прямо к ним, пытаюсь отрезать им путь отхода. Двум машинам удалось уйти. Одну, после короткой погони, я всё же загнал в угол. Мы остановились рядом. Из люка башни уже развевался белый носовой платок, а над ним показалось очень испуганное лицо. Я указал рукой в сторону лагеря и при помощи энергичной жестикуляции объяснил, что ему следует двигаться туда. Подъехал южноафриканский броневомобиль, мы вместе сопроводили немецкую машину обратно. Когда я убедился, что она уже не попытается удрать, то оставил её под охраной и ещё некоторое время без особой цели разъезжал по опустевшей пустыне, в поисках новой лёгкой добычи.

Там, в открытой пустыне, было удивительно приятно, свободно и просторно. Возвращаться мне совсем не хотелось, но больше ничего не происходило, и мы неторопливо двинулись обратно к лагерю. Эта неторопливость была вполне сознательной: по всему периметру лагеря стояли чрезвычайно нервные стрелки — как в танках, так и у своих 2-фунтовых противотанковых пушек. Любое резкое движение впереди могло заставить кого-нибудь открыть огонь. После всего, что произошло за последние сутки, вряд ли кого-то можно было упрекнуть в том, что они сначала стреляют, а уже потом разбираются, кого именно убили. Поэтому, когда мы приблизились, я стал размахивать над головой своим носовым платком и молиться, чтобы артиллеристы хорошо изучили силуэты своих танков. К счастью, никто не выстрелил, и мы спокойно въехали в расположение бригады.

Я направлялся к небольшой группе *Милашек*, которая сместилась с южного фланга и, по-видимому, занимала позицию лицом на запад, когда танк неожиданно, без всякой

команды с моей стороны, дёрнулся и остановился. Я понял причину ещё до того, как водитель успел сообщить её: у нас кончилось горючее. Я приказал экипажу покинуть машину и отправился выяснять, нельзя ли раздобыть бензин у южноафриканцев. Возле одного из грузовиков молодой офицер объяснил, что у них самих топлива почти не осталось, но он всё же может выделить мне одну четырёхгаллонную канистру. Разумеется, это был обычный автомобильный бензин. Высокооктановое авиационное горючее, необходимое для двигателя *Милашки*, от эшелона снабжения ожидать не приходилось. Я отнес канистру обратно и увидел, что мой новый водитель как раз вылезает из переднего люка. До этого момента я его ещё ни разу не видел. К моему величайшему удивлению, едва коснувшись ногами земли, он вдруг принялся бегать кругами, совершенно бессмысленно, с безумным выражением лица. Бедняга - он только что впервые в жизни побывал в настоящем бою и теперь совершенно не понимал, где находится, что делает и что вообще происходит. Остальные двое членов экипажа стояли, растерянно наблюдая за ним, но ничего не предпринимали. Я быстро подошёл. Когда водитель пробежал мимо, я со всего размаха отвесил ему мощнейший пинок под зад. От неожиданности он резко дёрнул головой, споткнулся и остановился. Я схватил его за плечо и хорошенько встряхнул. «Слушай внимательно. Теперь я твой командир танка. Мы находимся в расположении южноафриканской бригады. Наша *Милашка* осталась без бензина. Вот четырёхгаллонная канистра. Заправляй машину». Было видно, как он усилием воли пытается взять себя в руки. Он потёр ушибленное место, ответил: «Есть, сэр», поднял канистру и сразу принялся за работу. Радисту я приказал вернуться к радиостанции и попытаться выйти на частоту батальона, чтобы я мог поддерживать связь с командиром полка. Наводчик подошёл ко мне и сообщил, что пулемёт ещё ни разу не стрелял, поэтому он хотел бы проверить его и боекомплект. «Вот это правильно, — сказал я. — Этот *Браунинг* однажды погубит нас всех, если в нужный момент не заработает как следует... И не забудь вырезать себе пару зарубок на стволе нашей тридцатисемимиллиметровки!»

Пока экипаж приводил машину в порядок, я подошёл к краю лагеря и посмотрел на запад. Полчаса назад там, среди пламени, дыма и грохота, прошла немецкая колонна. Теперь же, там, где совсем недавно царили ужас и шум, лежала совершенно безмолвная пустыня, и вдруг я заметил, как из-за невысокой гряды показались три машины. Они остановились примерно в двух милях от меня, на линии горизонта. Было видно, как возле них суетятся люди. Заинтересовавшись, я поднял бинокль и буквально остолбенел. Это оказался взвод немецкой полевой артиллерии, который как раз разворачивался на огневой позиции. Я наблюдал, как из его стволов один за другим вырываются клубки дыма. Орудия вели непрерывный огонь в северном направлении, по уступу, ограничивающему Сиди-Резег. Казалось, они совершенно не подозревали, что всего в двух милях от них находятся вражеские войска, хотя не заметить огромный массив транспорта, раскинувшийся неподалёку, они просто не могли. Либо они были совершенно неосведомлёнными, либо абсолютно самоуверенными. Я уже почти бессознательно принял решение, что делать дальше. В голове быстро складывался план, я прикидывал шансы на успех, оценивал, какой степени безрассудства потребует эта затея. Я тщательно осмотрел пустыню, пытаясь обнаружить признаки приближающихся немецких машин или окопавшейся пехоты, либо противотанковых орудий, которые могли бы прикрывать батарею. Ничего - пустыня была совершенно открытой, немецкие артиллеристы находились здесь одни.

Я бросился обратно к своему танку. Я уже точно знал, что собираюсь сделать, но мне хотелось иметь хоть какую-то поддержку. Я с надеждой огляделся, мечтая, чтобы рядом оказался Хэрри Мегрейт. Чуть дальше, среди грузовиков и самоходных противотанковых пушек, установленных на шасси грузовых машин (так называемые *самоходные двухфунтовки/2-pounder portees*), я заметил знакомую башню одного из наших танков. Я быстро подбежал к нему и взобрался на броню позади командира машины — лейтенанта из 5-го КТП, носившего роскошные, почти театральные усы. Я не стал терять время на расспросы о том, какого чёрта он вообще здесь делает. Вместо этого быстро рассказал ему о немецких орудиях, о своём замысле и о том, что хочу, чтобы он пошёл со мной. Он выглядел так, словно не слишком верил моим словам. Потом долго смотрел в бинокль.

Было видно, что увиденное произвело на него сильное впечатление, однако решимости ему всё ещё не хватало. «Мне, пожалуй, стоит спросить разрешения у командира полка,» — нерешительно начал он. «Не спрашивай. Сообщи ему. Смотри — сейчас увидишь, как я выезжаю из лагеря. Просто следуй за мной». Я спрыгнул с танка, не дав ему времени на то, чтобы спорить или придумывать множество вполне разумных причин, почему этого делать не следует.

У моей *Милашки* всё уже было готово: оружие и пулемет заряжены, двигатель работал, правда, не слишком ровно — сказывался неподходящий бензин. Радист так и не сумел связаться с командиром полка, но сейчас это уже не имело значения: «Водитель, вперёд!» Я осторожно провёл танк между машинами лагеря, после чего приказал увеличить скорость. Оказавшись на открытом месте, мы сделали широкую дугу, чтобы выйти к немецким пушкам с тыла. Я один раз оглянулся — вторая *Милашка* действительно следовала за мной. После этого всё внимание я сосредоточил на своём плане. Мы шли на скорости примерно 30 миль в час. Успех всей затеи полностью зависел от того, удастся ли подобраться к немцам вплотную, прежде чем они нас заметят. Представить их реакцию было совсем нетрудно: если они не бросятся спасаться бегством, то попытаются развернуть свои орудия и уничтожить нас. Но сейчас их стволы были задраны высоко вверх, ведя огонь по уступу. Это меня особенно не беспокоило. Всё зависело исключительно от времени. Если они заметят нас достаточно рано, успеют развернуть и опустить стволы — нам конец, если же мы окажемся у них буквально над головой, пока они ничего не подозревают, опасности не будет. Каждая прошедшая секунда делала нас всё более неуязвимыми. Вторая *Милашка* виляла позади меня, она двигалась не так быстро, как мне хотелось бы, но ведь это была вовсе не его идея, да и ждать его уже было некогда. Особого значения его положение не имело — самого факта, что за мной несётся ещё один танк, было вполне достаточно, чтобы усилить впечатление, которое я рассчитывал произвести.

До батареи оставалось около трёхсот ярдов. Немецкие пушки по-прежнему били на север. Расчёты были полностью поглощены своей работой. Ещё через пару секунд я уже отчётливо видел, как артиллеристы, словно на учениях, чётко выполняют привычный цикл: зарядить — выстрелить — снова зарядить. Ни одна голова даже не повернулась в нашу сторону. В этот момент я уже понял, что опасность быть разнесённым в клочья немецкими снарядами практически исчезла — если только что-нибудь не случится у меня самого. После определённой точки, когда время и расстояние оказываются позади, ты начинаешь полностью владеть ситуацией. Это — великолепное чувство. Когда до батареи оставалось примерно сто пятьдесят ярдов, кто-то наконец заметил нас. Я почти слышал отчаянный крик тревоги, почти видел выражение ужаса, неверия и полного замешательства, когда все лица одновременно повернулись к несущемуся прямо на них танку. Немцы бросились врассыпную, бросая свои орудия. Я резко скомандовал: «Водитель, медленнее... Стоп. *Браунинг* — по людям и пушкам, огонь!» Танк остановился не более чем в пятидесяти ярдах от противника. Едва машина замерла, затарахтел Браунинг. Я видел, как вокруг и позади пушек взмываются фонтанчики песка, ждал следующей очереди, но почти сразу с досадой понял, что проклятый пулемёт заклинило. Одновременно я увидел, как ближайшее ко мне полевое орудие начинают разворачивать. Двое артиллеристов, которые оказались куда храбрее остальных, лихорадочно пытались навести его на мой танк. Особенно я не беспокоился. Ствол всё ещё был поднят примерно на сорок пять градусов, но времени оставалось совсем немного. Главное — не потерять психологическое преимущество. Я сразу приказал по внутренней связи: «Тридцать семь миллиметров. Ближайшая пушка. Огонь». Наступила пауза, длившаяся примерно три секунды, пока мой экипаж отчаянно пытался произвести первый выстрел. У немцев не было никаких шансов: они едва успели примерно развернуть своё орудие в мою сторону, как, охваченный паникой, кто-то из расчёта дернул за спусковой шнур. Я одновременно с этим услышал выстрел, увидел дым и почувствовал, как снаряд со свистом пролетел над моей головой. Все детали лиц этих трёх артиллеристов навсегда отпечатались в моей памяти. Я видел их небритые подбородки, щетину на щеках. Я видел, как чувство долга и мужество отчаянно борются со страхом, искажая лица страшными гримасами. Ближайший ко мне человек судорожно вращал рукоятку,

медленно опуская ствол. Дуло постепенно снижалось — дюйм за дюймом. Позади него другой немец уже схватил новый снаряд и с силой вгонял его в казённый. Из-за лафета была видна половина фигуры третьего — он уже занял место наводчика. Эти три секунды вместили, казалось, несколько человеческих жизней. Моему наводчику тоже потребовалось три секунды, чтобы совместить перекрестие прицела с самым сердцем немецкого орудия. Потом он нажал на спуск. Резкий, хлесткий выстрел нашей 37-миллиметровой пушки ударил мне в уши. Я увидел, как на массивном металле немецкого орудия вспыхнул тускло-красный круг попадания. Немцы рухнули на землю. Почти сразу один из них снова поднялся. Хромая, он побрёл прочь, правой рукой держась за ногу чуть выше колена, а левую подняв в знак сдачи. Двое остальных так и остались лежать там, куда упали. Больше я не видел, чтобы они пошевелились.

Вторая *Милашка* остановилась рядом остановился рядом. Его орудия были наведены на группу примерно из тридцати-сорока человек, собравшихся между машинами и пушками, с поднятыми вверх руками. Некоторые, что выглядело почти нелепо, ползли по песку на четвереньках. Несмотря на удачный исход этой маленькой вылазки, положение мне совершенно не нравилось. Сейчас эти немцы были смертельно перепуганы, но рано или поздно кто-нибудь из них всё же наберётся смелости и пальнёт в меня из своего *Люгера*, если только мне не удастся удерживать их в этом смертельном страхе. Я крикнул радисту, чтобы тот подал мне автомат *Томпсон*. Получив его, я дал несколько коротких очередей по песку позади тех немцев, которые слишком медленно присоединялись к общей группе. Одновременно я кричал на них на *африкаанс*, яростно размахивая руками. Результат оказался мгновенным — руки поднялись ещё выше. Немцы быстро выстроились колонной по четыре, некоторые даже сами начали подгонять отставших. Вскоре вся эта группа неровной рысью уже двигалась в сторону нашего лагеря. Именно в этот момент из кузова одного из немецких грузовиков неожиданно выпрыгнули несколько человек и побежали к моему танку. На них были британская полевая форма и чёрные береты Королевского Танкового Корпуса. Они что-то отчаянно кричали, и я снял наушники, чтобы услышать их.

— Мы англичане! Англичане! Мы свои!

Они подбежали к танку, всё ещё не веря в неожиданную перемену своей судьбы. «Мы англичане, сэр. Мы были в плену». — «Ладно, — улыбнулся я. — Забирайтесь». Они быстро вскарабкались на корму танка, устроились среди свёрнутых одеял и принялись возбуждённо болтать, смеяться, не скрывая огромного облегчения, которое приходит после пережитого напряжения. Пленных тем временем продолжали гнать к лагерю, их сопровождал второй танк. Я переключил внимание на немецкие орудия. На несколько секунд даже задумался, не прицепить ли их к грузовикам и не отбуксировать ли всё это добро обратно. Это стало бы красивым финалом всей операции, которая, как я не мог не признать, процентов на пятьдесят была ещё и чистым позёрством, но тут далеко на юге я заметил тёмные силуэты, появившиеся над горизонтом и быстро двигавшиеся в нашу сторону. Начиналась гонка, и проигрывать её я не собирался. Даже если ради этого придётся оставить своих пленных. Перед уходом я приказал наводчику выпустить по каждому немецкому орудю по одному 37-миллиметровому бронебойному снаряду, целясь прямо в затвор.

Один вражеский снаряд разорвался примерно в сорока ярдах от нас. Почти сразу за ним последовал второй, он лёг ещё ближе. Пора было уходить. Теперь, когда всё было кончено, наступила естественная реакция. Лично для меня вся эта затея теряла всякий смысл, если я сам не вернусь к южноафриканцам целым и невредимым. Мне хотелось только одного — бежать как можно быстрее назад, к своим, к стаду. Оставались ещё пленные. Они уже почти перестали меня интересовать. Как и не в первый и не в последний раз за войну, я обнаружил, что совершенно не способен испытывать к ним настоящую ненависть или вражду. Моё желание доставить их в расположение наших объяснялось лишь стремлением довести дело до конца, оформить всё как положено, получить, если угодно, последнюю подпись, означавшую всеобщее одобрение, но и это уже не казалось особенно важным. Снаряды начали ложиться всё чаще. Время от

времени я снова ощущал тот безошибочно узнаваемый, леденящий душу свист бронебойного снаряда, проносившегося совсем рядом.

Мы поспешили вслед за второй *Милашкой* и колонной пленных, бежавших лёгкой рысью. Совершенно инстинктивно я расположил свой танк так, чтобы пленные оказались между нами и немецкими машинами, приближавшимися с юга. Мне стало немного стыдно за себя, но, чёрт побери, что было делать? И тут наш танк неожиданно замер. Двигатель несколько раз судорожно кашлянул и окончательно заглох. Стартер ещё несколько раз безнадёжно провернулся, словно в бессильной ярости, и я сразу подумал: «Чтоб тебя... проклятый бензин...» Вторая машина медленно, но неуклонно удалялась, по-видимому, совершенно не подозревая о нашей беде. Я приказал механику продолжать попытки завести двигатель, надеясь, что причина всего лишь в засорившейся топливной магистрали. Одновременно я заставил всех, кто находился на моём танке, отчаянно размахивать руками, пытаясь привлечь внимание командира второй машины — того самого лейтенанта с роскошными рыжими усами, который, казалось, медленно исчезал из моей жизни. Связаться по радио с кем-либо, кто мог бы нам помочь, мы не могли. Все наши надежды сосредоточились на одном-единственном силуэте, сидевшем на удаляющейся башне. Тёмные силуэты немецких машин, приближавшихся справа, теперь двигались куда более целеустремлённо, однако их орудия по-прежнему стреляли как-то нерешительно и не слишком точно. Наверное, они сами никак не могли понять, что здесь вообще происходит. Трое освобождённых британских солдат, сидевших на корме танка, с огромным энтузиазмом помогали нам привлекать внимание. На их лицах было написано совершенно понятное отчаяние: перспектива либо погибнуть от прямого попадания, либо снова оказаться в плену, радости им явно не доставляла.

До относительной безопасности южноафриканского лагеря оставалось ещё примерно тысяча ярдов. Я уже начинал подумывать, не бросить ли танк и не идти ли пешком, когда увидел, что вторая *Милашка* остановилась, постояла несколько секунд, словно колеблясь, а затем резко развернулась и помчалась обратно к нам. Когда она подошла вплотную, выяснить удалось только одно: ни у него, ни у нас не оказалось буксирного троса. Выход был только один — бросить танк и перебраться на вторую машину. К этому времени немецкие танки уже подошли почти на такое же расстояние от нас, на каком мы сами находились от лагеря. Рассчитывать, что эта случайная неприкосновенность продлится ещё долго, не приходилось. Мой товарищ из 5-го КТП, по-видимому, думал точно так же. Едва мы успели забраться на борт его машины, как он приказал: полный вперёд. Мы с рёвом пронеслись мимо колонны немецких пленных, которая всё ещё двигалась к далёкому лагерю, подняв руки вверх. Жаль было их оставлять, но лично я был обеими руками за то, чтобы поскорее убраться. Последнее, что я увидел, было тёмное пятно колонны, медленно двигавшейся по пустыне. Руки у пленных уже были опущены. Нетрудно было представить, о чём они сейчас разговаривают. Наш танк уже почти достиг позиций своих, по-прежнему мчась на полной скорости. Я ждал, когда танк наконец замедлит ход, но тут заметил, что командир машины продолжает смотреть назад, в сторону немцев, ещё мгновение — и мы влетим прямо в собственные оборонительные позиции. Я закричал и перегнулся вперёд, пытаясь жестом остановить механика. В ту же секунду командир, видимо, и сам понял, что происходит. Он резко приказал водителю тормозить. *Милашка* остановилась мгновенно, я, к сожалению, продолжал движение примерно со скоростью тридцать пять миль в час. Я перелетел через танк и с ужасающим грохотом рухнул плечом и одной стороной лица прямо к ногам совершенно ошарашенных расчётов противотанковых пушек.

В лагерь я вошёл пешком, ругаясь, ощупывая ушибы и выковыривая из кожи мелкие камешки. Это, без сомнения, оказалось вполне подходящим финалом всей истории. Чувствовал я себя отвратительно, совершенно опустошённым: я снова оказался на своих двоих — без танка. Мой недавний экипаж подошёл ко мне вместе с тремя освобождёнными британцами. Я велел им найти своего сержанта, а затем доложить старшему офицеру, которого только смогут разыскать: «Спасибо вам за всё. Вы отлично справились. Думаю, ещё увидимся когда-нибудь в штабе бригады». Они чётко отдали честь и ушли, как мне показалось, с явным облегчением. Я же снова отправился искать

хоть какую-нибудь *Милашку* в этом хаосе машин, которая привела бы меня к командиру полка, а если повезёт — то и к новому танку. Сначала я нашёл *Милашку*, потом — командира полка. Он стоял в небольшой группе офицеров и старших сержантов, склонившихся над картами. Я молча присоединился к ним. Если я и надеялся наконец понять, что вообще происходит, то меня ожидало разочарование. Командир короткими движениями пальца показывал на карте, где, по его мнению, находятся различные штабы. 4-я Танковая Бригада была разбросана по всей пустыне. О наших эскадронах А и В никаких известий не поступало. 5-й Танковый Полк и 8-й Полк Гусар находились примерно в таком же положении.

Общая обстановка оставалась столь же неясной и запутанной. Известно было лишь одно - к югу и юго-западу от наших позиций замечено крупное сосредоточение немецких танков и транспорта. Генерал [Готт](#), командующий 7-й Танковой Дивизией, лично связывался с нашим командиром полка. Мы получили приказ оставаться в распоряжении Южноафриканской Бригады и помогать в отражении любых атак противника. Несколько секунд я раздумывал, не рассказать ли им о своей небольшой истории с немецкими полевыми пушками, но, едва начав мысленно формулировать первые фразы, понял, что всё это прозвучит как невероятное хвастовство, а сейчас было совсем не время и не место для подобных рассказов.

Мы подошли к южной окраине лагеря и долго смотрели в сторону юго-запада. Ничто не нарушало однообразия этой плоской равнины, кроме обгоревших остовов танков, грузовиков и неподвижных, уже почти неузнаваемых обломков автомашин. Я невольно подумал о том, что стало с моими пленными, с их пушками, с теми танками, которые отогнали нас от батареи. Я внимательно осмотрел западный горизонт: никаких следов. Скорее всего, немцы, правильно оценив обстановку, предпочли немедленно убраться оттуда. В двух или трёх милях к югу от нас тянулась длинная невысокая гряда. По-видимому, именно за этой складкой местности незаметно для нас и происходило сосредоточение немецких войск, о котором говорили. Когда наша маленькая группа разошлась, а командиры танков вернулись к своим машинам, я взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что утро уже закончилось. Под серым, затянутым облаками небом повисла странная, зловещая тишина. Люди молча переходили от одной щели к другой, раздетые по пояс, углубляя окопы, или сидели, привалившись к колёсам грузовиков, молча поедая свои скудные пайки. Лишь время от времени какой-нибудь броневомобиль быстро проносился по линии горизонта. Я вкратце рассказал полковнику, как получилось, что я остался без танка. Для него было новостью уже то, что мне вообще удалось раздобыть машину. Затем я сказал, что хотел бы получить ещё один танк и попытаться вернуть свой собственный. Он выделил мне один из танков своего штабного взвода. Я наскоро перекусил галетами с джемом, которыми поделился новый экипаж. Мы даже успели организовать для себя чай, который вскипятили на костре у южноафриканцев, пока я упражнялся в своём порядке заржавевшем *африкаанс*. Особой спешки я не испытывал.

Чуть позже трёх часов адъютант объехал наши шесть с небольшим танков и сообщил каждому командиру одно и то же. Броневомобили, находившиеся впереди, донесли о массовом движении противника в сторону нашего лагеря. По всем признакам, атака была неизбежна. Каждый танк должен был выбрать себе позицию между противотанковыми орудиями, которые уже заняли линию обороны по южному и западному периметру лагеря. Боевой приказ был предельно прост: не допустить противника внутрь лагеря. Мы снова забрались в свои танки. Все были смертельно усталыми - телом и душой. События последних дней словно притупили чувства. Воображение больше не работало, не осталось даже сил заранее бояться. Каждая *Милашка* медленно двинулся к месту, которое выбрал его командир. Я занял свободный промежуток между двумя двухфунтовыми противотанковыми пушками, которые всё ещё стояли в кузовах грузовиков. Их расчёты сидели за тонкими бронещитками, они выглядели ужасающе незащищёнными на этих машинах. Я невольно подумал, почему они не выкопали нормальные окопы и не разместили в них орудия. Мне уже довелось самому побывать целью таких пушек - я слишком хорошо знал, каким страшным оружием становится

хорошо замаскированное противотанковое орудие, вкопанное в землю. Я перегнулся через борт и спросил их, почему они предпочитают сидеть в грузовиках, а не в окопах. Они только усмехнулись. «Да мы за последние двое суток нигде дольше часа не задерживались. И вообще... вы сами пробовали здесь копать? Под верхними шестью дюймами — сплошной камень, чёрт его побери». Я усмехнулся в ответ: «Ну... это уже не моё собачье дело», да и поздно было что-либо менять.

Мы находились на самом юго-западном углу лагеря, лицом почти строго на юг. Не успели мы закончить этот короткий разговор, как горизонт перед нами ожил. На нём возникли тёмные силуэты, похожие на сотни движущихся машин. Я крикнул своим южноафриканским соседям: «Hier kom hulle!/Вот они идут!» и приказал наводчику зарядить пушку и пулемет. Затем, помня утренние события, велел механику заглушить двигатель. Если нам предстояло оставаться на месте, мотор был не нужен. Если же придётся двигаться, каждая капля бензина могла оказаться бесценной. Я невольно пожалел водителя, сидевшего в своей тесной, безмолвной кабине, беспомощного перед лицом той смерти, которая была на подходе прямо к нему. По мере приближения противника отдельные силуэты становились всё отчётливее. Перед нами разворачивалось огромное построение из танков, артиллерии и грузовиков с пехотой — уже хорошо знакомый боевой порядок. Впереди — тяжёлые *панцеры*, образующие ударный таран — массивную, неумолимо ползущую фалангу разрушения. За ними — ряды грузовиков с пехотой, прикрытые по флангам и в хвосте лёгкими танками и броневыми автомобилями. В головной группе насчитывалось, по моим оценкам, двадцать или тридцать *панцеров*, а в остальной колонне — примерно столько же других бронированных машин. «Господи... — подумал я, — вот оно. Эту махину уже ничто не остановит. Это ещё хуже, чем вчера. Вчера, по крайней мере, можно было убежать.» Они продолжали приближаться — огромный, чёрный, неумолимый исполин, несущий гибель.

Тёмная маскировочная окраска танков приобрела кровавый оттенок, когда испуганное солнце стало опускаться за их спинами. Тогда вступила в бой наша артиллерия. В стройной массе вражеских машин вспыхнули разрывы, поднимая облака дыма, земли и пыли, но ни темп, ни решимость наступающих не ослабли. Эта зловещая, ползущая масса продолжала двигаться вперёд. Мы ждали, пока танки войдут в пределы досягаемости наших жалких пушек, позволяя ужасному зрелищу навсегда врезаться в память. Для некоторых из нас это «навсегда» продлится долгие годы, для других оно ограничилось всего несколькими секундами. Наблюдая за противником, я вдруг понял, что направление его движения проходит мимо лагеря. Колонна шла на северо-запад, и, если ее курс не изменится, она пройдёт примерно в пятистах ярдах от нашего юго-западного угла. Я почувствовал, как с души свалился огромный груз. Нас не собирались просто раздавить гусеницами. Мы не были главной целью — настоящая цель находилась где-то дальше, за горизонтом, и этой целью по-прежнему оставался Сиди-Резег. Эта мысль была мимолётной, но она хоть немного рассеяла мрак внутри меня. Мы уже различали вспышки выстрелов, вылетающие из пушек немецких танков. Воздух наполнился грохотом и запахом пороховых газов, когда первые снаряды начали ложиться среди нас. Прошла ещё одна мучительная минута ожидания, пока наши собственные орудия наконец не открыли эффективный огонь. Затем двухфунтовки и наши 37-миллиметровые пушки ответили высоким, резким лаем. Воздух мгновенно наполнился трассерами, которые длинными светящимися стержнями неслись вперёд, а затем взмывали вверх, отскакивая от толстых броневых листов немецких машин.

Я приказал своему наводчику открыть огонь и на секунду удивился, услышав собственные слова. Они были в точности такими же, как те, что я произнёс ранее — сколько часов назад? Сколько наводчиков назад? — на аэродроме Сиди-Резег: «Тридцатисемимиллиметровка — танки противника. Держись за одну цель, пока не остановишь её. Огонь!» Я увидел, как красный трассер, под оглушительный щелчок выстрела, с визгом полетел вперёд, отзываясь дрожью даже в зубах. «Попал! — сказал я наводчику. — Не отпускай её». По обе стороны от меня южноафриканские двухфунтовые пушки стреляли так быстро, как расчёты успевали заряжать. Мне было их искренне жаль и немного неловко от собственной сравнительной защищённости. И тут, прямо у меня на

глазах, бронещит правого орудия разлетелся на стальные осколки от прямого попадания. Человек, сидевший за ним, прижав глаз к прицелу, разлетелся вместе с ним — только уже на куски плоти. Люди оттащили изуродованное тело, потом спокойно вернулись к своему делу. Пушка успела сделать ещё несколько выстрелов, затем грузовик снова вздрогнул от попадания. Двое артиллеристов вскинули руки и рухнули на песок. Я машинально пригнулся чуть глубже в башне. Теперь немецкая колонна находилась ближе всего к южноафриканским позициям, и бой вокруг меня достиг своей кульминации. Танки непрерывным потоком проходили перед нашим фронтом, воздух был испещрён трассерами и озарён непрерывными вспышками выстрелов. Позади всего этого солнце оставило на небе широкую кроваво-красную полосу, окрашивая пустыню в зловещий цвет. Этот красный свет ложился на стальные борта *панцеров* и на тёмные брезентовых тентах пехотных грузовиков, словно их освещало само пламя ада. Я почти автоматически следил, как трассеры моей собственной пушки летят к цели. Теперь они уже не описывали дугу, а мчались почти по прямой к ближайшим *Pz.IV*. Вдруг, сквозь грохот, я услышал радостный крик наводчика: «Есть, сэр! Попал! Это уже второй ублюдок!» Я увидел, как огромный чёрный танк остановился и так и остался стоять неподвижно, пока вся колонна продолжала движение. Башенный люк не открылся, не появилось и ленивой струйки дыма, которая обычно означала пожар внутри. Я внимательно следил за его пушкой через бинокль. Она молчала. Я наклонился, похлопал наводчика по плечу и, улыбаясь, сказал в микрофон: «Отличная работа, старина. Продолжай, ты выигрываешь это сражение». 37-миллиметровая пушка снова рявкнула. Я почти безучастно проследил взглядом за трассером. Противотанковое орудие слева от меня всё ещё вело огонь, частично прикрытое бронёй моей *Милашки*, орудие справа уже молчало, молчал и его расчёт.

Где-то на уровне подсознания я ощущал весь окружающий хаос, чёрные клубы едкого дыма, которые каждые несколько секунд накрывали танк после очередного разрыва, но всё моё внимание было приковано к этой огромной движущейся массе, ползущей по плоской равнине. Это чувство было сильнее страха, сильнее любых личных переживаний. Мне казалось, будто я сторонний наблюдатель, лишённый собственной личности, который продолжает выполнять обязанности командира танка исключительно по привычке и благодаря многократно отработанным действиям. И всё же сильнее всего было чувство облегчения: мы всё-таки не были их главной целью. Мы были лишь случайной помехой, кратким эпизодом. «Куда же они, чёрт возьми, идут? — думал я. — Почему не поворачивают, чтобы раздавить нас всех?» Но они продолжали двигаться дальше, миновали точку наибольшего сближения и ушли в пустынную даль, на северо-запад, к своей настоящей цели. Позади них оставались дымящиеся следы боя. Когда тяжёлые танки продолжили движение, грохот пушек постепенно сменился резкой, частой трескотнёй пулемётов. Время от времени высоко в небо взлетал гриб огня и дыма — очередной грузовик, подбитый прямым попаданием, загорался, выбрасывая свой человеческий груз на песок. В один момент произошёл особенно мощный взрыв — башню одного из *Pz.III* внутренним взрывом целиком сорвало с корпуса и подбросило высоко в воздух. Я почувствовал, как кто-то дёрнул меня за штанину, посмотрел вниз и услышал, как радист кричит: «Боеприпасы кончились!»

В течение следующих нескольких минут один за другим остальные командиры танков выходили на связь с полковником, докладывая, что у них тоже закончились боеприпасы, и спрашивая, что теперь делать. Ответ последовал совершенно определённый: «Оставаться на своих местах в линии обороны. Никому не двигаться, пока не будет отдан приказ». Это были тяжёлые десять минут. Мы просто сидели там, в сгузавшихся сумерках, наполненных хаосом боя. Снаряды с визгом проносились мимо и взрывались вокруг нас. Пустыня содрогалась от разрывов. Люди нелепо взлетали в воздух, словно тряпичные куклы, потом падали и либо оставались неподвижными, либо ещё некоторое время судорожно дёргались, но высшая точка боя уже миновала вместе с прохождением *панцеров*. С каждой минутой напряжение постепенно спадало, а угроза становилась всё менее ощутимой. Наши пушки жалко молчали. Теперь мы продолжали сражаться только собственной бронёй, да ещё тем моральным воздействием, которое само присутствие наших танков оказывало на окружающих. Думаю, что ни один экипаж *Милашек* в ту

минуту не покинул бы свою позицию, даже если бы это было разрешено. Когда бой стал понемногу затихать, а дневной свет с мучительной неохотой угасал, мы наконец получили приказ отходить и собраться у танка полковника, примерно в сотне ярдов позади наших позиций. Его машину можно было узнать по двум жёлтым выпелам, развевавшимся на антенне радиостанции. Приказ особо подчёркивал: отходить задним ходом очень медленно и не создавать лишней тревоги. Вокруг ещё свистело немало пуль и осколков, но это был уже главным образом огонь стрелкового оружия. Мне казалось, что для тех несчастных, которые находились в окопах, наше присутствие всё ещё служило хоть каким-то успокоением, защитой на случай возможной атаки немецкой пехоты.

Я приказал механику запустить двигатель. Как всегда, наступило короткое мгновение тревожного ожидания, а затем облегчения, когда стартер завертелся, и мотор ожил. Мы начали едва заметно отползать назад. И сразу же я увидел на лицах пехотинцев и артиллеристов выражение недоумения, почти гнева. Я прекрасно понимал, о чём они думают. Ради самих танков, а не ради собственного оправдания, я закричал им: «Боеприпасы кончились! Мы просто отходим пополнить боезапас!» Их лица сразу изменились. Появилось понимание, облегчение. Некоторые улыбались, махали руками, показывали поднятый большой палец. Мы продолжали очень медленно пятиться, проезжая между машинами, мимо щелей-окопов, мимо всё новых встревоженных, вопросительных взглядов. Мне было неловко, но в то же время я испытывал облегчение от того, что мы уходим. С разных участков периметра немногочисленные *Милашки* потянулись к высоким жёлтым выпелам полковничьего танка. Рядом с машиной полковника стоял *Крусейдер*, а на его башне, склонившись над картой, сидели наш командир полка и высокий человек в белой овчинной куртке и фуражке. Я сразу узнал его - это был генерал Готт, командир дивизии. «Бедняга... — подумал я. - Какой же это способ руководить сражением! Носиться по всей пустыне, разыскивая собственные бригады и полки, каждой отдельной группе объяснять, что ей делать, пытаясь собрать хоть что-то цельное из этого полного хаоса». Одновременно мне пришло в голову, что, пожалуй, всем нам было бы лучше, если бы генералы оставались на своих командных пунктах.

После короткого разговора полковник спрыгнул с танка, отдал чёткое приветствие, а *Крусейдер* развернулся и исчез в сгущавшейся темноте. Командир полка подозвал нас. Его сообщение оказалось коротким: мы должны были отойти на ночь в лагерь новозеландцев. Он не мог удовлетворить наше любопытство, не мог развеять наше недоумение или наши страхи. По всей видимости, никто — даже противник — не понимал, что вообще происходит. Однако одно известие сразу подняло нам настроение. В районе боёв появились новозеландские части, это означало не только то, что в бой вступают свежие силы, ещё не истощённые предыдущими сражениями. После Греции и Крита мы прекрасно знали, какими великолепными солдатами были новозеландцы. Я хорошо помню собственные мысли, и уверен, что многие чувствовали то же самое. Наконец-то, этой ночью, мы сможем хоть немного поспать, не опасаясь, что нас вырежут во сне. Мы двинулись вслед за полковником, оставляя позади южноафриканцев. Каждый думал о них, каждый надеялся, что кто-нибудь всё-таки придёт им на помощь. В темноте мы добрались до новозеландских позиций, осторожно продвигаясь вперёд, пока не миновали их передовые посты.

Нас уже ожидали. Нам показали место, где мы могли провести те несколько часов, что оставались до восхода солнца, после которого восток снова озарится светом и вновь разгонит нас по полю боя. Мой новый экипаж, служивший при штабном взводе, состоял из настоящих мастеров варить чай, не выдававших ни малейшего проблеска света. И что это был за чай! Когда мы его допили, мы были слишком уставшими, чтобы чувствовать голод, и слишком измученными, слишком переполненными событиями прошедшего дня, чтобы обсуждать либо то, что уже произошло, либо то, что ожидало нас впереди. Мы заснули там же, где сидели, или привалились друг к другу. Мои собственные несколько строк, которым было суждено пережить время, были вписаны по-немецки в боевой дневник 15-й Танковой Дивизии: «...Батарея 33-го Артиллерийского Полка была

внезапной атакой английских танков захвачена и вынуждена капитулировать. Впоследствии батарея была отбита и вновь введена в бой.»

Надеюсь, значительно позже.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

К шести часам утра наши *Милашки* уже были рассредоточены за пределами новозеландского лагеря. Мы успели немного отдохнуть, и нам разрешили приготовить чай. Мой экипаж ещё не привык обходиться без горячего завтрака и был отлично организован в этом отношении. Им ещё не доводилось бросать чайник, который только начинал закипать, и едва поджарившийся бекон, когда первый снаряд врезался в песок или по радио раздавался отчаянный крик: «*Панцеры* приближаются!» Оставить недоваренный чай было одним из самых тяжёлых решений, которые приходилось принимать в той кампании. Очень часто выбор между кружкой чая и тем, чтобы сохранить руку, ногу или саму жизнь, делался вполне сознательно. В это утро, к счастью, никакой внезапной тревоги не произошло, и, пожалуй, никогда в жизни жареный бекон, разложенный на твёрдых армейских галетах, а затем крепкий горячий чай не казались вкуснее.

В девять часов к каждому танку подъехал трёхтонный грузовик и заправил его высокооктановым бензином. Я вспомнил свой полностью опустошённый танк, оставшийся вчера на поле боя, и невольно задумался, что же с ним теперь стало. Затем по радио поступили первые приказы. Мы должны были вновь соединиться со штабом 4-й Танковой Бригады, пройдя сначала шесть миль по азимуту 117 градусов, а затем ещё шесть миль по азимуту 158 градусов. Очевидно, штабные офицеры провели очень беспокойную ночь, пытаясь после катастрофы и полного развала боевых порядков у Сиди-Резега снова собрать части воедино.

Жалкие остатки 3-го Батальона — всего шесть *Милашек* (роты *A* и *B* по-прежнему отсутствовали) - двинулись на восток. Я разложил карту на крыше башни и проследил предполагаемый маршрут, проходивший мимо тригонометрических пунктов, колодцев и ориентиров, которые уже успели стать для нас почти родными из-за бесконечных обращений к карте. Полчаса прошли спокойно, без каких-либо происшествий. Затем пришло сообщение, что штаб 4-й Танковой Бригады движется нам навстречу с юго-запада, и соединение должно состояться у пункта Бир-эль-Халейзен. Там, ровно в полдень, мы снова встретились с бригадным командиром, бригадиром Гейтхаусом. С этого момента, могу совершенно честно сказать, ни один из нас уже не имел сколько-нибудь ясного представления, где именно мы находимся — ни в конкретный день, ни в конкретный час. Мы не понимали, что происходит ни с нашими войсками, ни с войсками противника. Боевые действия стремительно перемещались из одного конца пустыни в другой: в одно утро мы находились юго-западнее Сиди-Резега, а уже на следующий день после полудня оказывались далеко к востоку от того места, где провели свою первую ночь после перехода через Проволоку. То, что на второй день наступления я собственными глазами видел крыши Бардии, казалось теперь невероятным сном, частью какой-то другой, нереальной жизни. Не существовало больше ни наступления, ни отступления. Мы просто мчались туда, где, согласно последним сообщениям, возникала угроза или ожидалось столкновение. Мы преследовали миражи, и сами становились объектом преследования миражей. Каждые несколько часов какой-нибудь знакомый ориентир или название внезапно оживляли память, и тогда мы вспоминали давно забытый эпизод первых дней или бой, который происходил здесь всего несколько суток назад, но уже казался частью прошлого, столь близкого по времени, и одновременно невероятно далёкого на фоне пережитых событий. Мы обходились без сна, без нормальной пищи, без возможности помыться или сменить одежду, без каких-либо разговоров, кроме коротких, обрывистых фраз радиопереговоров и приказов. Мы постоянно испытывали нужду во всём, что составляет цивилизованную жизнь, и жадно хватались за любую возможность хоть ненадолго прикоснуться к этому, не получая при этом ни настоящего удовольствия, ни настоящего насыщения. Каждый день почти неизменно проходил по одному и тому же распорядку. Подъём — где-нибудь между

полночью и четырьмя часами утра. До рассвета — выход из лагеря и занятие боевых позиций. Быстрый завтрак: галета и ложка мармелада, после чего начиналась привычная суматоха приказов, донесений и новой информации. Затем — долгий день непрерывного движения, ожидания, боевых столкновений, смертей и страха смерти, который продолжался до тех пор, пока наступление темноты не ставило предел тому, что могли видеть и предпринимать обе стороны. После этого — сбор разбросанных по пустыне подразделений, изнурительный ночной марш тесной колонной к месту лагеря, техобслуживание, заправка, пополнение боеприпасов, совещания командиров, которые затягивались почти до полуночи. Затем начинались следующие двадцать четыре часа. Именно в рамках этого однообразного цикла велись бои, подбивались танки, погибали экипажи. Людей калечило или они заживо сгорали внутри своих машин.

Каждый вечер приносил короткую передышку, когда с наступлением сумерек пустыня становилась тихой и холодной. Над песком и редким кустарником поднималась луна, отбрасывая чёрные тени от уступов плато и длинные, движущиеся чёрные тени траурных колонн дыма. Но даже эту короткую паузу нельзя было назвать отдыхом. Именно тогда приходилось восстанавливать связь со своим взводом, эскадроном или полком, пока длинные цепочки *Милашек* и *Крусейдеров*, словно стая собак, обнюхивающих друг друга при встрече, не выстраивались нос к корме и не уходили в ночь. Потоки песка и пыли, поднятые гусеницами, окутывали башни танков, оседали на неподвижных, обмякших телах наводчика и радиста, которые уже пребывали в том состоянии полного забытья, которое никак нельзя было назвать настоящим сном. Песок осыпался и на командира танка, который, непрерывно переговариваясь по внутренней связи, старался поддерживать водителя разговором, лишь бы тот не заснул за рычагами. Это были кошмарные поездки, но у них имелось одно достоинство - во время них уже почти не оставалось страха или мучительных мыслей о неминуемой гибели. В конце пути всегда ожидал лагерь, а вместе с ним — хотя бы относительное чувство безопасности. Большинство из нас боролось с усталостью и неудобствами этих ночных переходов, настраивая радиоприёмники либо на передачи *BBC*, либо на ту среднеевропейскую радиостанцию, которая ночь за ночью проигрывала песню *Lili Marlene* для солдат Африканского Корпуса, одновременно вызывая щемящую тоску у бойцов 8-й Армии. Так проходила ночь, потом — сон урывками, потом — нежеланный рассвет.

Этот первый день после Сиди-Резега стал образцом для многих последующих. Остатки 4-й Танковой Бригады поодиночке подтягивались со всех концов пустыни, пока снова не превратилось в боеспособное формирование, пусть и лишь наполовину укомплектованное. В нашем 3-м Танковом Полку по-прежнему отсутствовали два эскадрона. Мы только слышали, что они где-то бродят вместе с другими подразделениями. Утром состоялось совещание старших офицеров, но даже в штабе бригады никто не мог составить сколько-нибудь достоверную картину происходящего. В высших штабах, по-видимому, укоренилось общее мнение, что Роммель и его танковые дивизии на протяжении всей кампании понесли серьёзные потери, а все их передвижения представляют собой лишь тактические отходы. Сознательно ли создавалось такое впечатление, я не знаю. Нам самим поверить в это было очень трудно, но мы отчаянно цеплялись за надежду, что это действительно так. Гораздо вероятнее, что подобное представление возникло из-за преувеличений в донесениях о потерях, нанесённых противнику. Гейтхаус, который едва ли мог не знать истинного положения дел, всегда сохранял абсолютную уверенность не потому, что обстановка давала к этому основания, а просто потому, что он по своей природе не умел чувствовать иначе. Он безоговорочно верил в самого себя и в свою способность справиться с любой ситуацией, в которой могли оказаться его войска. Сомнения жили только у нас — внутри танковых башен и в щелях окопов. Мы почти никогда не испытывали такого ощущения, что где-либо по-настоящему разгромили немцев в организованном бою. Обычно оставалось лишь надеяться, что где-нибудь ещё, в другом секторе, в другой части поля боя, противнику приходится гораздо тяжелее, чем здесь, где он сталкивается с нами. Слава Богу, очень часто именно так и было.

Наш командир полка вернулся с совещания, не принеся той информации, на которую мы так надеялись. Вместо этого нас поспешно разместили в охранении вокруг штаба бригады. Ожидалась атака с севера, где, как сообщалось, развёртывались крупные силы противника. Где-то за горизонтом, примерно в восьми милях, лежал аэродром Сиди-Резег. Для меня он уже успел превратиться в нечто почти невероятное, почти фантастическое воспоминание. В переполненном настоящем и ещё более переполненном будущем для него уже просто не оставалось места. День тянулся в однообразном ожидании. Мы неподвижно лежали в своем расположении, приходилось непрерывно бороться со сном. Во второй половине дня нас внезапно вывел из оцепенения приказ оказать помощь 5-му Танковому Полку в атаке на большую механизированную колонну противника, двигавшуюся на юго-восток примерно в четырёх милях от нас. Мой взвод шёл впереди. Мы прошли около пяти миль в указанном направлении, но никаких признаков противника обнаружить не смогли. Мы остановились, рассредоточившись по местности, недоумевая, куда двигаться дальше, как вдруг получили срочный приказ немедленно возвращаться к штабу бригады. Там снова ожидали атаку — на этот раз с северо-запада. Мы быстро прошли обратно по собственным следам, обнаружив штабные танки и машины сонно стоявшими под солнцем, а все горизонты — совершенно пустыми. Никакой угрозы, никакого противника. Не прошло и десяти минут, как мы вновь повернули на восток, подгоняемые уже знакомой фразой: «Большая колонна противника движется на юго-восток».

На этот раз всё оказалось настоящим: перед нами через всю пустыню тянулась длинная, густая, сплошная колонна машин, медленно двигавшаяся с севера на юг. Она напоминала Исход. Заняв удобную позицию, когда корпус танка скрывался за складкой местности, а над горизонтом виднелись только моя голова, плечи и бинокль, я внимательно осмотрел колонну, находившуюся примерно в двух тысячах ярдов впереди. Каждая деталь была видна совершенно отчётливо: тёмные, квадратные силуэты грузовиков с пехотой, из открытых кузовов которых с любопытством выглядывали головы солдат, сотни машин снабжения, высокие, угловатые силуэты нескольких буксируемых 88-миллиметровых орудий. Ни одного танка, ни одного бронеавтомобиля. Я снова перевёл бинокль на знаменитые 88-миллиметровки. Расчёты сидели на лафетах, на станинах, на тягачах совершенно беззаботно. Вместе со всей массой машин они спокойно двигались вперёд, находясь почти в середине колонны. Эти орудия явно предназначались только для марша, а не для немедленного боя. Я понимал, что им потребуется не меньше пяти минут, чтобы развернуть такие громадины и открыть огонь. Мы же могли оказаться среди них вдвое быстрее. Переключившись на полковую радиочастоту, я сообщил командиру, какая добыча ждёт нас впереди. По тем приказам, которые последовали сразу после моего доклада, стало ясно, что за колонной наблюдал не только я. Другие тоже видели её и передавали сведения. Бригадир уже приказал всем трём танковым полкам — вернее, тому, что от них осталось, — атаковать широким фронтом. Вдоль всего левого фланга немецкой колонны строились наши *Милашки*, и когда прозвучал сигнал, мы понеслись вперёд так, что это доставило бы огромное удовольствие самому графу Кардигану. Танк Хэрри Мэгрейта шёл рядом со мной, по другую сторону двигались машины моего взвода. Во время атаки я обеими руками показал им широкий охватывающий жест, объясняя, что мы должны прорваться сквозь колонну, а затем развернуться и попытаться окружить её с обеих сторон.

Это была великолепная атака. Плотную массу немецких машин мгновенно охватила паника. Она распалась, рассыпавшись по всей пустыне. Почти сразу наши пулемёты затрещали, разнося смертоносные очереди. Передо мной медленно ползла громадная 88-миллиметровка. Водитель и расчёт с ужасом оглядывались через плечо. Именно такие орудия стали для нас главным врагом, но останавливаться ради неё я не хотел. Меня полностью захватил первоначальный замысел манёвра. Пролетая мимо 88-миллиметровки, я выпустил в неё весь барабан своего револьвера, после чего нырнул обратно в башню, увидев, что танки, идущие с противоположной стороны, уже разворачивают свои пушки, чтобы уничтожить её. Теперь вся немецкая колонна по всей своей длине обратилась в беспорядочное бегство. Машины мчались по пустыне, не обращая внимания ни на глыбы, ни на рытвины. Наши танки уже не успевали их догонять.

Я приказал своему взводу развернуться и расстреливать всё, что попадётся навстречу. Около десяти минут мы буквально наслаждались этой охотой. Постепенно пустыня очистилась от бегущего транспорта, тогда мы принялись добивать оставших, расстреливать брошенные грузовики и гонять по пустыне десятки спешившихся немцев, которые бродили вокруг с поднятыми руками. Особое внимание привлекли две брошенные 88-миллиметровые пушки. Мы были буквально поражены их размерами - неудивительно, что эти чудовища могли разнести наши танки на куски с расстояния в три тысячи ярдов. Внезапно по радио вышел на связь Хэрри Мэгрейт и сообщил, что видит немецкий танк. Мы остановились рядом друг с другом и как следует рассмотрели его, непринуждённо переговариваясь по радио, словно обсуждали что-то совершенно обыденное: «Это *Mark IV*, Хэрри. Попробуем разобраться с ним?» - «Я не против». - «Хорошо. Тогда сделаем так. Я буду крутиться перед ним и отвлекать его внимание. А ты обойди его сзади и расстреляй, когда подберёшься достаточно близко. Это единственный шанс его подбить». - «Ладно,» — ответил Хэрри, и мы разъехались в разные стороны.

Pz.IV медленно двигался в полном одиночестве по переднему склону небольшой возвышенности к югу от нас. До него было около тысячи ярдов. Он ехал так, словно сам не знал, куда направляется и что собирается делать, — немного потерянный, но всё равно внушавший опасность. Я пошёл к нему по диагонали, даже не пытаюсь скрываться, зато на такой скорости, что вероятность попасть по мне была крайне мала. Прямо перед немецким танком, примерно в четырёхстах ярдах, находилась группа песчаных дюн, поросших кустарником. Добравшись до того места, я собирался выныривать из-за укрытий, делая по несколько выстрелов, и вообще устроить как можно более бурное представление. Командир немецкого танка не мог меня не заметить. Вскоре *Pz.IV* остановился, и его башня повернулась в сторону моего *Милашки*. Через правое плечо я видел, как Хэрри широким обходным манёвром заходит немцу в тыл. Из пушки, поворачивавшейся вслед за мной, вырвалось облачко дыма, но падения снаряда я не заметил. Потом я укрылся среди песчаных дюн, а башня *Pz.IV* была уже направлена прямо на меня. Я продолжал время от времени показываться из-за гребня, выставляя только башню, быстро стрелял из пушки и снова скрывался. После каждого такого появления я видел, как танк Хэрри всё ближе подкрадывается к немецкому. Наконец я просто замер и наблюдал, почти не смея дышать. *Милашка* Хэрри подошёл настолько близко, что казалось, будто сейчас просто врежется немцу в корму. Передо мной в песок ударил снаряд. Когда дым рассеялся и я снова выглянул, танк Гарри уже стоял менее чем в двадцати ярдах позади *Pz.IV*. В то же мгновение я увидел вспышку его 37-миллиметровой пушки. Почти сразу люк немецкой башни распахнулся, и из него появилась рука с белым платком. Следом вылез командир танка, размахивая этим платком, а за ним — остальные члены экипажа. Я схватился за микрофон: «Ты добыл этого ублюдка! Молодец, Хэрри! Господи, ты меня чуть до смерти не перепугал.» - «Спасибо, Боб, — спокойно ответил он. — Сейчас отправлю этих ребят в штаб бригады, а потом загляну внутрь танка. Может быть, там найдутся шоколадные пайки».

Почти во всех немецких танках в аварийном запасе лежал очень вкусный и питательный шоколад. Это была наша любимая добыча. Мы все были чрезвычайно довольны собой. После подавленного настроения последних двух дней мы вновь почувствовали настоящий подъём. Полковник вышел в эфир, поздравил Гарри, а затем приказал всем начинать сбор у его танка. *Милашки* всей бригады были разбросаны по огромной территории, и было совершенно очевидно, что собрать их всех до наступления темноты окажется дьявольски трудной задачей. Солнце уже село. В последних отблесках заката маленькие группы танков можно было видеть далеко на западе — они шли и делли извилины на пути назад, а батальонный штурман по радио выводил их к месту сбора. Некоторые *Милашки* почти целый час на полной скорости преследовали отступавших немцев. Их пришлось отзывать с расстояния более десяти миль от исходного рубежа. Впервые за всё время нам удалось застигнуть столь крупную колонну противника практически без прикрытия. Мы гадали, что же произошло с обычно безупречной системой охранения противника. Ответ мы получили позднее той же ночью.

Постепенно отдельные танки собирались во взводы, взводы — в эскадроны, и все выстраивались одной колонной за танком командира полка. Машины становились в затылок друг другу, готовые по сигналу двинуться по заданному азимуту через непроглядную темноту к месту ночного лагеря. Пока мы ждали последних отставших, из пустыни появились три одинокие фигуры и направились к колонне. Я окликнул их. Они ускорили шаг в направлении моей *Милашки*, а затем, к моему удивлению, подняли руки над головой. На них были длинные тёмные шинели почти до щиколоток — такая одежда, казалось, была общей формой для всех войск стран *Оси* в северной Африке. Когда они подошли ближе, я жестом показал им залезать на танк. Они сделали это с готовностью, устроились сзади среди свернутых одеял, возле тёплого двигателя, и стали тихо переговариваться между собой. Колонна тронулась и, как обычно, вытянулась в длинную связанную цепочку. Я высунулся из башни, щурясь сквозь пыль и песок, и вдруг почувствовал неприятный холодок где-то в затылке. Эти трое пленных могли быть вооружены. Если бы они передумали сдаваться, то вполне могли бы выстрелить мне в спину, прыгнуть с танка и скрыться. Никто бы толком ничего и не понял. Я вовсе не возражал против их побега: пленные всегда были для танкистов ужасной обузой, но совершенно не хотелось получить пулю в затылок. Я выбрался из башни и сел лицом к ним, свесив ноги через стальной край. Достал из крепления автомат *Томпсон* и демонстративно положил рядом с собой. Не успел я устроиться, как один из пленных поднялся и начал снимать свою шинель. Это меня удивило: после захода солнца ночи в пустыне становились пронизывающе холодными, но ещё сильнее я удивился, когда он наклонился и заботливо укрыл этой шинелью мои голые колени. Жест был совершенно спонтанным, вызванным бог знает каким душевным порывом. Мне стало неловко. Я сразу решил, что передо мной три несчастных итальянца, которые в мирной жизни, вероятно, были официантами или лакеями. Мы знали, что в Ливии находятся тысячи итальянских солдат, и давно мечтали столкнуться с их танковой дивизией, но почему-то всё время воевали только с немцами и их танками. Итальянского языка я не знал, поэтому пробормотал что-то вроде: «Non, non...» Потом добавил пару раз: «Grazie... Grazie...» и попытался вернуть ему шинель. Мне вдруг стало искренне жаль эту жалкую троицу — их страх, одиночество и всё то, что привело их ко мне. Но солдат горячо запротестовал жестами. Он показал на свои длинные брюки, затем — на мои лёгкие шорты цвета хаки. Я снова жестами отказался, потом поочерёдно указал на каждого из них и громко, перекрывая шум двигателя, спросил: «Италия? Италия? Италия?» Я сразу увидел, как на их лицах появилось выражение возмущения и почти оскорблённого достоинства. «Nein! Nein! — дружно и решительно ответили они. — Afrika Korps! Deutsch! Deutsch!» После этого я больше не пытался отказаться, когда солдат снова укутал мои ноги шинелью. «Чёрт поberi, — подумал я. — Вот тебе и *высшая раса*».

Путь обратно в лагерь тянулся бесконечно. Над пустыней поднялась половина луны, заливая её странным, неподвижным светом. Пыль непрерывным потоком сыпалась на нас. Длинная колонна танков то растягивалась, то сжималась, словно меха гармони на плохо освещённой сцене. Со всех сторон, вдоль невидимого горизонта, то и дело вспыхивали фейерверки. Противник выпускал в небо связки белых осветительных ракет *Very*, обозначая своё местоположение, поддерживая связь между подразделениями или просто стараясь хоть ненадолго осветить окружающую местность. Казалось, эти ракеты взлетали повсюду — на севере, на юге, на востоке, на западе и на всех промежуточных направлениях. Противник в пустыне был повсюду. В каждой *Милашке* люди думали об одном и том же. Все задавались вопросом: что, чёрт возьми, вообще происходит? Всем хотелось, чтобы хоть кто-нибудь иногда объяснял нам, что творится вокруг. Мы то и дело переключали радиостанции с батальонной сети на ностальгическую волну *BBC Home Service*, но слышали лишь весьма пристрастный отчёт о событиях предыдущего дня в районе Сиди-Резега. При этом невольно представлялись пожилые господа и дамы, сидящие в уютных гостиничных гостиных Найтсбриджа и Кенсингтона, серьёзные, всезнающие и уверенные в своих суждениях.

Поздно ночью, когда обслуживание техники было закончено, немецкий шоколад съеден, а лагерь превратился в безмолвный, окружённый стальными стенами мир, населённый бесформенными спящими фигурами и приглушёнными силуэтами часовых на башенных

«бастионах» танков, нас вызвали к машине полковника. Мы заползли под брезентовый навес, где над разложенными картами с величайшим изумлением услышали о стремительном броске Роммеля к *Проволоке*. Впоследствии этот рейд стал одним из самых известных эпизодов войны в пустыне, но тогда нам казалось, что Роммель окончательно сошёл с ума. Мы слышали о панике, охватившей штабы и тыловые районы снабжения, и, признавая, совершенно непатриотично порадовались при мысли о генералах и штабных офицерах, бегущих к Александрии или мочащихся от страха в своих щелях-укрытиях. Такова была всеобщая — хотя и совершенно незаслуженная — реакция солдат переднего края на любое несчастье, постигшее защищённые тылы. Мы были убеждены, что высшее командование и без того полностью запутало дело, и считали, что без него вполне можно было бы обойтись. Кроме того, нас искренне радовала мысль, что на этот раз достанется кому-то другому, а не нам. Полковник рассказал, что немецкая колонна, которую мы атаковали тем днём, представляла собой эшелон снабжения танковых частей, устремившихся к *Проволоке*. Мы с мрачным удовлетворением представляли себе, какие проклятия сейчас сыплются среди немецких танкистов, когда ни горючее, ни продовольствие до них так и не дошли. Наш собственный тыловой эшелон — *В*, которому каким-то образом удалось доставить наши запасы, — привёз самые невероятные рассказы о панике, охватившей все штабные районы. Мой друг [Алан Мурхед](#) (1), военный корреспондент газеты *Daily Express*, пожалуй, лучше всех сумел передать атмосферу этого безумного дня в своём репортаже. До войны мы вместе работали в *Express*, рядом с такими выдающимися корреспондентами, как Ноэл Монкс (Noel Monks) и О'Дауд Галлахер (O'Dowd Gallagher). Именно Алан несколькими днями ранее отправил в редакцию сообщение: «Боб Крисп лишился обеих ног в танковом бою». Оказалось, что речь шла о каком-то другом Криспе. В тот день Мурхед находился в группе журналистов, направлявшихся в район боёв — якобы для описания великой британской победы. Неожиданно они оказались захвачены хаотическим и совершенно необъяснимым потоком машин, которые мчались навстречу. Мурхед писал:

Весь день, в течение девяти часов, мы бежали. Это была заразная эпидемия растерянности, страха и неведения. При каждой остановке распространялись новые слухи. Ни у кого не было приказов. Каждый строил собственные догадки, но ни у кого не было никакого плана, кроме отчаянного желания добраться до своей части. Мы были лишь случайными спутниками этой битвы, людьми, наиболее склонными к панике, потому что оказались отрезанными от своих командиров и не имели никакой определённой задачи.

За эти долгие, нервные часы езды я начал понимать, что такое паника. Мы бежали от неизвестности — от неизвестности в противнике и в самих себе. Мы не знали, кто нас преследует, сколько их, как долго они смогут продолжать преследование и не догонят ли нас в конце концов. И в самих себе мы тоже не знали, что делать. Если бы рядом оказался человек, обладавший властью и способный сказать: "Остановитесь здесь. Делайте то-то и то-то..." — половина наших страхов исчезла бы сама собой.

Большинство людей, наделённых властью и находившихся тогда рядом с Мурхедом и его спутниками, делали в точности то же самое, что и они. Но нас, находившихся в районе боёв — или там, где они недавно шли, — эта паника практически не затронула. Мы следили за её развитием совершенно отстранённо, наблюдая за цветными стрелками и кружками на карте, словно присутствовали на штабном занятии в офицерском учебном центре. И ни в ту ночь, когда мы впервые услышали эти сообщения, ни в последующие дни, когда карандашные стрелы всё глубже вонзались в карту и в конце концов достигли Египта, мы не испытывали ни малейшего беспокойства по поводу происходящего у нас в тылу. Думаю, не будет преувеличением сказать, что сильнее всего мы испытывали два чувства: облегчение от того, что сами не участвуем в этой суматохе и благодарность судьбе за передышку, которую дал нам рейд Роммеля. Мы просто считали, что немецкий командующий совершил колоссальную ошибку и рано или поздно дорого за неё заплатит. Этому ощущению способствовало и полное господство в воздухе, установленное над пустыней Королевскими ВВС и Южно-Африканскими ВВС. Характерно, что до этого, восьмого дня кампании, я почти не упоминал о действиях авиации. Она действовала

постоянно, но для танковых частей её присутствие ощущалось лишь изредка, когда над нами пролетали группы *Штук*, направлявшихся бомбить наши колонны снабжения, да и словом «пикирование» эти атаки можно было назвать лишь с большой натяжкой. Немецкие лётчики торопливо выполняли свои задания и столь же поспешно исчезали, стремясь как можно скорее убраться из-под удара. Лично у меня не было ни малейших сомнений, что Африканский Корпус и две его танковые дивизии выиграли первое крупное сражение при Сиди-Резеге, и если бы они удержали этот ключевой участок под своим контролем, то вполне могли бы остановить продвижение 8-й Армии.

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

Как обычно, с первыми проблесками рассвета мы снялись с лагеря. Но в то утро, выдвигаясь в предрассветные сумерки, мы ощущали заметное ослабление напряжения. Мы знали, что все немецкие танковые части ушли из этого района обратно к границе. Поэтому многие с некоторым воодушевлением ожидали дня, когда, если нам вообще придётся встретить танки противника, это будут лишь итальянские *M13*, а это была уже совсем другая история. Во время привычного двухчасового ожидания полного рассвета большинство из нас чувствовало себя достаточно спокойно, чтобы приготовить то, что к тому времени стало большой редкостью, — горячий чай. Никто из нас даже не подозревал, насколько близок был командующий 8-й Армией к решению прекратить сражение в пустыне и отойти на оборонительные позиции вдоль границы или даже ещё дальше.

Теперь это уже история. Главнокомандующий, генерал Окинлек, прибыл в штаб армии именно в решающий момент, приказал генералу Каннингему продолжать наступление и оставил для войск обращение, которое распространялось именно в этот день. Оно заканчивалось словами: «Есть только один приказ: атаковать и преследовать. Все — вперёд, до конца!» Подобные призывы высшего начальства, напоминающие вдохновляющие речи тренера в перерыве школьного матча по регби, на передовой обычно воспринимаются довольно язвительно. Слишком уж различаются условия, в которых находятся тот, кто отдаёт подобные обращения, и тот, кто их получает. В данном случае большая часть паники царила именно в штабах. Передовые части не ощущали никакого кризиса, который был бы серьёзнее любого другого дня кампании. Поэтому обращение Окинлека, если и произвело какой-то эффект, то лишь усилило растерянность и чувство неопределённости. К восьмому дню кампании, хотя я всё ещё командовал всего лишь взводом, полковник предоставлял мне всё большую свободу действий. Он всё чаще позволял мне самостоятельно уходить в пустыню с моими тремя танками. Это вовсе не означало, что он терял управление. Под его командованием оставалось меньше дюжины машин. Он понял, что при таком характере боевых действий самостоятельные действия младших командиров, особенно если общее руководство сверху нарушалось, были одним из немногих способов добиться хоть каких-то результатов — пусть даже местных и ограниченных. Думаю, он понимал и ещё одну вещь: лучше всего я действовал тогда, когда меня ничто не стесняло.

То обстоятельство, что в батальоне по-прежнему отсутствовали два эскадрона, давало мне ещё большую свободу действий, хотя формально меня передали в подчинение майору из Эскадрона А, который вместе с полковником оставался единственным офицером полевого ранга в батальоне. Между ними начинала складываться неприятная ситуация. По характеру и темпераменту они совершенно не подходили друг другу, и это постоянно выливалось в мелкие ссоры, которые они не стеснялись выяснять публично по батальонной радиосети. Тем утром меня снова выдвинули далеко вперёд от штаба. Я, как обычно, занимался разведкой, стараясь держаться как можно дальше от начальства. По радио ко мне обратился мой майор и запросил обстановку. Я переключился на передачу и доложил, что ничего существенного не наблюдаю, сообщив своё примерное местонахождение. Ответа не последовало. После ещё одной безуспешной попытки я понял, что хотя прекрасно слышу его и все остальные батальонные танки, моя радиостанция передаёт слишком слабый сигнал, чтобы они могли слышать меня. Передатчик явно работал плохо, возможно, к тому же я находился дальше от штаба, чем предполагал. Очень скоро спокойный утренний эфир стал раскаляться от весьма

экспрессивных выражений, достойных офицера полевого ранга. Меня спрашивали, что за чертовщину я вытворяю, почему не отвечаю на вызовы, почему не выполняю приказ немедленно вернуться и так далее, и тому подобное. Пока всё это буквально дробило мне барабанные перепонки, я заметил южнее себя колонну примерно из сорока-пятидесяти небронированных машин, стоявших рассредоточенно на открытой местности. Я решил сначала рассмотреть её поближе, а уже потом возвращаться в штаб. Тут я услышал, как майор вызывает полковника: «Этот чёртов Боб опять куда-то смылся. На мои вызовы не отвечает. Почему, чёрт побери, вы не можете держать его под нормальным контролем?» И тут, к моему удивлению, полковник ответил очень спокойно: «Алло, SABO, говорит JUMO. Не беспокойтесь о Бобе. Он способен сам о себе позаботиться. JUMO закончил.»

Я был в полном восторге от того, что невольно подслушал этот разговор. Заглянув вниз в башню, я увидел, что радист смотрит на меня, широко улыбаясь, и подмигивает. Мне стоило большого труда не подмигнуть ему в ответ. Тем временем мы все внимательно разглядывали неподвижную колонну в бинокли. Танков возле неё не было, противотанковых пушек тоже не наблюдалось, но кому принадлежали эти машины? Англичанам, немцам или итальянцам? У меня сложилось впечатление, что это вражеская колонна снабжения, в которой имеется некоторое количество захваченных британских трёхтонных грузовиков. Я посмотрел на своего старшего сержанта, находившегося примерно в двадцати ярдах от меня в другом танке. Он поднял микрофон: «Думаю, это немцы. Но не уверен». Проверить это можно было только одним способом — подъехать ближе. Если это были англичане, они должны были узнать *Милашки*, если же машины бросятся бежать, значит, перед нами враг. Я дал знак двум остальным танкам следовать за мной, приказал механику двигаться вперёд, и мы медленно пошли к колонне, держась совершенно открыто и не прибавляя скорости, чтобы не вызвать преждевременную панику.

Мы прошли не более двухсот ярдов, когда ближайшие грузовики вдруг начали движение. Причём ускоряться они стали так быстро, что было ясно — паника уже охватила их. Это напоминало внезапно испугнутую отару овец или стаю уток. Страх словно телепатически передавался от машины к машине. Каждый водитель мгновенно заражался единственным желанием — бежать вместе со всеми. Через несколько секунд вся масса транспорта уже неслась по пустыне во весь дух. При первых признаках движения я приказал увеличить скорость. Этого подтверждения нам было вполне достаточно — водители нажали на газ, *Милашки* рванули вперёд, и мы открыли беспорядочный огонь из пулемётов по убегающим машинам. Они стартовали с места, тогда как мы уже двигались, поэтому быстро догнали первые грузовики. Я вывел свой танк рядом с колонной и стал теснить её в сторону, словно настоящий ковбой, загоняющий стадо. Мой взвод следовал за мной цепочкой. Я видел, как башни поворачиваются, а *Браунинги* поливают машины свинцом, и вдруг водитель грузовика, который я обгонял, высунулся наружу и замахал белым платком. К моему ужасу, на нём была британская полевая форма и чёрный танковый берет. Я заорал своему наводчику: «Прекратить огонь!», а водителю: «Стоп!» Потом стал кричать сержанту и капралу, следовавшим за мной. Они никак не могли меня услышать, но, должно быть, какой-то шум всё-таки заставил их посмотреть в мою сторону. Я отчаянно размахивал руками, показывая сигнал прекращения боя. Они сразу поняли, в чём дело. Мы остановились довольно понурой группой, а ближайшие грузовики тоже затормозили, и их экипажи начали вылезать из кабин.

Я спрыгнул с танка. Из одного из грузовиков навстречу мне уже шёл офицер. «Ну вот, сейчас начнётся», — подумал я, приготовившись выслушать всё, что он обо мне думает. Но он быстро подошёл с протянутой рукой и широкой улыбкой:

— Господи! Как же я рад вас видеть! Я уже решил, что нам конец.

— Чёрт побери! — сказал я с огромным облегчением. — Но почему вы, ради всего святого, сразу бросились наутёк? Неужели вы не могли увидеть...

Он перебил меня.

— После вчерашнего мы вообще никого не пытаемся опознавать. Мы сразу считаем, что перед нами противник. Стоит увидеть танк — и мы немедленно уходим. Со вчерашнего утра мы носимся по этой проклятой пустыне во всех направлениях. Мы понятия не имеем, где находятся наши части. Такого грандиозного бардака вы ещё не видели.

— Мне ужасно жаль, — совершенно искренне сказал я. — Но сами понимаете... Почти единственный способ отличить одну колонну от другой — посмотреть, как она поведёт себя при нашем появлении. Очень надеюсь, что мы не успели причинить вам серьёзного вреда.

— Не беспокойтесь. Мы вас не виним. Честно говоря, само сознание того, что вы не немцы, для нас такое облегчение, что мне совершенно безразлично, какой ущерб вы успели нанести.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Его колонна растянулась по песку и кустарнику. Большинство машин уже остановилось, но некоторые, находившиеся дальше, всё ещё продолжали нестись на восток. Когда наши три танка двинулись дальше, я невольно подумал, какая же отвратительная жизнь у людей из такого тылового эшелона. Жить без всякой защиты в мире, где каждый встречный сначала считается врагом и лишь потом — другом, где всё вокруг сильнее тебя, где единственная защита — бегство, и нет никакой возможности ответить ударом. Я задумался, что хуже: долгие годы за колючей проволокой в плену или постоянная угроза смерти либо увечья. Так и не смог решить. Но ничто на свете не заставило бы меня поменяться местами с тем офицером снабжения.

Вернувшись в батальон, я получил от полковника лёгкий выговор за потерю связи. Он принял мои объяснения, хотя о случайно подслушанном разговоре по радио я, разумеется, не обмолвился ни словом. Утро было ещё в самом разгаре, когда нас вновь срочно направили на помощь южноафриканской бригаде, находившейся у Таиеб-эль-Эсема. Это была бригада Дэна Пинаара. Чтобы ввести противника в заблуждение, её называли по радио «ребятами, принадлежащими племяннику дядюшки Джорджа». Командующего южноафриканской дивизией в Египте, генерала Бринка, все без исключения называли *дядюшкой Джорджем*. Вся бригада двинулась по азимуту, который должен был вывести нас к северному флангу южноафриканцев. Как сообщалось, всё утро они подвергались непрерывным атакам немецких танковых соединений. Мой взвод шёл впереди всей колонны по центральному направлению. В 10 часов 30 минут я доложил, что впереди на горизонте вижу крупную группу танков. Подойдя ближе, я с большим облегчением убедился, что это итальянские *M13* из дивизии *Ariete*. Позади меня бригада заняла боевой порядок вдоль невысокой гряды, фронтом на запад, а меня отправили вперёд выяснить всё, что удастся узнать о передвижениях противника. Оставив свои танки взвода позади, я осторожно продвинулся вперёд по слегка волнистой местности, хорошо прикрывавшей меня, пока не оказался примерно в 600 ярдах от итальянцев. Позади меня *Милашки* батальона уже полностью скрылись из виду. Я занял позицию *башня в укрытии/turret-down*, когда над гребнем выступали только голова и башня танка, и принялся наблюдать за происходящим впереди. Зрелище было впечатляющим. Около семидесяти *M13* стояли выстроенными в одну линию на переднем склоне и гребне длинной гряды, тянувшейся с севера на юг. Танки казались совершенно неподвижными, словно безжизненными. Между ними было около двадцати ярдов, башни были плотно закрыты. Все машины были обращены на восток — в сторону 4-й Танковой Бригады, появление которой они, без сомнения, уже заметили. Это не походило на боевой порядок и уж тем более не выглядело так, будто итальянцы собирались кого-либо атаковать. Я ломал голову, в чём же их замысел, потом я заметил большой грузовик, медленно двигавшийся примерно в двухстах ярдах позади линии танков. По одному, начиная с левого фланга, танки выходили из строя и подъезжали к грузовику. Я отчётливо видел, как солдаты передавали канистры с горючим и заправляли машины. Как только очередной танк был полностью заправлен, он возвращался обратно в молчаливую шеренгу, а его место у грузовика занимал следующий. Как только я понял, что происходит, сразу запросил артиллерийский огонь и приказал своему полковнику выслать вперёд наблюдательный пункт от батареи 25-фунтовых орудий Королевской Конной Артиллерии.

Для артиллерии это была великолепная цель, но дело было не только в этом. Если действовать быстро, представлялась прекрасная возможность фактически уничтожить почти неподвижную итальянскую танковую дивизию. Я мог лишь указать на это вышестоящему командованию позади меня. Лично мне более чем хватило опыта попыток в одиночку связываться с семьюдесятью вражескими танками — пусть даже итальянскими. Очень скоро я увидел маленькую точку — *Милашку* с артиллерийским наблюдателем, пересекавшую открытое пространство в мою сторону. Я надеялся, что он проявит благоразумие и не привлечёт внимания к месту, где я так удобно укрылся. Опасался я напрасно: он подъехал ко мне, не подняв даже лёгкого облачка пыли, и вскоре уже корректировал огонь своих батарей. Стрельба была превосходной, но её было недостаточно. Если бы по этой цели открыли огонь все артиллерийские батареи района, если бы затем последовали ещё пара налётов Королевских ВВС, а после этого была проведена танковая атака, дивизия *Ariete* перестала бы существовать как боевая сила. На деле же *M13* продолжали заправляться. Да, они несли потери, но грузовик с горючим каким-то чудом избежал уничтожения, и я невольно восхищался тем, с каким упорством эти столь презираемые всеми итальянцы продолжали выполнять свою работу под тяжёлым артиллерийским огнём.

В какой-то момент вдоль линии танков промчалась небольшая санитарная машина. Она остановилась возле одного из танков. Я увидел, как открылась башня, и неподвижное тело передали санитарным носильщикам. Они уложили его в машину и тотчас уехали. Пять часов мы оставались за этой грядой, наблюдая за происходящим. Ноги ныли от постоянного стояния, глаза болели от непрерывного наблюдения в бинокль, голос охрип от нескончаемого потока донесений, которые я каждые несколько минут передавал назад. Пять часов 4-я Танковая Бригада ничего не предпринимала, 7-я Танковая Дивизия ничего не предпринимала, Южноафриканская Бригада, находившаяся в миле или двух южнее, тоже ничего не предпринимала. В половине пятого, закончив заправку, итальянские танки начали отходить группами по восемь-десять машин и двинулись на северо-восток. Преследовали их лишь снаряды наших 25-фунтовок. Через несколько минут гряда передо мной, ещё недавно буквально уставленная танками, совершенно опустела.

Мы с артиллерийским наблюдателем развернулись и неторопливо вернулись каждый в свой штаб. Это было большое разочарование, зато для моего экипажа день оказался спокойным. Они почти всё время дремали и ели — роскошь, которой не могли позволить себе с первого пересечения *Проволоки*. Не хватало только пары кружек горячего чая, но риск выдать своё местоположение и нарушить наше спокойствие был слишком велик. Бригадир прислал мне специальную благодарность за исключительно полную картину передвижений противника, которую я ему обеспечил. Он с тем же успехом мог бы просто повесить её на стену. Вечером, уже в лагере севернее позиций южноафриканцев, наконец вышел на связь один из пропавших эскадронов. Его командир сообщил, что последние два дня они действовали вместе с 22-й Танковой Бригадой и надеются через день-два вновь присоединиться к батальону. Мы очень надеялись, что они придут поскорее: несколько дополнительных танков нам были совсем не лишними.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Мы едва поверили своим ушам, когда незадолго до рассвета по лагерю разнесли новые приказы. После короткого перехода к флангу бригады Пинаара нам предстояло не делать ничего, кроме технического обслуживания танков и приведения себя в порядок. Разумеется, если только в течение дня нас не атакует противник. Особо подчёркивалось, что наша задача исключительно оборонительная. Мы должны были занять позиции между южноафриканцами и немецкими танковыми силами, находившимися севернее, скорее для моральной поддержки, чем по какой-либо иной причине. Похоже, у «ребят племянника дядюшки Джорджа» начинала вырабатываться настоящая *панцерофобия*. И кто мог их за это осуждать? В шесть часов утра мы беззаботно двинулись в получасовой марш к новой точке на карте. Вскоре прозрачный утренний воздух исполосовали быстро поднимающиеся чёрные спирали дыма от десятков бензиновых горелок. Каждый экипаж готовил себе завтрак, а после него — величайшую роскошь — горячую воду для умывания и бритья. Когда солнце поднялось достаточно высоко и начало хоть немного

согревать, мы сняли рубашки, брюки, майки, трусы и носки и позволили чистому воздуху свободно омывать наши тела. Для большинства из нас это был первый случай за восемь дней, когда удалось снять с себя хоть что-нибудь, не считая моментов самых необходимых физиологических процедур.

Стоять совершенно раздетым под солнечными лучами и мыться было невероятным наслаждением. То блаженство, которое испытываешь, надевая чистую одежду после восьми дней всё более тесного, всё более грязного и всё более зловонного существования, буквально превращавшего человека в мумию, невозможно понять, пока не переживёшь его самому. Затем наступила очередь бриться недельной спутанной щетины. Удовольствием это назвать было нельзя.

Вода, которую качали из-под пустыни ещё в районе Сиди-Баррани или Матруха, была настолько жёсткой и неподатливой мылу, словно мел. Взбить пену почти невозможно, поэтому бритьё превращалось в настоящее прорубание зарослей, сопровождавшееся бесконечной сменой лезвий. Кожа к тому же была потрескавшейся и болезненно чувствительной из-за сухих пронизывающих ветров и чудовищных перепадов температуры — от дневной жары до полуночного холода. Весь процесс мытья приходилось тщательно организовывать из-за постоянной нехватки воды. После импровизированного стоячего «душа» и бритья наступала очередь нашей снятой одежды. Мы, насколько могли, вымачивали её в мыльной воде и яростно колотили о ближайшие камни. Вскоре пустынный кустарник расцвёл невероятными узорами одежды всех возможных цветов и размеров. Если бы в то утро над нами пролетел немецкий самолёт-разведчик на большой высоте, пилоту пришлось бы долго ломать голову над увиденной картиной. Последними возможность воспользоваться редкими минутами отдыха неизменно получали механики-водители. Ночью, когда танки неподвижно стояли рядами, а экипажи спали мёртвым сном от усталости, именно они возились с двигателями и гусеницами. До рассвета они поднимались первыми, чтобы подготовить свои *Мишаки* к новому переходу. Их личная война заключалась в одном — поддерживать танк на ходу. Неподвижный танк вполне мог означать смерть для всего экипажа, поэтому было вполне естественно, что до воды, мыла и полотенец они добирались последними. Они всегда были с головы до ног покрыты смесью масла, смазки и песка, превратившейся в настоящую абразивную пасту.

К полудню батальон был вымыт. Психологическое воздействие этого оказалось поистине волшебным. Мы словно в одно мгновение покинули пустыню и её бои и перенеслись в какой-то воображаемый оазис, где одна лишь возможность умыться и сменить бельё производила такую же полную внутреннюю метаморфозу, как если бы тебя вдруг перенесли в роскошный отель, подали завтрак прямо в постель, а рядом под одеялом уютно устроилась прекрасная женщина, соблазнительно заполнявшая его своими восхитительными изгибами. Впрочем, большинство из нас вполне удовлетворилось бы одним только завтраком в постели. Я развернул свой вещевой мешок и спальный мешок, вытащил из них мелкие осколки, которые каким-то образом всегда туда попали, и, растянувшись на спине, лёг на солнце. Вокруг царили безмятежность и отдых, пустыня словно забыла о войне, которая казалась бесконечно далёкой. Лишь издалека доносился глухой рокот — там продолжалась борьба за прорыв коридора к Тобруку. Лёжа ничком или опираясь на локоть, с обнажёнными до пояса телами, почти все солдаты писали письма, вроде «Дорогая Лил! В последнее время совсем не было времени писать. Мне нельзя говорить, где мы находимся, но только что я впервые за восемь дней смыл песок с головы. Господи, какой же был запах. Беднягу Херба накрыло на днях. Думаю, его родные уже знают. Я помогал копать ему могилу...»

Тем временем мой экипаж обсуждал планы относительно обеда. Мы остановились на мясном пудинге из консервированной тушёнки, драгоценной банке картофеля, консервированных грушах, сгущённом молоке и горячем чае. Я наблюдал, как они готовили тесто: сухие галеты растирали в мелкий порошок, добавляли воду и делали замес. Этим тестом облепили целый, неизмельченный кусок тушёнки и положили его в одну из тех пустынных печей, которые они так ловко сооружали из песка и жестяных банок. Мы лежали рядом, наслаждаясь непривычным запахом готовящейся пищи,

ощущая, как от предвкушения рот наполняется слюной. Как только еда согрелась, мы сразу же её съели. Достаточно было лишь того, что пища была горячей, чтобы она показалась необыкновенной и замечательной. Это походило на какой-то давно забытый пикник на песке, не хватало только весёлого детского смеха.

Приказания командира полка должны были объявить в 13.30. Я протёр тарелки после весьма скромной трапезы чистым песком и вместе с Хэрри Мегрейтом неторопливо направился к танку полковника. Там мы с радостью увидели знакомое лицо и фигуру доктора Макмиллана, нашего полкового врача, который исчез вместе с командирским штабным автомобилем во время общей неразберихи у Сиди-Резега и последующего рейда Роммеля к *Проволоке*. После Кале и Греции Мак стал для полка почти легендарной фигурой, и нам совсем не хотелось его терять. Полковник сообщил нам, что во второй половине дня к нам придут двенадцать новых *Милашек*, которые приведёт Сирил Джоли. В то время он командовал нашим подразделением Эшелона В, а позднее служил уже в моей эскадрилье. Спустя годы именно он напишет один из лучших романов о войне в пустыне (*Cyril Bencraft Joly, 1918-2000, автор популярных военных романов - ВК*). После прибытия новых машин численность батальона возрастёт до 22 танков, которые будут распределены следующим образом: штабной взвод — 3 танка, Эскадрон А — 9 танков, Эскадрон С — 10 танков. «Командовать Эскадроном С будет капитан Крисп,» — сказал полковник. Я почувствовал себя молодым морским офицером, которому только что доверили его первый фрегат. Я прекрасно понимал, что это продлится лишь до возвращения двух остальных эскадронов вместе с их более старшими по званию офицерами, но всё равно был счастлив и из-за самой возможности, и из-за оказанного доверия. Мегрейт был явно не менее доволен. Я немедленно назначил его временным, исполняющим обязанности, неоплачиваемым заместителем командира. Однако наш миг славы оказался очень недолгим. Во второй половине дня мы перебазировались в Бир-Берранеб — любимый район сосредоточения и ночёвок бригады. Там вновь прибывшие *Милашки* распределялись между батальонами. Сирил Джоли привёл целое стадо — дюжину новых машин. Пока технический сержант со своими людьми осматривал танки, а новые экипажи проверяли вооружение и оборудование, офицеры сосредоточились на куда более важном объекте — грузовике офицерской столовой. Он впервые появился за всё время операции. В нём обнаружился ящик пива, который каким-то чудом пережил и войну, и бесконечные безумные броски взад и вперёд по пустыне. После этого ощущение праздника стало полным.

История снабжения во время операции *Crusader* заслуживает отдельной книги. Каждый Эшелон В, отправлявшийся из тыловых районов на ежедневные или ночные поиски своего боевого эшелона, неизменно сталкивался с совершенно неожиданными приключениями. Прошлой ночью наша собственная колонна снабжения так и не прибыла, и именно Джоли впервые рассказал нам, что с ней произошло. Колонна вышла с базы вместе с остальным транспортом бригады, как обычно направляясь ночью к району лагеря. В темноте она сбилась с курса и полностью потеряла связь с остальными эшелонами. Офицер, находившийся в головной машине, благоразумно решил не доверять собственным догадкам и переждать ночь на месте. Вся местность вокруг была буквально заполнена немецкими колоннами, двигавшимися к границе вслед за танковыми дивизиями. С рассветом он повел грузовик по курсу, который, как он надеялся, должен был вывести его к лагерю бригады. Колонна выстроилась за ним и двинулась вперёд. Вокруг виднелись другие колонны автомобилей. Одни ещё стояли там, где их застала ночь, другие уже двигались на восток. Определить, кто свой, а кто чужой, было совершенно невозможно, но офицер утешал себя мыслью, что все находятся в одинаковом положении и, следовательно, не имеют причин бояться его больше, чем он боится их. Из утреннего полумрака к колонне приблизились три бронеавтомобиля. Они заняли место примерно в ста ярдах сбоку и пошли параллельным курсом, больше никаких действий они не предпринимали. Командир колонны решил, что это свои, почувствовал облегчение и даже благодарность за неожиданное сопровождение. Затем один из бронеавтомобилей выехал вперёд и пересёк путь колонне. Командир дружелюбно помахал рукой человеку, высывавшемуся из башни, тот столь же дружелюбно помахал в ответ, а затем, к немалому удивлению офицера, остановил

броневую машину прямо перед головным грузовиком. Водитель резко ударил по тормозам. Офицер уже высунулся из двери кабины, собираясь отпустить несколько весьма крепких выражений, но тут увидел, как башня медленно поворачивается. Через мгновение на него смотрели стволы сразу нескольких орудий и пулемётов. Человек, высунувшийся из башни, широко улыбнулся и с сильным немецким акцентом произнёс: «Доброе утро. Вы удивлены видеть меня, не так ли?», после чего вся колонна была взята в плен. Мы допивали пиво, пока Сирил Джоли рассказывал о грандиозной панике предыдущего дня, вошедшей в историю 8-й Армии под названием *Матрухские скачки/Matruh Stakes*.

Сумерки уже сгущались. О войне напоминал лишь далёкий рокот артиллерии где-то далеко на северо-западе. Большинство из нас довольно отрывало после выпитого пива, когда полковник сообщил последние новости из штаба бригады. Почти всё звучало обнадеживающе. Мы вернулись к своим танкам сытыми, отдохнувшими и успокоенными. Тихо радовались тому, что война, похоже, выигрывается без особого риска лично для нас. Мы ещё не спали ровно настолько, чтобы послушать девятичасовой выпуск новостей *BBC*, после чего мирно уснули. Слишком мирно — если верить моей давно проверенной жизненной философии о том, что каждому действию соответствует равное и противоположное противодействие.

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

Когда после утреннего выхода из лагеря пришло распоряжение, что все командиры эскадронов должны явиться на совещание в штабе бригады к 09.00, мне понадобилось несколько минут, чтобы понять: это относится и ко мне. За неторопливым завтраком я немного подшучивал над Мегрейтом. Наши два экипажа объединили усилия и приготовили нечто максимально напоминавшее традиционный английский завтрак — яичницу с беконом, тосты и чай, правда, без яиц. «Пока меня не будет, командование на тебе, Хэрри. Совещание старших офицеров. Хорошая возможность молодым проявить себя. Только не устрой кавардак с мытьём посуды, пока меня не будет».

Алек Гейтхаус встретил нас у своего командирского танка. Как всегда, он был невозмутим, производил впечатление несокрушимой силы и буквально излучал уверенность в себе. Он коротко обрисовал обстановку:

7-я Танковая Бригада отошла к железнодорожной станции;

22-я Танковая Бригада провела день, собирая и ремонтируя повреждённые машины, доведя свою численность до 42 танков;

4-я Танковая Бригада благодаря недавним пополнениям и тем экипажам, которые постепенно возвращались небольшими группами, теперь располагала 77 *Милашками*.

Таким образом, две бригады имели в общей сложности 119 танков различных типов. Именно это составляло всю бронетанковую мощь 30-го Корпуса, который девять дней назад начал сражение, имея около 600 танков. Затем последовала настоящая сенсация - генерал Каннингем был снят с должности командующего 8-й Армией. Его сменил генерал Ритчи. Для всех нас это стало потрясением, но неожиданностью — нет. Даже находясь на самом нижнем уровне армейской лестницы, невозможно было не ощущать отсутствия твёрдого руководства и ясной цели сверху. Все приветствовали эту замену как начало периода более решительных действий. Правда, никто из нас никогда раньше даже не слышал о генерале Ритчи. С вновь ожившими надеждой и интересом мы склонились над картами, уже разложенными для совещания. Гейтхаус быстро водил пальцем по карте, обозначая боевые позиции, а его чёткий, уверенный голос пояснял нанесённые карандашом построения и расположение войск. События на границе интересовали нас лишь постольку-поскольку. Все были убеждены, что Роммель не может всерьёз рассчитывать на успех своей авантюры в том районе (как впоследствии оказалось, мы ошибались), и что исход кампании всё равно будет решаться южнее Тобрука — с нашим участием.

Чёрный палец бригадира одним движением пересёк на карте всю охваченную боями пустыню между *Проволокой* и периметром Тобрука, превращая гром и дым вчерашнего сражения в цветные кружки и стрелки, обозначающие захват британцами позиции Эд-Дуда силами гарнизона, прорвавшегося из Тобрука. Новозеландцы находились у Бельхамеда, отделённые от гарнизона несколькими милями, где ещё удерживала позиции смешанная германо-итальянская группировка. Коридор к Тобруку должен был вот-вот открыться, и долгая осада наконец закончиться. Танковые дивизии Роммеля уже возвращались из наших тылов. Им, как говорили, пришлось там несладко, но никто не знал, что это означает. Отступают ли они, пытаясь пробиться на запад, или стремительно возвращаются, чтобы вновь овладеть районом Сиди-Резега, который теперь снова находился под контролем британцев?

Приказы 8-й Армии ясно показывали, что её командование само не понимает намерений противника. 4-я Танковая Бригада получила сразу две возможные задачи на ближайшее время: первую — оставаться в занимаемом районе и быть готовой вступить в бой с любой вражеской колонной в радиусе тридцати миль, вторую — приготовиться к выдвигению на новую боевую позицию южнее Акромы, далеко на запад от нынешнего района боёв. Второй вариант недвусмысленно означал одно: Роммель отступает, потерпев поражение. Мысль была приятной, но мы в неё пока не верили, по крайней мере — ещё нет, однако экипажам, смертельно уставшим за последние дни, услышать такую новость было приятно. Мы уже дошли до такого состояния, когда хватались за любую соломинку. Вернувшись в эскадрон, я обнаружил, что вместе с машинами снабжения прибыли новые офицеры и экипажи. После того как я довёл до них последние сведения, всё утро ушло на перераспределение людей по танкам, отработку строевой подготовки и действий взводов. Один молодой офицер, назначенный в Эскадрон С, прибыл на Ближний Восток из Англии всего семь дней назад. Я сказал ему: «Главное, чего я от тебя хочу, когда начнётся бой, — это держаться рядом со мной. Не теряй мой танк из виду. Пусть твой взвод всё время держится рядом с тобой». После этого я изложил им несколько обязательных правил, которые уже успел усвоить как необходимые для выживания в танковой войне. Я как раз показывал на песке с помощью нескольких камешков простейшие манёвры взвода, когда мой радист закричал: «Сэр! Полковник срочно вызывает вас!»

Я бросился к своему танку. Радист протянул мне наушники и микрофон. Приказ был следующим: вся бригада должна немедленно двигаться на северо-восток к Триг-Капуццо, чтобы помочь 22-й Танковой Бригаде атаковать вражескую колонну численностью около двух тысяч машин, включая 50–60 танков. Я сразу передал приказ командирам танков, удобно собравшимся неподалёку, и велел экипажам занять места в машинах и запускать двигатели. Похоже, нас ожидала ещё одна безумная атака. Я сказал молодым офицерам: «Слушайте. Это ваш первый бой. Скорее всего, всё закончится полной неразберихой. Поэтому не сводите глаз с моей *Милашки*. Всегда знайте, где она находится, и повторяйте все ее манёвры. Мы поднимемся на тот гребень фронтом. Оставайтесь в позиции *turret-down*, а не *hull-down*, не высовывайте корпус танка — только башню. Двигаться начнёте только после моего сигнала. Понятно? Хорошо. Увидимся за ужином». Офицеры и экипажи побежали к своим машинам. Через несколько секунд воздух наполнился рёвом двигателей — механики-водители запускали и раскручивали звездообразные моторы. Свои десять *Милашек* я разделил на три взвода по три машины. Одним командовал Мегрейт, два других получили новые офицеры. Когда мы поднимались по длинному склону гребня, я видел, как танки выстраиваются по обе стороны от меня в длинную прямую линию с интервалом примерно сорок ярдов между машинами. Далеко слева точно так же разворачивался Эскадрон А. Ещё дальше, уже вне нашего поля зрения, аналогичный манёвр выполнял 5-й Танковый Полк, и так вдоль всего гребня, окаймлявшего дорогу Триг-Капуццо, вплоть до самого крайнего *Крусейдера* из состава 22-й Танковой Бригады. Их задача заключалась в том, чтобы ударить в голову немецкой колонны, тогда как мы должны были обрушиться на её фланг и тыл.

Как только моя *Милашка* осторожно выполз на последний гребень, я сразу увидел перед собой густую массу транспорта. Триг представлял собой широкую чёрную полосу,

полностью забитую движущимися грузовиками и автомобилями. Над всем этим висело густое облако пыли, из-за него отчётливо различался лишь ближайший поток машин. Ни одного немецкого танка видно не было. Хвост колонны находился как раз впереди справа, казалось, момент для удара выбран идеально. Немцы никак не показывали, что заметили нас. Они, по-видимому, даже не подозревали, что всего в тысяче ярдов от них наготове стоят британские танки. Они медленно двигались на запад, наверное, ломали голову над тем, что, чёрт возьми, задумал Роммель, устраивая все эти безумные броски туда-сюда через пустыню, и, вероятно, всю ругались из-за проклятой пыли. Я с удовлетворением посмотрел направо и налево. Остальные танки эскадрона стояли вдоль изгиба гребня, из каждой башни торчали голова и плечи командира. Все не отрывались от биноклей, направленных на вражескую массу. Для человека, прибывшего из Англии всего неделю назад, это должно было выглядеть совершенно невероятным зрелищем.

Я вышел на связь с полковником и коротко доложил: «Эскадрон С занял позицию и готов к атаке». Слева аналогичный доклад сделал второй эскадрон. Через минуту пришёл ответ: «JAGO, JAGO, вызывает JAGO. Атакуйте немедленно. Алек передаёт особое пожелание: «Неситесь как черти». Удачи», и от меня тоже удачи. Конец связи». Приказ мгновенно прошёл по внутренней связи каждого танка.

— Водитель — вперёд! Полный газ! Наводчик — зарядить оба ствола!

Милашки буквально перепрыгнули через вершину гребня и понеслись вниз по пологому склону к Тригу. Я знал своего механика-водителя, к этому времени он уже освоился с подобными вещами. Наверняка сейчас его нога до упора вдавливала педаль газа, а глаза напряжённо всматривались через узкую смотровую щель, чтобы вовремя заметить внезапные каменные выступы или стрелковые окопы, которыми была усеяна эта много раз переходившая из рук в руки местность. По обе стороны мои *Милашки* держались со мной на одной линии. Это было хорошо. Я взглянул на часы - был ровно час дня. Я крепче ухватился за край командирской башенки и всем телом прижался к её стенке, стараясь удержаться на подпрыгивающем танке. Мы уже прошли половину склона. На ярком солнце мы неслись словно одержимые, и только теперь немцы поняли, что происходит. Сразу же повторилась привычная картина: тревога... замешательство... паника... и беспорядочное бегство под прямым углом к дороге. Мы даже не думали снижать скорость. Ещё через минуту гусеницы ударили по мягкому песку хорошо наезженной пустынной дороги. Наши танки буквально растворились в облаке пыли и в перепуганном стаде автомобилей, вслепую мчавшихся на север. У меня был тот же замысел, что и прежде: прорваться сквозь колонну, развернуться, перерезать ей путь и расстреливать всё, что попытается прорваться.

Я поднёс микрофон ко рту и коротко приказал командирам танков открыть огонь. Мой наводчик выстрелил немедленно. Через несколько секунд вся пыль была испещрена перекрещивающимися трассами. Красные линии прорезали жёлтое облако, смертоносные огненные точки настигали бегущие тёмные силуэты. С крыш башен мы стреляли из *Томпсонов* и револьверов. Время от времени резкий треск 37-мм пушки перекрывал дробный лай пулемётов *Браунинг*. Я всё ещё видел одну или две *Милашки*, мчавшиеся рядом, но что происходило дальше, за пределами узкого поля зрения, мог только предполагать и предполагал, что там действует весь эскадрон. Ещё минуту, подумал я, и тогда подам команду разворачиваться, и вдруг сквозь пыль я увидел, как ровная поверхность земли внезапно исчезает. Впереди зияла пустота. Я отчаянно заорал водителю: «Стой!» Он заметил опасность всего лишь на долю секунды позже меня и уже дёрнул тормоза ещё прежде, чем я успел закончить крик. Гусеницы намертво заклинило. Они с яростью взрыли песок, камни и кустарник, отчаянно пытаясь погасить чудовищную инерцию танка. После короткой, бешеной борьбы мы резко остановились. Передние ведущие колёса уже нависали над крутым обрывом, с которого начинался почти отвесный спуск вниз по высокому уступу. Первое, что я увидел своими широко раскрытыми от изумления глазами, примерно в десяти ярдах впереди и чуть ниже себя, был мотоцикл с коляской, лежавший на боку. Рядом с ним в ряд неподвижно стояли трое немецких солдат. Они были обращены ко мне спиной, вытянулись по стойке «смирно» и держали руки высоко поднятыми над головой. На мгновение у меня возникло желание просто

расстрелять их, но я сразу же отбросил эту мысль. Пока сознание ещё пыталось осмыслить эту странную картину, мой взгляд упал на происходящее у подножия уступа, где он переходил в широкое *вади*. Там царил настоящий хаос. Повсюду находились машины всех возможных типов и размеров. Одни, оставаясь на колёсах, ещё продолжали мчаться прочь со всех сил, другие стояли неподвижно, словно потеряв всякое понимание происходящего. Многие лежали перевёрнутыми на боку или вверх колёсами, нелепо выставив их в небо. Повсюду метались тёмные человеческие фигуры, и тут прямо у меня на глазах огромный грузовик, потеряв управление, сорвался вниз по откосу. Он ударился о скальный выступ, высоко подпрыгнул и, кувыркаясь, полетел к подножию, увлекая за собой лавину земли, камней и кустарника, среди которых беспорядочно мелькали человеческие тела, доски и искорёженные куски металла.

Скопление транспорта внизу, в вади, представляло собой великолепную цель. Я быстро приказал в микрофон: «Оба ствола, по людям и машинам, огонь всем, что у вас есть!» Пули просвистели буквально в нескольких дюймах над головами троих немцев, стоявших неподвижно перед танком. Они даже не шелохнулись. Когда неожиданно грянул выстрел нашей 37-мм пушки, они невольно вздрогнули, но никто из них не повернул головы и ничем не выдал ни страха, ни любопытства. Они продолжали стоять неподвижно - три спины, шесть поднятых рук, а над ними прямыми, ровными линиями в пыльный хаос внизу летели красные трассеры. Я заторможенно подумал, где сейчас остальные *Милашки* и так же ли удачно складывается дело у них, как у моего танка... И вдруг раздался страшный удар. В то же мгновение меня с головы до ног окатило невероятным потоком холодной воды. Несколько секунд я был буквально парализован — и физически, и мысленно. Я просто не мог поверить, что такое вообще возможно, но затем всё стало совершенно ясно: водяные канистры на корме танка были пробиты, а это могло означать только одно... Уже оборачиваясь назад, я одновременно приказывал наводчику: «Башню! Быстро разворачивай башню! Живо!» и в одно мгновение увидел всё. Страх мгновенно ударил в голову: не более чем в пятидесяти ярдах от нас стояла 50-мм противотанковая пушка, направленная прямо на мою *Милашку*, прямо мне между глаз. За ней располагались другие орудия. И тут, когда ветер немного разогнал пыль над уступом, я увидел то, чего боялся больше всего: несколько неподвижных *Милашек* и сгрудившиеся фигуры людей в чёрных танковых беретах, сидевших на песке или распростёртых на земле в предсмертной агонии. Вся эта картина и её ужасный смысл уложились у меня в голове меньше чем за секунду. Я видел, как немецкие расчёты поспешно вталкивают следующий снаряд в казённый. Башня продолжала вращаться. Я заорал: «По пушке! Из пулемёта! Огонь!» В ту же секунду увидел вспышку выстрела противотанковой пушки и одновременно услышал и почувствовал удар снаряда по броне. Я быстро посмотрел вниз, внутрь башни. Наводчик, всего в футах или двух подо мной, ошеломлённо смотрел на свою руку. По ней медленно расползалось тёмно-красное пятно крови. Через секунду он закричал и рухнул на пол башни. В правом верхнем углу башни зияла рваная пробоина. Сквозь неё, словно через какое-то жуткое окошко в театре теней, я видел, как немецкая пушка снова заряжается. Я понимал, что через несколько секунд буду мёртв, но какая-то сила, находившаяся далеко за пределами здравого смысла и рассудка, продолжала управлять моими движениями. Я наклонился вниз, нажал на спуск пулемёта и не отпускал его до тех пор, пока *Браунинг* не заклинило.

Куда ушли все эти пули — одному богу известно. Дважды я почувствовал, как мой танк содрогнулся от попаданий. После второго удара внутрь снова хлынула вода. Когда пулемёт замолчал, а сознание лихорадочно искало хоть какой-нибудь способ остаться в живых, я вдруг увидел единственный шанс. Если танк ещё способен двигаться... Если удастся свалиться вниз через край уступа... Мы исчезнем из поля зрения этих проклятых противотанковых пушек. Сквозь рваную дыру в броне я отчётливо видел немецких артиллеристов. Они работали отчаянно быстро — их лица напряжены и искажены яростью. Я срочно приказал: «Водитель! Вперёд! Через край! Быстро!» Никакого ответа. «Боже мой... Уэйли погиб... Мы все погибли...» Я снова заорал: «Водитель! Вперёд! Ради Христа, вперёд!» и тут понял, что произошло. Падая, раненый наводчик сорвал провод внутренней связи, соединявший водительские наушники с системой переговоров. Провод натянулся вокруг его шеи, откинул назад через сиденье и едва не задушил. Уэйли

отчаянно боролся с наушниками и наконец сорвал их. Впрочем, они ему уже были не нужны: мой истошный крик он слышал и без них. Я почувствовал, как включилась передача. На долю секунды весь мир словно застыл, затем двигатель взревел. Танк резко рванулся вперёд и с тяжёлым ударом перевалился через край уступа. В башне нас бросало из стороны в сторону, словно пробки в бутылке, потом прыжки прекратились. Танк плавно покатился вниз по склону. Мы исчезли из поля зрения немецких пушек наверху, и меня захлестнула невероятная, почти невозможная мысль: мы спаслись. Трое немецких мотоциклистов всё ещё стояли неподвижно. Наш танк прошёл мимо них буквально в нескольких дюймах, но они так и не опустили рук. Внизу Уэйли отчаянно работал рычагами, удерживая танк наискось по склону, чтобы выйти к подножию подальше от противника. Когда местность стала более ровной, я приказал повернуть направо и войти в небольшое вادي, которое позволяло безопасно уйти на юг. Башня всё ещё была развёрнута назад. Я ткнул радиста ногой, когда тот склонился над лежавшим наводчиком, и показал, что хочу вернуть башню в нормальное положение. Пока он вращал маховик, я не удержался и ещё раз оглянулся назад. Трое немцев всё ещё стояли точно так же, как прежде. Я даже начал думать, что они буквально окаменели от ужаса и останутся стоять здесь навечно, превратившись в какой-то чудесный памятник. За эти несколько минут — а может быть, часов, кто знает, — произошло столько событий, и я так близко заглянул в *Долину смертной тени (знаменитая метафора из 22-го псалма царя Давида, которая означает крайнюю опасность, страх смерти или тяжелые испытания – ВК)*, что мне было трудно снова поверить в действительность.

Я никак не мог окончательно осознать наше положение. Мне приходилось ощупывать рукой твёрдую броню танка и видеть знакомые лица экипажа, чтобы убедить себя: мы ещё живы и, похоже, останемся живы. Наводчик лежал на полу, стонал от боли и всхлипывал от страха. Серьёзного ранения у него не было. Я довольно грубо приказал ему взять себя в руки, но мысли мои уже были заняты остальными. Где сейчас мой эскадрон? Что с произошло с остальными? Неужели они все погибли? Я должен был это выяснить. Мы спокойно тарахтели по пустынному *вади*. После только что пережитого шума и ужаса эта тишина казалась какой-то сверхъестественной. Навязчиво лезла мысль, что мы уже не на земле, что едем в каком-то призрачном танке по иному миру, что все мы давно мертвы. Когда я поднёс микрофон ко рту, то почти ожидал, что из него не донесётся ни единого звука. Ощущение нереальности не исчезало. По моему приказу *Милашка* повернула направо и медленно стала подниматься обратно на гребень. Как только мои глаза поднялись над краем уступа, мы остановились, и передо мной сразу открылась вся страшная картина. Не более чем в пятистах ярдах от нас, словно кадр на огромном киноэкране, открылось взору поле боя. Мой взгляд поднялся к высоким чёрным столбам дыма, слегка наклонённым ветром, затем опустился вниз, к дымящимся *Милашкам*. Четыре моих танка превратились в пылающие костры, ещё три стояли неподвижно — печальные, покинутые. По самому краю уступа тянулась линия немецких противотанковых орудий. Их расчёты всё ещё находились у своих пушек, ожидая новых целей. Вся эта картина резко выделялась на фоне густых жёлтых облаков пыли, поднимавшихся из вادي. Я видел множество людей, метавшихся между пушками, танками и машинами, и сердце болезненно сжалось, когда среди них я различил знакомые фигуры наших солдат в чёрных беретах. Одни сидели небольшими унылыми группами, других немцы, оживлённо жестикулируя, поодиночке гнали в плен. Неужели я ничего не мог сделать?

Мысль вновь и вновь возвращалась к одной возможности — внезапно броситься в атаку на эту линию противотанковых орудий, смять их прежде, чем они успеют взять меня на прицел. Если бы у меня был наводчик, способный вести огонь из *Браунинга*, возможно, я бы это и сделал. Но наводчика не было, и потому я с благодарностью ухватился за возможность признать этот замысел невыполнимым — тем самым продлив жизнь себе и своему экипажу. Хотя кто знает? Возможно, всё бы получилось. В качестве единственной уступки собственному отчаянию и бессилию я поднялся во весь рост на башне и стал размахивать своим чёрным беретом. Был шанс, что где-нибудь среди кустарника притаился кто-нибудь из наших — наводчик, радист, механик-водитель или, может быть, один из командиров танков, — ожидая наступления темноты или удобного момента,

чтобы попытаться уйти, но в действительности это был скорее жест полного отчаяния. Когда над моей головой засвистели пули и вслед за этим раздался резкий лай немецких пулемётов, я снова нырнул в башню. Усталым голосом сказал по внутренней связи: «Ладно, Уэйли. Мы ничего не можем сделать. Поехали назад». Мы двинулись по вadi на юг. Русло становилось всё мельче и мельче, пока наконец незаметно не вывело нас обратно на плато, по которому мы так храбро неслись в атаку... Когда? Десять минут назад? Час назад? Сегодня? Вчера? Или много жизней назад? Когда мы остановились на краю ложбины, взгляд случайно упал на мои наручные часы. Стрелки показывали час семнадцать минут. Всего семнадцать минут. Вдали я заметил что-то движущееся среди кустарника. Это была *Милашка*. Я приказал Уэйли направиться к нему. Вскоре его командир тоже увидел меня и изменил курс. Когда танки поравнялись, я с невероятным облегчением узнал Хэрри Мегрейта. Он спрыгнул на землю и подбежал ко мне: «Боб, чёрт побери, мне ужасно жаль. У меня кончился бензин ещё на полпути вниз по склону. Я видел, как ты исчез вместе со всеми прямо среди этих немцев. Что случилось?» Запинаясь, едва сдерживая душившие меня чувства, я попытался рассказать ему обо всём, что произошло за последние несколько минут. Слова буквально вырывались наружу, и чем отчётливее я вновь переживал случившееся, тем яснее осознавал весь его ужас. Неконтролируемые рыдания разрывали мои фразы, превращая их в бессвязные обрывки.

— Где остальные танки? Они ведь должны были быть там! Где они?

— Они не пошли за тобой, Боб, — ответил Хэрри. — Когда я видел их в последний раз, они болтались где-то вдоль дороги.

— Сволочи... Чёртовы сволочи!

Я начал яростно колотить кулаками по броне танка. Хэрри молча обнял меня за плечи.

— Успокойся, Боб... успокойся... — тихо сказал он. — Ты уверен, что с тобой всё в порядке? Всё лицо у тебя в крови.

Это известие застало меня врасплох. Я провёл рукой по лбу и почувствовал засохшие дорожки крови, смешанной с песком.

— Со мной всё нормально. Наверное, это не моя кровь. Наводчик ранен. Надо доставить его назад. Здесь мы всё равно ничего сделать не можем.

Мы двинулись обратно вместе, пересекли дорогу Триг-Капуццо и стали подниматься по протяженному склону, но чувство отчаяния и злости не отпускало меня. На гребне я увидел силуэт танка и направился к нему. Подъехав ближе, заметил, что его 37-мм пушка через равные промежутки времени стреляет куда-то на север, при этом ствол был задран вверх градусов на тридцать. Я не видел там вообще никакой цели, только огромное облако пыли над скрытым за ним уступом. На башне стоял командир другого эскадрона. Он спокойно наблюдал в бинокль за высокой дугой полёта своих снарядов и... Курил трубку. Именно эта трубка вывела меня из себя. Я приказал механику подойти вплотную. Когда танки поравнялись, я заорал через несколько ярдов между нами: «Ах ты, чёртов ублюдок! — Сидишь здесь, покуливаешь свою проклятую трубку, а мой эскадрон полностью уничтожен! Полностью уничтожен, слышишь?! Все убиты! Видишь этот дым? Это горят наши *Милашки*! Горят танки! Горят экипажи! Где твои чёртовы танки? Шатаются где-то по Триг-Капуццо! — И посмотри на свой ствол! Куда ты вообще стреляешь? По проклятым самолётам, что ли?!» Я продолжал кричать. Он смотрел на меня с полукруглым ртом, совершенно ничего не понимая. Лишь постепенно я осознал, что у него на голове надеты наушники внутренней связи. Он не слышал ни единого моего слова, позже я даже был рад этому, но, когда я подъехал вплотную, я заметил виноватое выражение его лица. Думаю, он прекрасно понимал, что заслуживает всех тех слов, которых так и не услышал. Я выкрикнул в его адрес ещё одно последнее ругательство и приказал механику ехать дальше. По пути к батальонному штабу я попросил приготовить врача и санитарную машину для моего раненого наводчика. Когда мы приблизились к небольшой группе штабных танков, навстречу вышли полковник, доктор Макмиллан и

несколько офицеров и унтер-офицеров. Водитель остановил танк примерно в тридцати ярдах. Я спрыгнул и побежал к ним, уже готовый выплеснуть всё пережитое. К моему удивлению, уже на первом шаге я споткнулся и почти упал на руки. Только тогда впервые почувствовал сильную жгучую боль в правой ступне. Опустив взгляд, я увидел рассеченный носок своего пустынного башмака, но думать об этом было некогда. Окружённый штабными офицерами, я почти истерически рассказал всё, что произошло. Тем временем доктор Макмиллан и санитары отправились вытаскивать моего наводчика. Полковник, как всегда, спокойно и доброжелательно сумел привести меня в чувство. Потом Мак отвёл меня к своей санитарной машине. Он сообщил, что ранения у наводчика не тяжёлые - лишь осколочные повреждения кисти и бедра. Он дал мне кружку очень крепкого, горячего и сладкого чая, затем снял с меня башмак и носок. Из большого пальца ноги торчал блестящий металлический осколок величиной примерно с игровой кубик. Доктор вытащил его щипцами, тщательно промыл рану и перевязал её. «Теперь, — сказал он, — давай посмотрим, что у тебя с головой». Он внимательно перебирал мои волосы. Время от времени раздавался лёгкий металлический звон. Доктор находил пинцетом очередной крошечный кусочек свинца и вытаскивал его, но моё настроение не менялось. Перед глазами всё ещё стояли горящие *Милашки*, оставшиеся в живых... Молодые офицеры, которые уже никогда не смогут написать домой: «Дорогая мама. Сегодня я впервые был в бою...» На несколько минут я совершенно потерял самообладание. Доктор, прекрасно понимавший, что такое боевой шок, благоразумно оставил меня в покое. Потом я умылся холодной водой - Мак вылил мне на голову целый кувшин, и худшее постепенно прошло. Я начал мыслить яснее. Не о том, что уже случилось, а о том, можно ли ещё что-нибудь сделать. Доктор предложил мне переночевать в сравнительном комфорте санитарной машины, но меня не покидала мысль, что кто-то из экипажей всё-таки сумел уйти в пустыню и теперь ждёт, что я что-нибудь предприму, да и о собственном экипаже нельзя было забывать. Хромая, я вернулся к своему танку. Вокруг него собрались штабные офицеры, они расспрашивали водителя и радиста и осматривали повреждения. Картина впечатляла. Водяные канистры и всё наружное оборудование были превращены в искореженное месиво. В броне насчитали шесть пробоин. То, что танк вообще уцелел, выглядело настоящим чудом. Пока мы дрались у уступа, отсутствовавший со времени боя при Сиди-Резеге эскадрон наконец вернулась в батальон. Его уже собирались вместе с Эскадром А отправить в новую атаку дальше вдоль Триг-Капуццо.

Моя *Милашка*, несмотря на многочисленные пробоины и сквозняки, всё ещё оставался полностью боееспособной, и передо мной неожиданно возник один из тех небольших моментов выбора, которые способны определить всю дальнейшую судьбу. Без всякого сомнения, в тот вечер я мог остаться в стороне от боевых действий, и, если бы сделал это, вполне возможно, уже не захотел бы возвращаться. Я спросил полковника, нет ли где-нибудь свободного наводчика. Он ответил, что сейчас такого нет, хотя ночью, возможно, прибудет пополнение людьми и танками. Тогда я посмотрел на своего механика-водителя и радиста, которые переживали этот момент не меньше меня, и сказал: «Ну что ж... Тогда поедem без наводчика». Мы втроём с удовольствием снова забрались в танк, и по выражению лиц водителя и радиста я понял, что они рады тому, что решение за них принял именно я. Пристроившись позади остальных эскадронов, наша *Милашка* двинулась на запад вдоль Триг-Капуццо, но мои глаза всё время были устремлены на север. Я не переставал надеяться увидеть одинокие фигуры людей — кого-нибудь из экипажей моих танков. Там, где местность справа от меня становилась выше, были видны вспышки немецких или итальянских полевых орудий, и я машинально докладывал об этом по радио. Хэрри Мегрейт держался поблизости, словно стараясь прикрыть меня. Поскольку никакой непосредственной угрозы не возникало, нас постепенно успокаивали краснеющее вечернее небо и медленно опускавшаяся на пустыню темнота. В пять часов нас отозвали в штаб батальона для пополнения боеприпасов и горючего из только что прибывших грузовиков. Активный день закончился.

Когда ночь стала достаточно тёмной, чтобы скрыть наши передвижения, весь батальон переместился примерно на три мили к югу — в район, который уже становился для нас привычным местом ночной стоянки. Там я попросил у полковника разрешения провести

на рассвете разведку, чтобы попытаться найти людей из моих экипажей, которым, возможно, удалось ночью выбраться из окружения. Он дал ограниченное разрешение. Я не должен был заходить дальше дороги Триг-Капуццо и ни при каких обстоятельствах не имел права терять радиосвязь. Вчера уже прошло, оставалось ещё завтра. Перед тем как я завернулся в одеяла, ко мне подошёл доктор Мак. Он налил мне хорошую порцию бренди и дал две таблетки — чтобы подарить мне то забытье, в котором я так нуждался.

Той ночью... в нескольких милях от нас, где-то в пустыне, офицер немецкого 33-го Артиллерийского Полка делал запись в боевом журнале части:

Группа английских танков атаковала колонну снабжения в тылу дивизии. Танки ворвались прямо в середину колонны и открыли по машинам огонь из пушек и пулемётов, тогда как автомобили продолжали двигаться вперёд на полной скорости. Батареи № 6 и № 8 немедленно развернули свои орудия, однако поднятая пыль была настолько густой, что ничего нельзя было различить, пока внезапно из облака пыли не появился английский танк примерно в пятидесяти метрах перед позициями 6-й батареи. Мы сразу же открыли огонь прямой наводкой. Танк загорелся. Второй танк, находившийся непосредственно позади него, также был подбит. В течение очень короткого времени батарея уничтожила ещё десять английских танков практически в упор и тем самым отбила атаку на тыл дивизии.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Ночью мой изрешечённый снарядами танк увели в ремонт. К тому времени, когда на рассвете меня растолкали, Хэрри Мегрейт уже успел заново укомплектовать мой экипаж и остальные машины эскадрильи людьми из прибывшего ночью пополнения вместе с горючим и продовольствием. Теперь в Эскадроне С снова было пять танков, включая мой и машину Хэрри. Я быстро переговорил с новыми экипажами. Некоторые из них были из постоянного резервного состава батальона. После этого мы с Хэрри направились к Триг-Капуццо. Небо уже начинало светлеть, но земля оставалась такой же мрачной, как и моё настроение, когда мы добрались до края ближайшего уступа. Я уже не был вполне уверен, где именно относительно места вчерашнего боя мы находимся, однако с вершины открывался широкий обзор на север. Пустыня лежала перед нами тихая и безжизненная. Мы тщательно обследовали кустарник и камни в бинокли, надеясь заметить хоть какое-нибудь движение, хоть пятно цвета хаки, которое выдавало бы человека, но равнина лишь безмолвно смотрела на нас в ответ. Прямо под нами тянулась тёмная и пустынная лента Триг-Капуццо, соединявшая оба горизонта. Мы ездили вдоль гребня туда и обратно, надеясь шумом моторов и своим движением привлечь внимание кого-нибудь из наших солдат, скрывавшихся где-нибудь среди кустов в страхе и неизвестности. Рёв наших авиационных двигателей отличался от глухого урчания дизелей так же, как ксилофон отличается от контрабаса. Наступающий рассвет полностью осветил плато, но никаких следов вчерашней катастрофы мы так и не увидели.

Я понял, что нахожусь в нескольких милях западнее того места, где накануне мы начали свой роковой спуск, и тут мои размышления прервал голос полковника. Он срочно отзывал нас обратно в штаб. На обратном пути наше внимание привлекла небольшая группа *Милашек*, окружившая несколько земляных бугров возле системы стрелковых окопов. Любопытство взяло верх, и мы подъехали ближе. Танки принадлежали 5-му КТП. По их нерешительности я решил, что в этих насыпях наверняка скрывается хотя бы одна противотанковая пушка и минное поле, но, когда я подъехал вплотную к окопам, оказалось, что в каждом из них сидит всего лишь по одному до смерти перепуганному немецкому пехотинцу. Я жестом велел им выйти. Они послушно выбрались наружу с белыми от страха лицами, поднятыми руками и совершенно явным облегчением. Я передал их танкистам 5-го Полка, показал командиру взвода весьма неприличный жест двумя пальцами и поехал дальше к своему батальону.

В штабе мы узнали, что примерно в четырёх милях северо-западнее обнаружена колонна мотопехоты на грузовиках. Нам приказали атаковать её. Я со своим эскадром из пяти

танков отправился вперёд, постепенно избавляясь от тяжёлых мыслей в ожидании нового боя. Настоящее снова вытесняло прошлое. Мой взвод только что пересёк Триг, когда мы неожиданно наткнулись на несколько разрозненных немецких машин и групп солдат, которые словно возникли из ниоткуда и сами не знали, куда двигаться. Почти сразу по нашим *Милашкам* открыли огонь несколько противотанковых пушек, установленных прямо на кузовах грузовиков. В ту же секунду полковник вышел на связь. Он приказал немедленно изменить направление и быстро двигаться западнее — на помощь 22-й Танковой Бригаде, вступившей в бой с немецкими танками и автоколонной, но выйти из уже завязавшейся перестрелки было невозможно. Когда оказываешься связан боем с противотанковыми орудиями, приходится драться до конца — пока не будут уничтожены либо они, либо ты сам. Все пять моих танков открыли плотный огонь из *Браунигов*. Через минуту-другую немцы решили, что с них достаточно, и начали отходить. Мы бросились за ними. Особенно ожесточённая погоня получилась за одним грузовиком. Он подпрыгивал на каждой кочке, а находившиеся в кузове солдаты отчаянно раскачивались и каждые несколько секунд выпускали по нам очередной снаряд из своей пушки. Мой пулемёт тоже стрелял без особого успеха. Наконец я приказал водителю остановиться, а наводчику — открыть огонь из пушки. До цели было не больше пятидесяти ярдов. Самого попадания я не увидел, поэтому, вероятно, именно звук выстрела заставил водителя грузовика резко затормозить. Все находившиеся в машине немцы немедленно выпрыгнули на песок и подняли руки, и вдруг оказалось, что вся пустыня буквально кишит небольшими группами немцев, стремившихся сдаться в плен. Остальные *Милашки* кружили вокруг них, словно насадки, собирающие своих цыплят. Очень скоро броня наших танков была почти полностью облеплена тёмными фигурами пленных солдат Африканского Корпуса.

Передо мной возникла довольно непростая задача. Приказ я получил, но к этому времени весь батальон уже исчез из виду, и я лишь очень приблизительно представлял, где он находится. Связаться с полковником по радио не удавалось, вести же танки в бой против немецких танков, увешанные пленными немцами, было совершенно нереально. Я решил найти штаб бригады, выгрузить пленных и заодно уточнить направление туда, где сейчас идёт бой. Через несколько минут мы заметили характерную группу штабных танков и машин в нескольких милях южнее. Остановившись неподалёку, я построил всех пленных в две колонны. Сам бригадир подошёл ко мне, по-моему, он выглядел весьма раздражённым. Он бегло взглянул на пленных и сразу спросил: «Какого чёрта, по-вашему, вы занимаетесь? Разъезжаете по пустыне и собираете пленных, тогда как должны быть вместе с батальоном и сражаться с танками?» Я ожидал чего-то подобного, но всё же счёл замечание несправедливым. Я объяснил, что большинство пленных — расчёты противотанковых пушек, что мы уничтожили четыре таких орудия и что мне совсем не нравится мысль оставить всех этих людей на свободе, чтобы завтра или послезавтра они снова могли стрелять по нашим танкам. «Кто знает, — сказал я. — Вполне возможно, что кто-нибудь из этих парней завтра к этому времени уже подбил бы ваш собственный танк». Кажется, мои слова произвели впечатление.

Когда я попросил сообщить, где находится мой батальон, бригадир ответил, что обстановка сейчас весьма запутанная и лучше мне пока оставаться возле штаба, пока не станет ясно, что происходит. В этот момент к Гейтхаусу подбежал офицер с сообщением, что с севера приближается группа немецких танков. Я был только рад такому развитию событий. Мы быстро собрали свои пять *Милашек* и поспешно покинули штабную площадку. Около дюжины танков различных типов медленно двигались с запада небольшой группой вдоль Триг-Капуццо. Я предположил, что их отправили выяснить, что произошло с той группой, на которую мы наткнулись раньше. Укрыться было негде: пустыня между нами была ровной, как солончак. Как только немцы заметили наши танки, они прибегли к своей обычной тактике: выслали вперёд заслон из лёгких танков. Около полудюжины танков *Pz.II* устремились нам навстречу. Мы ничего не могли предпринять, кроме как оставаться на месте и ждать, пока они подойдут на подходящую дистанцию для открытия огня. Наше бездействие, по-видимому, сбilo немецких командиров с толку. Они сбавили скорость, заколебались, а затем нерешительно остановились. Мне совершенно не хотелось вступать в бой при соотношении сил два к одному, особенно когда против

нас были ещё и несколько *Pz.III* и *Pz.IV*, поэтому мы просто сидели на месте, надеясь, что они отвернут и оставят штаб бригады в покое. Затем, должно быть, лёгкие танки получили весьма жёсткий приказ. Они снова двинулись вперёд — правда, уже значительно осторожнее — и начали стрелять по нам, выпуская из своих пушек почти безвредные облачка дыма. Наши *Милашки* молчали до тех пор, пока немцы не подошли примерно на девятьсот ярдов. Тогда я сказал в микрофон: «Ну, давайте. Начинайте». 37-миллиметровые пушки сразу же открыли огонь. Через несколько секунд я с огромной радостью увидел, как два немецких танка остановились, а их экипажи покинули машины. В тот же момент огонь открыли более тяжёлые танки, находившиеся позади них.

Пока мы не обращали на него внимания. Мы продолжали слегка маневрировать взад-вперёд перед фронтом лёгких танков, которые приблизились примерно до шестисот ярдов, после чего решили, что с них достаточно. От одного из них медленно потянулась струйка дыма. Я увидел, как водитель выпрыгнул через передний люк, однако башня так и не открылась. Теперь вперёд двинулись тяжёлые *панцеры*. Большие орудия танков *Pz.IV* уже стреляли непосредственно по нашим *Милашкам*. Я вовсе не собирался ждать, пока мы окажемся в пределах уверенного поражения стреляющих бронбойными снарядами 50-миллиметровых пушек *Pz.III*, и приказал командирам взводов медленно отходить. Они прекрасно знали, как это делается. Водители включили задний ход, и мы начали пятиться, продолжая всё время стрелять. Примерно в ста ярдах слева я увидел *Милашку*, которая внезапно остановилась. Одна ее гусеница была разбита и беспомощно свисала с переднего ведущего колеса. Трое членов экипажа выбрались через башню и укрылись за моторным отделением. Я помахал им рукой, приказывая бежать к нам, затем снова сосредоточился на приближавшихся *панцерах*. Когда я вновь посмотрел в их сторону, повреждённой машины уже оказался примерно в двухстах ярдах позади, а экипаж всё ещё не покидал своего укрытия. Один из них махнул мне рукой. Я снова показал жестом: «Бегите!» На мгновение я вспомнил приказ бригады подбирать экипажи подбитых машин, но рисковать собственным танком я не мог, да и обязан был подавать пример. Я никак не мог понять, почему они продолжают сидеть на месте, не желая рискнуть под пулями и снарядами, хотя иначе их почти наверняка ожидал плен. Положение оставшихся *Милашек* становилось всё более тяжёлым. Я уже знал, что мой собственный танк несколько раз получил попадания. Я просто не представлял, что делать дальше, если *панцеры* продолжают атаку.

Оглянувшись через плечо, я увидел штабные машины бригады — они всё ещё стояли там, где мы их оставили, примерно в двух милях позади. Но теперь уже и они попадали в пределы досягаемости орудий *Pz.IV*. Я решил, что остаётся только продолжать отход, надеясь, что произойдёт нечто, не зависящее от нас. Мы медленно откатывались назад. Красные трассеры тянулись к противнику. Мы ощущали смерть, рассекавшую воздух вокруг нас. *Панцеры* следовали за нами, но не стремились навязать решительный бой. Казалось, они испытывали к этому не больше желания, чем мы. Вскоре их намерения стали понятны. Тяжёлые танки занимались эвакуацией своих повреждённых машин и экипажа нашей *Милашки*. Никаких наступательных задач они перед собой не ставили. Через бинокль я видел, как наши уныло понурившиеся танкисты подошли к большому *Pz.IV* и забрались на его корму. Несколько минут всё оставалось неподвижным, потом *панцеры* начали отходить небольшими группами по два-три танка, оставив впереди лишь наблюдательный заслон. Последние лёгкие танки стремительно откатились назад. Бой закончился.

Мы — всего четыре оставшихся *Милашки* — вернулись в штаб бригады. Гейтхаус и несколько штабных офицеров наблюдали всё происходившее в бинокли. Я быстро осмотрел свой танк снаружи и, всё ещё чувствуя досаду после утреннего разноса, подошёл к бригадиру. Исполненный праведного негодования, я сказал: «Полагаю, мы только что спасли ваш штаб от того, чтобы его просто смели». Гейтхаус спокойно ответил: «Вы ведь дрались на довольно большой дистанции, не так ли?» - «Если вы считаете это большой дистанцией, сэр, — ответил я, — тогда взгляните на мой танк». Я подвёл их к своей *Милашке* и стал показывать повреждения: отверстия в броне, пробоины в ящиках для инструмента, изрешечённые скатки постелей и 30-

миллиметровый снаряд, застрявший в лобовой бронеплите. «Шесть чёртовых попаданий в мой танк... Даже на вашей *большой дистанции*,» - больше никто ничего не сказал. Когда я попросил указать направление к расположению батальона, Алек Гейтхаус, вновь уже вполне дружелюбный, сообщил, что приказал 3-му и 5-му танковым полкам собраться вместе и вскоре они подойдут.

Доктор Макмиллан находился в штабе бригады, который во время боя становился своего рода сборным пунктом для всех, кто непосредственно не участвовал в сражении. Он подошёл ко мне вместе с Хэрри Мегрейтом, только что оказав помощь одному из наших раненых. Док сказал: «Молодец, Боб. Вчера вечером я говорил полковнику, что тебе, по-моему, не помешал бы небольшой отдых». Он сделал паузу: «Я ошибался». Я прекрасно понял, что он хотел сказать, и насколько много скрывалось за этими словами. Он понимал, через какой личный кризис мне пришлось пройти. Теперь же, когда всё осталось позади, словно тяжёлый занавес опустился на какой-то уголок моей памяти. Вчерашний день — со всем его ужасом и потрясением — окончательно ушёл в прошлое. Остальная часть батальона, потерявшая в утреннем бою ещё три *Милашки*, вернулась около полудня. 8-й Полк Гусар всё ещё находился впереди, наблюдая за теми силами немцев, которые, как сообщалось, отходили на северо-запад.

Во время обеденного привала полковник объехал подразделения, чтобы передать нам слова нового главнокомандующего. В нём бригаду поздравляли с великолепной работой и обещали, что после выполнения следующей задачи нас наконец отправят на отдых. В свете последующих событий это сообщение выглядит довольно странным. Накануне вечером [генерал] [Ричи](#) направил в 30-й Корпус приказ, в котором подчёркивалось, что «крайне важно не позволить противнику уйти на запад, южнее уступа Сиди-Резег». На самом же деле противник вовсе не собирался уходить ни на запад, ни вообще куда-либо. Он сосредоточивал свои бронетанковые дивизии для уничтожения новозеландцев у Сиди-Резега, прежде чем те успеют соединиться с гарнизоном Тобрука. То, чего нам не удалось сделать ни вчера, ни сегодня, заключалось именно в том, чтобы помешать соединению двух танковых дивизий, двигавшихся с запада от границы, с дивизией *Ariete*, наступавшей с юга от Эль-Губи. Мы потерпели неудачу вовсе не потому, что проиграли бой. Причина заключалась в нашей обычной практике — каждый вечер отходить с поля боя в сравнительно безопасный район ночной стоянки. Противник в полной мере воспользовался этой добровольно предоставленной ему свободой действий. К тому времени, когда британское командование наконец поняло замысел Роммеля, сосредоточение его бронетанковых сил было практически завершено. В результате он смог отбить наши танковые атаки и одновременно собрать силы для удара по новозеландцам. Однако экипажи танков ничего этого не знали. Мы с удовольствием впитывали тёплые слова благодарности главнокомандующего.

Очевидно, происходившее было не вполне ясно и всем остальным. После обеда вся 4-я Танковая Бригада неторопливо двинулась на северо-запад. Ей предстояло прикрывать правый фланг южноафриканцев, двигавшихся к Сиди-Резегу. Через час мы установили дальний контакт с крупной группировкой немецких танков и моторизованных частей. По какой-то причине обе стороны ограничились перестрелкой на большой дистанции, время от времени отвечая друг другу не слишком энергичным огнём. Создавалось впечатление, что никто особенно не хочет начинать бой, который потом окажется невозможным довести до конца. Ночью мы бесконечно долго двигались обратно к району ночной стоянки. Наш путь лежал прямо на юг — в открытую пустыню. Наш Эшелон *B*, который должен был доставить нам горючее, продовольствие и боеприпасы, ночью так и не прибыл. Топлива у нас оставалось лишь настолько, чтобы на рассвете рассредоточиться по позициям. Меня всегда тревожила мысль о том, что произойдёт, если в этот момент на нас неожиданно наткнётся какая-нибудь случайная колонна немецких *панцеров*, а мы будем стоять неподвижно, без топлива и без боеприпасов. Позднее выяснилось, что в вопросе снабжения противник, вероятно, находился в ещё худшем положении, чем мы. Боевые журналы Африканского Корпуса буквально переполнены упоминаниями о нехватке горючего и снарядов. Несомненно, мы упустили немало великолепных возможностей нанести немцам серьёзный урон именно тогда, когда они были столь

ограничены в снабжении. Главной причиной этого были недостаток опыта и отсутствие необходимых средств — как материальных, так и умственных. На поиски эшелона снабжения был отправлен разведывательный дозор, а мы расположились в рассеянном боевом порядке, радуясь возможности, несмотря на нехватку бензина, хотя бы быстро вскипятить чай. Офицеры, как обычно, собрались возле танка командира полка, в своей вечной погоне за настоящими новостями и достоверной информацией.

В то утро в батальоне насчитывалось всего 14 танков. Половина Эскадрона А где-то потерялась накануне вечером. О какой-либо нормальной организации уже не могло быть и речи. Эскадрон С сократился до меня, Хэрри Мегрейта, одного сержанта и одного капрала — всего четыре *Милашки*. Было очевидно, что без пополнения батальон уже не способен предпринять ничего сколько-нибудь серьёзного. Остальная часть бригады находилась почти в таком же состоянии. Это вполне учитывалось при определении нашей новой задачи — прикрытия южноафриканских частей. Похоже, дела у них шли не слишком хорошо. Я случайно услышал, как один штабной офицер сказал нашему командиру: «Дядюшка Джордж в полном порядке, и ребята дядюшки Джорджа тоже в полном порядке. Но вот племянник дядюшки Джорджа — сущая головная боль. Мы никак не можем заставить его ни вступить в бой, ни хотя бы перейти туда, где ему, возможно, пришлось бы сражаться». После того как 5-я Южноафриканская Бригада была почти уничтожена под Сиди-Резегом, совершенно естественным стало нежелание подвергать оставшиеся силы новым тяжёлым потерям. Следует помнить, что дивизии стран Британского Содружества представляли собой чрезвычайно значительную часть самых ценных людских ресурсов своих государств. Очень часто подобная осторожность диктовалась сверху, а вовсе не являлась следствием местных настроений. Пожалуй, лучше оставить тот вопрос, который тогда вызывал столько споров, ограничившись замечанием, что Дэн Пинаар, возможно, слишком буквально истолковал рекомендации не допускать новых катастроф. Именно необходимость прикрывать южноафриканцев, а возможно, и желание дать нам небольшую передышку, привели к тому, что 4-я Танковая Бригада долгое время не привлекалась к каким-либо решающим действиям. Это выглядело тем более странным, что кампания вступала в весьма необычную фазу. В тот момент мощное наступление 8-й Армии, сосредоточившей все имеющиеся танковые силы, вполне могло привести к окончательному решению исхода войны в одном генеральном сражении к юго-востоку от Тобрука. Вместо этого борьба продолжалась в виде разрозненных боестолкновений по всей пустыне. Роммель отражал несогласованные атаки противника, одновременно готовя тот удар, который, как он надеялся, станет решающим ударом. Именно тогда, в этот критический период, командующий армией направил Гейтхаусу приказ. Его задача на день состояла в следующем: удерживать дорогу к новозеландцам открытой, следовать за южноафриканской бригадой при её продвижении к аэродрому и «держат наблюдение».

Соответственно, всё утро мы мирно занимались тем, что «держали наблюдение», не видя ровным счётом ничего, кроме медленного, прерывистого движения отдельных групп южноафриканского транспорта по линии горизонта на западе.

С северной стороны доносилась сильная артиллерийская канонада, которую время от времени перекрывали более тяжёлые глухие разрывы авиабомб. Это был первый случай, когда мы воочию осознали масштаб воздушной войны и превосходство Королевских ВВС. Самолёты — главным образом бомбардировщики *Босмон/Boston* — летели плотными группами. На фоне облачного неба они казались чёрными силуэтами, а на фоне чистой синевы — едва заметными, почти прозрачными. Когда они превращались на севере в крошечные точки, вокруг них внезапно возникали и тут же исчезали облачка разрывов зенитных снарядов. После этого самолёты дружно уходили вправо, ни на мгновение не нарушая строя. Над пустыней медленно поднимались грязные клубы взрывов, а спустя несколько секунд до нас докатывался тяжёлый грохот падающих бомб.

Мы дремали в башнях своих танков или задумчиво жевали галеты с мармеладом. Так продолжалось до позднего утра, затем в наушниках затрещала радиостанция. Поступило сообщение, что немецкие танки сосредотачиваются для атаки на «наших у Сиди-Резега», и нам приказано быть готовыми прийти им на помощь. Вся полевая артиллерия бригады

под прикрытием эскадрона 5-го КТП была немедленно отправлена туда. Мы были очень рады, что на этот раз идти предстояло не нам. Скука стала роскошью, которую хотелось беречь. К двум часам дня вся бригада уже двигалась на север. Менее чем через час мы проходили через мрачное поле, усеянное сгоревшими автомобилями, брошенными и разбитыми пушками и танками, а также свежими земляными холмиками недавно вырытых могил, которыми стали многочисленные щелевые окопы. И вдруг я понял, что узнаю это место. Именно здесь, в день *Totensonntag*, мы сражались несколько дней назад. Это воспоминание уже казалось смутным кошмаром, хотя прошло всего семь дней. Во время этого марша 3-й КТП прикрывал правый фланг. Вся активность, к счастью, происходила слева, где другие подразделения бригады почти непрерывно сталкивались с итальянскими танками, продолжавшими двигаться от Бир-эль-Губи на соединение с *панцерами*. Это была типичная переменчивая обстановка. Пехотные позиции постоянно находились под угрозой атаки вражеских танков. В подобных условиях в сознании людей, прикованных к своим окопам, возникают самые разнообразные страхи и картины неминуемого уничтожения. В такой ситуации разница между действительностью и воображением становится совсем небольшой, и никто не ждёт, пока всё окончательно прояснится.

Между тремя и шестью часами вечера наши *Милашки* поочерёдно мчались то на юг, то на север, то на запад. Единственное направление, куда нам не пришлось нестись, было восточное — просто потому, что, насколько нам было известно, британской пехоты в той стороне не было ещё миль шестьдесят. Во время всей этой суматохи, этих бесконечных тревог и бросков на выручку якобы окружённым стрелкам и артиллеристам мой танк не выпустил ни одного снаряда, и я не увидел ни одной цели, по которой стоило бы стрелять, за исключением одной совершенно необыкновенной стаи птиц, подобных которым мне больше никогда в жизни не доводилось видеть. Они появились, описывая круги над пустыней, их было около двадцати. Размером они были примерно с голубя, но гораздо стройнее и казались удивительно крепкими и жёсткими. Стая села на россыпь камней ярдах в сорока перед нашим танком, и сразу же все птицы приняли совершенно неподвижную позу. Каждая действовала сама по себе, но вместе они образовали удивительно цельную картину, словно превращаясь в выступ слоистого камня. Длинные клювы были подняты вверх под углом примерно сорок пять градусов. Вокруг них бушевали шум и движение такого рода, каких они, вероятно, никогда прежде не знали, но ни одна птица не моргнула, ни одно серо-чёрное перо не дрогнуло. Их полная неподвижность настолько меня завороживала, что я подвёл свой танк почти вплотную к ним — ярдов на десять. Лишь тогда общий рисунок распался, и вместо каменного образования я вновь увидел отдельных птиц. Я выстрелил из своего револьвера в землю рядом с ними. Они буквально не моргнули глазом. Я выбрался из башни и подошёл к ним ярда на три. Они продолжали стоять неподвижно, словно окаменев. Я сделал ещё несколько осторожных шагов, теперь я находился прямо над ними. Двадцать глаз внимательно и разумно смотрели на меня. И вдруг меня охватило странное ощущение, будто ещё немного — и я сам превращусь во что-то каменное и проведу остаток своих дней, неподвижно переглядываясь с этими птицами. Мне стоило немалых усилий наклониться и протянуть к ним руку. Все двадцать пар глаз одновременно и совершенно бесшумно повернулись, следя за её движением. Когда моя ладонь оказалась всего в четырёх дюймах от ближайшей птицы, вся стая, словно движимая единым сознанием и единой волей, внезапно сорвалась в воздух. Множество крыльев взметнулось одновременно, но строй не распался. Через несколько секунд птицы исчезли на востоке. Я недоверчиво смотрел на голую землю, где мгновение назад они словно приросли к камням. Разрыв снаряда неподалёку шумно вернул меня к действительности. Я поспешно забрался обратно в башню танка.

ДВЕНАДЦАТЫЙ И ТРИНАДЦАТЫЙ ДНИ (продолжение)

В ту ночь мы снова двинулись к району ночной стоянки. Казалось, этому переходу не будет конца. Нас поглотила непроглядная темнота. Песок и пыль непрерывным потоком врывались в наш тесный, жёсткий мир. Мы оставили позади яркие огни немецких позиций и, словно звенья одной цепи, с лязгом гусениц потянулись на юг, в пустынную темноту. В

каждой *Милашке* радиостанции были настроены на станции по всей Европе и Ближнему Востоку — куда угодно, лишь бы там звучала музыка. Она помогала не заснуть водителю и командиру. Стоило одному танку отклониться от маршрута, и половина батальона, сонно следуя за ним, могла заблудиться в ночной пустыне. Для командиров танков и механиков-водителей это была ещё одна тяжёлая и тревожная обязанность. Уже две недели подряд они спали лишь урывками — по несколько часов за ночь. И эти жалкие часы приходились на конец дней, наполненных изматывающим страхом, чудовищным напряжением, непрерывными боями или, по меньшей мере, бесконечными часами напряжённого наблюдения, от которого глаза буквально отказывались служить. Лишь спустя три часа и десять миль пути мы наконец расположились в своих бронированных «спальнях», выстроенных плотной фалангой. Мы валились прямо на землю, радуясь каждому найденному клочку мягкого песка среди камней и гальки.

В полночь прибыл мотоциклист-связной. Он вырвал нас из бессознательного забытья, объявив, что командиры эскадронов должны немедленно явиться на совещание к танку полковника. «Господи всемогущий, — пробормотал я, с трудом вырываясь из сна. — Почему они не могли просто оставить меня лейтенантом?» Полковник встретил нас устало. Когда мы собрались вокруг неизбежно разложенной карты, он сообщил, что все оставшиеся у 30-го Корпуса бронетанковые силы будут сосредоточены под командованием Гейтхауса. Это означало, что ему передаются и уцелевшие *Крусейдеры* из состава 22-й Танковой Бригады. Их осталось всего двадцать пять, однако благодаря подкреплениям, прибывавшим этой ночью, общая численность 4-й Танковой Бригады должна была увеличиться до 120 танков. Это было значительно больше, чем мы располагали в последние дни, хотя всё ещё заметно меньше штатной численности. Услышав это, большинство из нас решило, что впереди неизбежно новая буря. Мы ожидали окончания неопределённости последних дней. И, признаться, были удивлены — и, думаю, искренне разочарованы, — когда вместо решающего генерального сражения с дивизиями *панцеров*, которое либо похоронило бы нас в песках пустыни, либо закончилось бы героическим возвращением в Каир, нам вновь предстояло выполнять привычную задачу: прикрывать союзников, тревожить противника и уничтожать его там, где представится возможность.

Подобные расплывчатые приказы почти всегда приводят к тому, что не происходит вообще ничего. Тринадцатый день не стал исключением. Он почти полностью повторил предыдущий — со всеми тревогами и особенно бесконечными маршами туда-сюда. Весь день мы слышали канонаду где-то на севере и гадали, что там происходит и кто побеждает. Никто ничего нам не говорил. Вернувшись вечером в район ночной стоянки, мы с большим удовольствием узнали, что 5-й Танковый Полк серьёзно схватился с дивизией *Ariete* на нашем левом фланге. Эскадрон Пэдди Дойла на своих *Милашках* подбил шестнадцать итальянских *M13*. Все мы мечтали наконец сразиться с итальянцами. Я так никогда и не смог понять, почему нас не бросили в полномасштабное наступление против дивизии *Ariete*. После того как они покинули минные поля у Эль-Губи, для этого представлялось множество возможностей.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Второй кризис под Сиди-Резегом разразился стремительно. Неудача в попытке облегчить положение Новозеландской Дивизии — это была наша неудача, хотя и не наша вина, — поставила её в безвыходное положение, а наше бездействие последних двух дней теперь выглядело совершенно непростительным. Ещё задолго до рассвета нас подняли по тревоге. Приказ был срочным: на полной скорости двигаться к аэродрому и обеспечить отход новозеландцев, которым угрожало полное окружение и уничтожение. Для нас это стало настоящим потрясением. Оказалось, что наше почти полное неведение относительно общего хода сражения скрывало поражение столь серьёзных масштабов.

Ещё до восхода солнца вся бригада уже двигалась к Сиди-Резегу — тому роковому и смертельно опасному месту, значение которого высшее командование, казалось, так и не сумело до конца понять. Наш 3-й Батальон шёл по правому флангу, дальше от противника, чем остальные. Центральная ось наступления бригады была направлена

прямо на аэродром. Мы быстро двигались на север. Каждая *Милашка* в лучах восходящего солнца казался розоватым пятном. Песок, ещё влажный от росы, не поднимал пыли. По мере того как пустыня освещалась, перед нами вновь появлялись знакомые колодцы и каменные пирамиды (*сложенные людьми – автор использует кельтское слово cairn - ВК*), мимо которых мы проходили снова и снова. Мы бесконечно повторяли их названия в радиообмене каждый день с самого начала кампании. Повсюду нас окружали мрачные следы прежних боёв — такие же привычные и неподвижные, как сами ориентиры местности.

Глядя на облака пыли и уродливого дыма, которые, казалось, навечно зависли между уступами Сиди-Резега, я поймал себя на мысли: неужели небо над этим клочком земли когда-нибудь снова станет чистым? С наступлением полного дня и улучшением видимости появились и первые снаряды. Они начали широко ложиться среди наших колонн. Мой взвод снова шёл впереди в охране — это уже стало почти автоматической обязанностью. Я слышал короткий свист и резкий удар пролетающих над головой снарядов, направлявшихся к более крупным скоплениям войск позади нас. Сквозь утреннюю дымку на далёких грядках вспыхивали выстрелы немецких батарей. Докладывать об их местоположении не было никакой необходимости. По меньшей мере полдюжины артиллерийских наблюдателей уже наверняка обнаружили их и наносили координаты для контрбатарейного огня. Вскоре мои три *Милашки* вновь остановились на самом краю уступа. Это было почти то самое место, где всего восемь дней назад, которые казались теперь целой жизнью, я с изумлением смотрел вниз на фантастическую картину боя, пока долговязый бригадир колотил кулаками по броне моего танка. Я почти ожидал снова увидеть его. Вот он мчится ко мне на своей маленькой машине, а светлые волосы его водителя сверкают под солнцем, потому что внизу, в этой охваченной боем впадине, и дальше к северу, за следующим уступом, открывалась почти такая же картина яростного хаоса. Взлетно-посадочная полоса всё ещё была завалена разбитыми машинами. Те же самые самолёты стояли по её краям — почерневшие и заброшенные. Но теперь поток автомобилей непрерывно уходил по склону низины туда, где местность ещё одной ступенью опускалась к морю. Посреди всего этого белоснежной, незабываемой точкой сияла гробница святого Резега.

Больше всего меня поразило другое. Грива напротив меня, а вместе с ним и вся высота, известная как Пункт 175, казались полностью заняты противником. Через бинокль, примерно в трёх милях от нас, я отчётливо видел людей, грузовики и хорошо узнаваемые итальянские танки, и всё это находилось уже в тылу новозеландцев. Это снова была такая тактическая ситуация, которую я просто не мог осмыслить. Оставалось лишь принять её как данность — наряду со всеми прочими неожиданными и, казалось бы, невозможными обстоятельствами, с которыми нам постоянно приходилось сталкиваться на протяжении всей кампании и которые приходилось либо немедленно разрешать, либо столь же быстро обходить. В половине восьмого утра мой взвод достиг самого южного уступа.

События последующих нескольких часов по-разному описаны примерно в полудюжине полковых дневников и исторических исследований. Мои собственные воспоминания о том утре почти не совпадают ни с одной из официальных версий. Мне трудно поверить, что всё это могло существовать лишь в моём воображении. Ведь я был там... К восьми часам мы получили приказ выйти к новозеландцам и обеспечить их безопасный отход из-под удара противника. Мы начали спуск по длинному склону. Всю дорогу нас интенсивно обстреливали справа, лишь когда мы скрылись из виду, огонь постепенно затих. Обойдя аэродром слева, мой взвод вскоре оказался на втором уступе, непосредственно над дорогой Триг-Капуццо. Вокруг группы машин, оставленных для эвакуации арьергарда новозеландцев, земля буквально кипела от разрывов снарядов самых разных калибров. Я запросил у командира батальона дальнейшие указания и получил приказ установить связь с командиром новозеландцев (если удастся его найти) и передать ему, что он должен немедленно отходить через расположение наших танков. Мы двинулись дальше, пересекли дорогу и остановились за группой подбитых машин, среди которых находился и один пехотный танк *Мамильда/Matilda I*. Здесь я выбрался наружу и прошёл вперёд,

чтобы лучше осмотреть местность. Мне совсем не хотелось выводить свою *Милашку* на открытое пространство, большая часть которого, если верить нашим сведениям, уже находилась в руках противника. Я чувствовал себя совершенно беззащитным, однако мысль о том, что меня может случайно задеть осколок, беспокоила меня куда меньше, чем перспектива быть стёртым с лица земли прямым попаданием из немецкой 88-мм пушки. Ко мне присоединился Хэрри Мэгрейт, и мы, укрывшись за толстой бронёй *Матильды*, принялись рассматривать местность в бинокли. Примерно в ста ярдах впереди, в центре перекрестья моего бинокля, я увидел офицера. Он сидел спиной ко мне на краю стрелковой щели, свесив ноги внутрь.

— Чёрт побери, Гарри... Не [Фрейберг](#) (речь идет о Бернарде Фрейберге – правильно Фрайберг, Bernard Freiberg – ВК) ли это сидит?

— Очень похож на фотографии. Но какого чёрта он там делает?

— Кто бы это ни был, — сказал я, — именно ему и надо передать приказ.

— Может, я схожу, Боб?

— Нет. Подожди здесь. Если это действительно Фрейберг, то я давно хотел с ним познакомиться.

— Если только найдётся кто-нибудь, кто вас познакомит...

Не успел Гарри договорить, как мы с удивлением увидели одинокий немецкий грузовик, двигавшийся по дороге Триг-Капуццо с запада. Он спокойно проехал мимо остатков новозеландских подразделений, затем мимо моего взвода и направился прямо к штабу нашего батальона, находившемуся позади нас. Рядом с грузовиком во весь дух мчалась маленькая чёрно-белая собачонка, похожая на фокстерьера. Мы с улыбкой наблюдали за происходящим, представляя себе выражение лица водителя, когда он обнаружит, что въехал прямо в расположение британских танков. На всякий случай я отправил Хэрри обратно к его танку, чтобы предупредить командира батальона о приближающейся машине. Мало ли что - вдруг в кабине сидел сам Роммель. Как раз в этот момент водитель понял свою ошибку, резко развернул грузовик, подняв целое облако песка, и помчался обратно по дороге. Позади него, вытянувшись, как борзая, с отчаянным лаем неслась маленькая собака. Я услышал несколько очередей из наших пулемётов *Брауниг*, выпущенных вдогонку, но и грузовик, и собака благополучно скрылись. Особенно нас это не расстроило. После этого небольшого происшествия я покинул укрытие за *Матильдой* и, несколько нервничая, направился вперёд. Смелости мне придавала лишь безмятежная фигура офицера, сидевшего у стрелковой щели. Я постарался пройти эти сто ярдов как можно более непринуждённо, отчаянно борясь с желанием бросаться ничком на землю всякий раз, когда рядом слышались свист и разрыв очередного снаряда. Подойдя к его широкой спине, я громко, перекрывая грохот боя, произнёс: «Сэр!» Под какой-то курткой или безрукавкой невозможно было разглядеть знаки различия, но лицо не оставляло никаких сомнений. Когда он обернулся, я вытянулся и отдал честь.

— Третий танковый батальон, 4-я Танковая Бригада, сэр. У меня сообщение для командира Новозеландской Дивизии.

— Тогда лучше передайте его мне, молодой человек. И пока будете говорить — залезайте в эту стрелковую щель.

— Благодарю, сэр, но я могу передать сообщение и стоя. Оно совсем короткое... слава Богу.

Он усмехнулся. Я сообщил ему приказ: необходимо немедленно отходить на восток; наши *Милашки* уже заняли позиции и прикроют отход дивизии. Я указал на них, терпеливо стоявших среди груды подбитой техники.

— Хорошо. Надеюсь, машина ещё на ходу.

Он показал на стоявший рядом большой штабной автомобиль *Humber*. В этот момент я услышал новый звук — резкий свист и треск пулемётных очередей. Я снова отдал честь и поспешил обратно. Укрывшись за покинутой *Матильдой*, мы с Хэрри наблюдали, как Фрейберг собирает вокруг себя последних оставшихся офицеров и солдат. Из кустов и песка поднялись человек двенадцать или пятнадцать. Они забрались внутрь штабной машины и облепили её со всех сторон. Затем автомобиль развернулся, люди висели на его капоте, крыльях и багажнике. Машина пронеслась мимо нас и исчезла по дороге Триг-Капуццо.

Хэрри ткнул меня локтем. По склону туда, где только что находились новозеландцы, медленно спускалась длинная колонна людей в тёмных шинелях. Они шли по четыре человека в ряд. Колонна уходила далеко назад — её конец скрывался за следующим уступом. Они неторопливо пробирались среди разбитых автомобилей, стрелковых щелей и воронок. До них было не больше пятисот ярдов. Я смотрел на них через бинокль почти с недоверием. Никогда прежде мне не доводилось видеть столь измученных и подавленных людей. Многие были без головных уборов. Косые лучи утреннего солнца безжалостно подчёркивали грязь, растрёпанный вид и полное душевное истощение, отражавшееся на их лицах. Они уныло шаркали вниз по склону, не поднимая глаз, глядя себе под ноги. Ни один из них ни разу не посмотрел в сторону наших танков или уходивших новозеландцев. Добравшись до подножия, они остановились какой-то бесформенной, усталой массой, словно присматривая место, где можно было бы просто лечь на землю.

Мы с Мэгрейтом бросились к своим танкам. Я немедленно вышел на связь с командиром батальона и доложил, что впереди находится великолепная цель, добавив, что собираюсь открыть по ней огонь из пулемётов. Ответ оказался весьма тревожным: «Пока забудьте об этом. Нас окружили. Приказ — пробиваться и собратся в трёх милях южнее аэродрома. Немедленно двигайтесь». Я ещё раз оглядел пустые гряды и ложбины к югу. Затем посмотрел на мрачную колонну немецкой пехоты, всё ещё стоявшую плотными, унылыми рядами. Я перевёл взгляд на Хэрри. Он поднял руки до уровня плеч — красноречивым жестом отчаяния. Мы развернули свои танки и последовали за остальными машинами батальона. Пока мы уходили, я не отрывал бинокля от немецких пехотинцев. Насколько я мог судить, они совершенно не проявляли интереса ни к нашему присутствию, ни к нашему отходу. Одно было совершенно очевидно: если противник только что выиграл ещё одно сражение за Сиди-Резег, то эти солдаты сами об этом ещё не знали. Каждую минуту, пока мы мчались к месту сбора, я ожидал, что в наушниках внезапно раздадутся отчаянные сообщения о появлении немецких танков, но ничего не происходило. Мы без помех выбрались на знакомое плато над аэродромом — словно домашние собаки, которые после долгих скитаний вновь вернулись к хорошо знакомому столбу с привычными запахами.

Много позже этот эпизод получил для меня неожиданное подтверждение. Официальный новозеландский военный историк, который тогда был ранен и попал в плен именно в этом районе, впоследствии подробно описал происходившее. Он находился на передовом перевязочном пункте, который вечером предыдущего дня был захвачен немецкими войсками, и стал свидетелем большей части событий того утра. Вот что он написал: «У меня сложилось твёрдое впечатление — и [новозеландский] генерал Киппенбергер придерживался того же мнения, — что немецкие солдаты, проходившие через район главного перевязочного пункта или рядом с ним, были почти лунатиками и уж во всяком случае вовсе не выглядели победителями. Думаю, их моральное состояние было уже почти на грани полного краха...»

Вернувшись к месту сбора — причём мы не только не увидели, но даже не услышали противника, — мы оказались уже достаточно далеко от опасности, чтобы встретить свои машины снабжения и пополнить запас горючего. Боеприпасов мы так и не израсходовали. Остаток дня мы наблюдали за воздушными боями. Это было по-настоящему захватывающее зрелище. Нервные стайки *Штук* совершали свои быстрые, испуганные налёты, а затем в панике рассыпались, как только на них обрушивались *Спитфайры/Spitfire* и *Харрикейны/Hurricane*. После нашего греческого опыта, когда

немецкие пикировщики безраздельно господствовали в воздухе, не существовало более приятного и удовлетворяющего зрелища, чем наблюдать, как *Штуки* беспомощно крутятся, скользят боком и неуклюже уворачиваются от британских истребителей. Стремительные атаки *Спитфайров* почти всегда сопровождался чёрным клубом дыма, вырывавшимся из *Штуки*, после чего следовали её безумное почти вертикальное падение и удар о землю — навстречу вечности. Вечером, когда небо налилось багровым светом, а пустыню начала поглощать темнота, над полем боя неторопливо потянулись обратно патрули истребителей и стремительные пары самолётов воздушной фоторазведки. Мы смотрели на них с завистью. Через час их пилоты уже будут вымыты, выбриты, одеты в чистую одежду и, крича таксистам, понесутся к убежищу под отелем *Metropole* или в ресторан на крыше отеля *Continental*, где какая-нибудь певица с бархатым голосом будет исполнять *Sand in My Shoes*. В баре *Tommy's* их будет ждать ледяное пиво, на веранде ресторана *Shepherd's* — мартини. Тем временем кто-нибудь обзвонит знакомых девушек, чтобы вечером отправиться на танцевальный ужин в клубе *Gezira*. Мягкий свет... Тихая музыка... Белоснежные скатерти... Бутылка вина... ...и ты.

Интересно, где сейчас та прелестная американка?..

Так самолёты исчезали в вечернем небе, возвращаясь туда, где ещё продолжался день, тогда как над этой землёй уже опускалась ночь. Длинный уступ Сиди-Резега тянулся через весь горизонт, занятый немцами и итальянцами. «Господи, — подумал я, — ведь всё было точно так же ещё до начала наступления. Неужели никто никогда не выиграет эту проклятую войну?» В темноте мы снова двинулись назад, к глубоко изрытому колеями Бир-Берранебу.

ПЯТНАДЦАТЫЙ И ШЕСТНАДЦАТЫЙ ДНИ

Следующие несколько дней сохранились в моей памяти как непрерывная путаница бесконечных перемещений. Мы всё время куда-то двигались, но, казалось, так никуда и не попадали. Это был период, когда мы словно оказались отделены от главного сражения. Решающая борьба неизменно происходила где-то за следующим гребнем, вне нашего поля зрения. Час перестал отличаться от часа. Всё вокруг превратилось в однообразную монотонность пустыни, по которой мы бесцельно кружили, словно неуклюжие и крайне неэкономичные посыльные. Казалось, прежний бешеный темп войны исчез. Вместе с ним исчез и тот крестоносный дух, который вдохновлял нас в первые светлые дни операции. Думаю, все мы уже пережили высшую точку своих усилий и приближались к пределу физического и душевного истощения. Подсознательно мы ощущали, что критический момент этой битвы мы уже миновали. Победа, хотя её ещё невозможно было увидеть, уже существовала — впереди, в этих днях, пыли и смерти. Для нас это совпало с трудноуловимым мгновением, когда человек вдруг начинает понимать, что будущее снова существует, что оно вновь становится реальным и важным — и что ему самому очень хочется до него дожить. Для солдата это опасное состояние, но оно приходит ко всем, к одним раньше, к другим позже.

Новозеландский генерал Киппенбергер приводит любопытный случай, показывающий, насколько подобные чувства универсальны. В конце того первого декабрьского дня, когда победоносные войска противника вновь заняли ключевые позиции вокруг Сиди-Резега, к Киппенбергеру, находившемуся в плену на захваченном перевязочном пункте, прихрамывая подошёл немецкий артиллерийский офицер и сказал: «Мы снова заняли Белхамед. Наши восточная и западная группировки соединились. Но всё это бесполезно. Мы проиграли сражение. Потери слишком велики. Мы проиграли битву». Этот немецкий офицер уже миновал пик напряжения своих душевных сил. Он достиг той точки, когда будущее стало для него важнее настоящего. Испытание сил уже состоялось. Исход войны был определён — независимо от того, сколько ещё предстояло провести сражений и сколько новых могил придётся выцарапать в песке. По расположению войск ни одна из сторон ещё не выглядела окончательно победившей. Сохранялось впечатление тупикового равновесия. На первый взгляд армии *Оси* даже одержали серьёзную победу, но мы ощущали совсем другое. Хотя почти никто из нас толком не представлял общей

картины происходящего, все были убеждены в одном: мы не окажемся проигравшей стороной. Точнее выразить это мы не могли.

Два дня мы провели в Бир-Берранебе. Дел хватало. Мы занимались техобслуживанием танков и вооружения, стирали одежду, мыли головы, мучительно брились, заново формировали батальон после прибытия пополнения и временного усиления эскадрой 8-го Полка Гусар. Теперь 3-й КТП насчитывал около сорока танков. Потребовалась серьёзная перестановка личного состава, тем более что командира Эскадрона А перевели в тыловой эшелон снабжения. Мне было искренне жаль этого майора — кадрового офицера. Его собственная глупость отбросила его на много лет назад в длинной очереди на продвижение по службе. Я снова стал заместителем командира Эскадрона С. Теперь им командовал Уизерс — весьма способный кадровый сержант-майор довоенной службы, окончивший офицерскую школу одновременно со мной в Полку *Вестминстерских Драгун/Westminster Dragoons*. Меня это несколько не огорчило. Я прекрасно понимал, что именно так и должно было случиться, как только батальон вновь доведут до штатной численности. Единственное, чего мне хотелось, — чтобы война закончилась как можно скорее и я смог наконец убраться ко всем чертям. При этом мне по-прежнему предоставляли почти полную самостоятельность в управлении моим взводом, а административной бумажной волокитой заниматься уже не приходилось.

Во время этой передышки нам изложили ближайшие планы армейского командования. Предполагалось силами Индийской Бригады, при поддержке тяжёлых пехотных танков *Матильда*, очистить район севернее Эль-Губи. Это должно было изолировать сильно укреплённые вражеские позиции южнее Эль-Адамаи Тобрука. Затем предполагалось продолжить наступление на запад, чтобы сделать удержание как Эль-Губи, так и Тобрука невозможным для противника. Конечная цель оставалась прежней: полностью уничтожить германо-итальянские войска и не дать им вновь отойти в Триполитанию, перегруппироваться и начать весь этот смертельно утомительный круг сначала. В условиях пустынной войны само по себе овладение территорией без уничтожения противника не имело практически никакого смысла. К этому выводу между 1939 и 1943 годами постепенно пришли многие командующие обеих сторон. Именно задачу уничтожения противника поручили 4-й Танковой Бригаде. Мне казалось, что выполнять её мы собираемся весьма странным способом, однако я был уверен, что это имело мало общего с желаниями самого Гейтхауса. Я всё больше понимал, что простые задачи, возникающие непосредственно на поле боя, превращаются в чрезвычайно сложную мозаику, когда сходятся вместе в армейском штабе, и всё же меня не покидала мысль: если бы каждую простую задачу решали просто, то и общая картина была бы значительно менее запутанной.

На этом этапе операции *Crusader* наша непосредственная задача заключалась в том, чтобы не допустить вмешательства бронетанковых частей противника в наступление пехоты на Эль-Губи и одновременно воспрепятствовать отходу немецких войск на север. Поэтому ранним утром вся бригада заняла позиции между Эль-Губи и Эль-Адамом, где мы почти неподвижно просидели всё утро и большую часть дня. Эскадрон С находился на крайнем северном фланге этого неподвижного построения. От постоянного наблюдения мне стало скучно, а глаза начали болеть, поэтому я один отправился на небольшую разведку к первому большому уступу севернее наших позиций: там обычно всегда что-нибудь происходило. Кроме того, с бровки уступа можно было заметить противника задолго до того, как он замечал тебя. Так и оказалось. Едва добравшись до длинной гряды, протянувшейся, казалось, вдоль всего североафриканского побережья, я сразу увидел массовое движение танков и автомашин. Они шли на восток через низину Сиди-Резега и далее по хорошо знакомой дороге Триг-Капуццо. Такое масштабное движение в этом направлении совершенно не соответствовало той тактической обстановке, которую нам описывали накануне вечером. Я подобрался настолько близко, насколько осмелился, чтобы окончательно убедиться: это действительно немецкая колонна.

После этого я немедленно связался с командиром батальона. Я был чрезвычайно взволнован: мне показалось, что начинается ещё один стремительный бросок Роммеля к

Проволоке и нашим тыловым районам. Полковник приказал мне не вмешиваться, внимательно наблюдать за происходящим и ждать дальнейших распоряжений после связи с бригадой. Так я и сидел, наблюдая за длинной, покрытой пылью колонной. По её флангам скользили мрачные *панцеры*, словно эсминцы, сопровождавшие караван торговых судов. Через некоторое время полковник снова вышел на связь. Он сообщил, что армейское командование полностью осведомлено об этом передвижении. По всей видимости, Роммель пытался деблокировать свои войска, оказавшиеся запертыми в районе Бардии и Соллума, и необходимые меры уже принимаются. Мне же предписывалось продолжать наблюдение, но ни в коем случае не ввязываться в бой. «Только без твоих обычных фокусов, Боб, — сказал он. — Каждый танк нам понадобится для следующей операции».

Позиция у самого края скалы была слишком открытой, поэтому я осторожно перебрался туда, где местность пересекали невысокие песчаные гряды. Они позволили мне подобраться всего примерно на пятьсот ярдов к колонне немецкого автотранспорта, медленно двигавшейся вперёд. Я всё думал о Бардии — о той самой Бардии, куда они направлялись, о Бардии с её маяком, на который я смотрел сверху во второй день наступления. Теперь, спустя более двух недель, противник по-прежнему удерживал Бардию, и вот сейчас весь Африканский Корпус, всего в пятистах ярдах от меня, двигался туда по дороге Триг-Капуццо. Сколько раз я пересекал этот Триг с того первого дня, полного восторга? Однако он всё ещё оставался дорогой армий *Оси*, и Бардия всё ещё была крепостью *Оси*. Укрывшись за удобным песчаным бугром, я решил, что при таком освещении мы можем позволить себе вскипятить чай. За весь день другой возможности не представилось, а в лагере делать это было невозможно из-за строгого запрета на любой свет. Я приказал наводчику и радисту выбраться наружу и приготовить чай, а сам остался у радиостанции. Механик-водитель Уэйли продолжал сидеть за рычагами управления с работающим на холостом ходу двигателем — на всякий случай. Передо мной непрерывным потоком проходили плотные ряды грузовиков. Они представляли собой соблазнительную цель для пулемёта. Я легко мог представить себе панику, которая началась бы после двух коротких очередей. Мне совсем не хотелось портить наше чаепитие, но я невольно думал, что если армейское командование действительно «держит эту колонну под контролем», то сейчас оно должно было бы обрушить на неё всё, чем располагает. Закатное зарево уже сменялось фиолетовым преддверием ночи, когда хвост колонны наконец прошёл передо мной. Я сидел на башне, потягивая чай, как вдруг две приземистые зловещие тени отделились от замыкавшей колонну группы *панцеров* и быстро направились прямо ко мне. Я заорал на наводчика и радиста, которые развалились на песке возле дымящихся кружек. Они мгновенно нырнули обратно в башню... не выпуская, впрочем, из рук своих кружек с чаем. Я приказал Уэйли медленно сдавать назад, чтобы не привлекать лишнего внимания, но одновременно удалиться от угасающего дымка нашего костра. Мне казалось, именно этот дым привлёк внимание *панцеров*, а вовсе не наша *Милашка*. Я вообще сомневался, что они способны разглядеть танк.

Мы успели откатиться ярдов на тридцать, когда двигатель чихнул и заглох. За этим последовал уже слишком хорошо знакомый звук — бесполезное жужжание стартера. «Ну ладно, Уэйли, можешь не объяснять, — сказал я в переговорное устройство. — У нас кончился бензин». Потом добавил: «Зарядите обе пушки. Хотя, думаю, они нам уже не понадобятся». Два *панцера* остановились примерно в четырёхстах ярдах. В сгущавшихся сумерках я едва различал их силуэты и был почти уверен, что они видят меня не лучше, тем более они никак не могли знать, что я здесь совершенно один. Несколько минут мы просто наблюдали друг за другом. Наконец, по-видимому, обе стороны пришли к выводу, что никаких агрессивных намерений нет. Тогда мои мысли переключились на следующую проблему: как выбраться отсюда? Я переключил радиостанцию на передачу: «*МABO*, *МABO*, вызывает *МABO-1*». У меня закончилось горючее. Координаты...» Уизерс ответил, что лично приедет отбуксировать меня и что я должен внимательно следить за его появлением и вывести его к себе. О двух *панцерах* я ничего не сказал: очень не хотелось, чтобы появление ещё одной *Милашки* нарушило тот осторожный баланс, который сложился между нами и немцами. Мы допили чай, хотя уже без особого удовольствия. Я

велел радисту выбраться на башню, чтобы вместе высматривать Уизерса. Видимость была совсем плохой. Я понимал, что ещё минут через десять он вполне может вообще нас не найти. Вдруг радист вскрикнул и указал рукой на расплывчатое пятно среди кустарника примерно в шестистах ярдах. Танк двигался наискосок от нас, уходя к северо-западу. Я сразу вышел на связь и начал наводить его так же, как самолёт при посадке в густом тумане, заодно предупредил, чтобы он двигался как можно медленнее: за нами наблюдает противник. Сильнее выразаться мне не хотелось.

Уизерс подошёл осторожно. Когда я показал ему едва различимые в темноте *панцеры* и исчезающий хвост огромной колонны, он был совершенно ошеломлён. Трос мы зацепили почти рекордно быстро, после этого начался долгий путь обратно к батальону. Лишь благополучно добравшись до лагеря, мы обнаружили, что оставили позади своё самое драгоценное имущество — чайник и небольшой запас чая.

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Теперь пружина была сжата до предела и готова с огромной силой распрямиться, как только исчезнет сдерживавшее её давление. Манёвренное сражение подошло к концу. Больше не предстояло бесконечно метаться по огромным пространствам пустыни, пересекать собственные следы по полдюжины раз в день и по пятьдесят раз за неделю. Теперь всё происходило иначе - начались штурмы стационарных оборонительных позиций, оставленных противником в качестве арьергардов, затем — обход или прорыв, потом короткое преследование до следующего оборонительного рубежа. Но сразу почувствовать эту перемену было невозможно. Мы прекрасно понимали: быть уничтоженным отступающей 88-мм пушкой ничем не лучше, чем быть уничтоженным наступающей. Тем, кто находится под огнём, совершенно безразличны тонкие различия между смертью при победе и смертью при поражении. Если уж на то пошло, погибнуть при поражении даже проще. И всё же осознание того, что твоя сторона побеждает, приносит огромное моральное облегчение.

В этот, семнадцатый день настоящее по-прежнему полностью владело нами. Ещё до рассвета мы покинули лагерь, чтобы к семи часам занять боевые позиции. Если у кого-то ещё сохранялись надежды на скорое окончание борьбы и торжественный марш на Бенгази, то они были жестоко разрушены. Передовой эскадрон буквально налетел на заслон противотанковых орудий, в результате четыре *Милашки* были уничтожены. В ответ удалось подбить всего один итальянский *M13* и повредить часть транспорта, который заманил наши танки под огонь орудий. Я находился далеко на правом фланге и был даже рад узнать обо всём этом лишь по радио. Несколько часов мы бездействовали. Наши 25-фунтовые орудия непрерывно громили скрывавшегося среди песка и кустарника противника. Тем временем продолжались поиски слабого места в его обороне. Противник очень энергично реагировал на происходящие события. Его артиллерия по всей линии, тянувшейся к северу от Эль-Губи, обрушивала на наши танковые подразделения огонь такой силы, какой нам ещё никогда не доводилось испытывать. Я воспринял это как добрый знак. Если Роммель теперь предпочитал бросать против нас снаряды, а не *панцеры*, значит, что-то изменилось. Впрочем, в тот момент именно меня не обстреливали. В три часа дня поступило сообщение: из района Бардии начинается массовый отход немецких танков и автотранспорта на запад. По всей видимости, Роммель отказался от попыток деблокировать свои гарнизоны.

Началось большое отступление. Чтобы перехватить это движение, бронетанковой бригаде приказали двинуться на север. По новому порядку движения 3-й КТП оказался на левом фланге, проходя вкрест передовой линии противника. Это был чрезвычайно шумный и весьма нездоровый сектор фронта. Наше продвижение постоянно задерживалось сильными артиллерийскими обстрелами, кроме того, приходилось внимательно следить за итальянскими танками, занимавшими выгодные позиции и в любой момент способными ударить по нашему флангу — если бы только они этого захотели. Обычно артиллерийский огонь нас особенно не тревожил, если только не стреляли самые тяжёлые орудия. Повредить танк артиллерийским снарядом было непросто, кроме перебитой гусеницы или разрушенной подвески, серьёзных повреждений

почти не случалось. Опасность возникала лишь тогда, когда снаряд попадал прямо в башню. Такое действительно иногда происходило, и последствия невозможно описать словами, но вероятность этого была столь мала, а сама мысль настолько неприятна, что мы старались просто не думать о ней. Однако в этот день снарядов вокруг падало так много, что нам приходилось непрерывно менять позиции.

Передовые подразделения бригады заняли намеченный рубеж и выдвинулись к северу, ближе к Триг-Капуццо. Эскадрону С приказали провести разведку левее, попытаться что-нибудь сделать с неприятельской артиллерией и обеспечить более тщательное наблюдение. С некоторой опаской мой взвод осторожно двинулся вперёд. Примерно в тысяче ярдов от нас стоял небольшой побелённый дом, окружённый низкой каменной оградой. Сначала мне показалось, что это очередной пустынный мираж, который вскоре превратится в верблюдов, но строение оказалось вполне настоящим. Я решил, что это, должно быть, и есть деревня Эль-Губи. Во всяком случае, я был уверен, что хотя бы часть наблюдателей, корректировавших огонь немецкой артиллерии, находится именно там. В промежутках между разрывами я внимательно изучал дом и стену через бинокль. И вдруг почувствовал, как танк резко дёрнулся. Почти одновременно раздался резкий хлопок — то ли выстрел, то ли звук попадания. Я так никогда и не научился уверенно различать эти два звука. В ту же секунду я успел заметить короткое облачко белого дыма, поднявшееся из кустов перед белыми стенами. Оно мелькнуло слишком быстро, чтобы быть полностью уверенным, но увиденного оказалось достаточно, чтобы забеспокоиться. Я быстро заглянул внутрь башни. Наводчик и радист смотрели на меня с тревогой, но были совершенно целы. По-видимому, внутри танка всё было в порядке. Я быстро навёл пулёмёт на то место, где, как мне казалось, находилась цель, и объяснил наводчику, что хочу, чтобы он дал длинную очередь. Мне нужно было увидеть, куда ложатся пули на песок, чтобы затем скорректировать огонь по району цели. Одновременно я сообщил командирам танков своего взвода, что происходит, и приказал им открыть пулёмётный огонь по тому же участку.

Браунинг уже почти был наведён туда, куда требовалось, как вдруг снова раздался резкий удар, сопровождавшийся сильной встряской. На этот раз я совершенно отчётливо увидел вспышку выстрела. Я подумал, что и мой наводчик должен был её заметить — ведь его прицел был направлен прямо туда. «Быстрее уничтожь эту чёртову противотанковую пушку! — крикнул я ему. — Через пару секунд она нас прикончит, если ты её не накроешь!», но вместо ожидаемой очереди из *Браунинга* я почувствовал, как кто-то дёрнул меня за штанину. Наводчик лежал, скорчившись на полу башни, а радист уже накладывал ему перевязку. Он крикнул мне вверх: «Сэр, ему попало в ногу!» Я приказал механику-водителю как можно быстрее сдавать назад. В этот момент на связь вышел мой взводный сержант. Он сообщил, что видел вспышку выстрела и уже ведёт огонь по противотанковому орудью. Я ответил, что наш танк подбит, и приказал ему отходить до тех пор, пока не найдёт позицию, где корпус будет укрыт в понижении рельефа, после чего продолжать огонь. Затем я связался с Уизерсом и попросил подготовить медицинскую помощь у штаба батальона, куда я собирался доставить своего раненого наводчика. Мне было приятно видеть, что остальные танки взвода отходят именно так, как я их учил, — медленно сдавая назад и одновременно ведя огонь из обоих стволов. Когда я решил, что уже можно разворачиваться без особого риска, мы увеличили скорость и направились обратно к штабу.

Вытащить тяжелораненого человека из танка — адская работа. Мы извлекали его настолько осторожно, насколько могли, хотя всё равно причиняли ему страшную боль. Мы вытащили его наружу через передний люк *Милашки* и переложили на носилки, которые Макмиллан со своими санитарями уже приготовил. У бедняги в бедре зияла ужасная рана. Когда его уложили на землю в тени грузовика и Док занялся им — ввёл морфий и начал перевязку, — я вернулся осмотреть повреждения танка. Первый снаряд — судя по всему, 30-миллиметровый — всё ещё торчал, застряв в лобовой бронеплите. Примерно в футе от него находилась круглая вмятина в броне, заканчивавшаяся небольшим аккуратным отверстием диаметром меньше половины дюйма — прямо в центре смотровой щели механика-водителя. Первым понял, что произошло, именно

Уэйли. Бронебойный снаряд попал точно в головку заклёпки. Заклёпка вместе с потоком раскалённого свинца сорвалась с места, пронеслась прямо мимо головы механика-водителя внутрь башни и вонзилась в ногу наводчика. Я велел Уэйли снова сесть на своё место, потом закрыл бронезаслонку смотровой щели и посмотрел через маленькое отверстие назад. Струя расплавленного свинца и сорванная заклёпка прошли мимо его левого уха не дальше чем в одном дюйме.

— Когда всё это закончится, тебе надо стать миссионером, Уэйли.

Он заворожённо смотрел на маленький кружок света прямо перед своим лицом. Мы вместе подошли к наводчику. Он уже находился под действием морфия, а между крепко сжатыми губами торчала сигарета. Доктор велел санитару приготовить нам по кружке чая. Мы уселись возле носилок и разговаривали обо всём на свете — только не о его ноге. Это был отличный парень и отличный наводчик. Мне было очень жаль терять его. Он посмотрел на меня и с натянутой улыбкой спросил: «Ну как, Боб? Я нормально справился?» Странно, как часто именно хорошие солдаты задают такой вопрос. Те, кто действительно сделал всё как надо, всё равно хотят услышать это ещё раз, для них это почему-то чрезвычайно важно, как будто от этого зависит всё их будущее.

— Ты отлично справился, Билл. Только скорее поправляйся и возвращайся. В моём танке для тебя всегда найдётся место.

— Спасибо, Боб. Ты ведь не возражаешь, если я теперь тоже буду звать тебя Бобом, сэр?

— Зови меня, как угодно, Билл.

После этого его увезли в санитарной машине. Я спросил доктора:

— Насколько всё плохо?

— Кость сильно раздроблена... Не знаю...

Когда я рассказал ему, чем именно была ранена нога, он поднял брови и покачал головой.

— Док, ногу ведь не придётся совсем ампутировать?

— Не могу сказать. Может, всё ещё обойдётся.

Наводчик больше никогда не вернулся в наш экипаж. Ногу ему всё-таки пришлось ампутировать.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ — ДВАДЦАТЫЙ ДНИ

К нашему величайшему удивлению, как только мы проснулись, танки снова повернули навстречу восходящему солнцу и с грохотом направились обратно на наше старое место стоянки у Бир-Берранеба. Недоумение стало ещё сильнее, когда нам сообщили, что вчерашние операции были успешными и теперь мы должны находиться в готовности к выдвижению в район к юго-западу от Эль-Адама, правда, при одном условии: мы двинемся туда только в том случае, если всё пойдёт по плану в районе Эль-Губи, где должны были действовать Индийская Бригада и недавно выдвинутая вперёд бригада гвардейцев. Увы, всё пошло совсем не по плану. Роммель силами остатков двух своих танковых дивизий нанёс мощный контрудар по индийской пехоте. Индийцам пришлось поспешно отходить к позициям гвардейской бригады южнее. Поразительно, но немецкий командующий всё ещё упорно цеплялся за мысль нанести в пустыне решающий удар, который позволил бы деблокировать его гарнизоны в Соллуме и Бардии. На самом деле атаку на Эль-Губи он задумывал как отчаянное и решающее сражение с британскими бронетанковыми силами. Он и представить себе не мог, что именно в этот судьбоносный полдень 5 декабря британские танки находятся в нескольких милях отсюда, у Берранеба, где осваивают новый способ ночного расположения лагерем. Таким образом, сокрушительный удар Роммеля пришёлся лишь по одной пехотной бригаде. Она

поспешно уклонилась, и весь удар постепенно угас в пустынных песках вокруг колодца Эль-Губи.

В ту ночь командование стран Оси собралось на совещание. Посланник *Дуче* сообщил, что положение в Средиземном море таково, что дальнейшие перевозки — за исключением небольших партий людей и техники — практически невозможны. После этого Роммель открыл генералу [Бастико](#), своему итальянскому коллеге, истинное положение дел. Он сообщил, что обе дивизии германского танкового корпуса вступили в сражение, имея более 250 танков, а теперь в строю осталось менее сорока. Бедный генерал Бастико, которого всё это время тщательно держали в неведении, был совершенно ошеломлён. Он немедленно согласился начать отход к Триполи и как можно быстрее укрепить оборонительную линию у Аджедабии.

Это действительно был один из важнейших моментов всей битвы — этот восемнадцатый день, но для нас, находившихся в составе 4-й Танковой Бригады, он прошёл совершенно незаметно. В Берранебе мы не имели ни малейшего представления о том, насколько стремительно приближается развязка. Более того, нам даже казалось, что замыслы командующего армией слишком оптимистичны. Вечером не последовало никаких обычных приказов на следующий день, мы лишь услышали, что предстоит атака на Эль-Адам. Новый способ расположения лагерем той ночью оказался очень удачным. Как обычно, я отправился к санитарной машине Макмиллана показать свою ногу. Каждый вечер, когда я снимал пустынный ботинок, носок снимался вместе с ним, превратившись в мокрую кровавую тряпку. «Хотелось бы остановить это кровотечение, Боб, — сказал Док. — Если скоро не прекратится, придётся отправить тебя в тыл, чтобы как следует заняться пальцем». — «Ещё чего! Если отправишь меня в Александрию или Каир — я только за. Но торчать где-нибудь в дивизионном или корпусном тылу, каждые пять секунд отдавая честь штабным офицерам только ради того, чтобы мне перевязывали большой палец ноги, — чёрта с два!» Он наложил новую повязку. После этого я вернулся к своему танку слушать девятичасовой выпуск новостей *BBC*, который по времени Западной пустыни выходил в десять часов вечера.

Утром 6 декабря нас подняли ещё до шести часов. Шёл девятнадцатый день операции. Через полчаса мы должны были быть готовы к выступлению. Никакого чая - через двадцать минут мы уже сидели в своих *Милашках*, а двигатели прогревались на повышенных оборотах. В наушниках прозвучал приказ: «4-я бронетанковая бригада движется курсом 280 градусов на дистанцию восемнадцать с половиной миль. 3-й Королевский танковый полк идёт головным. Построение — по три машины в ряд». Когда мы выстроились и с грохотом двинулись на запад, я приблизительно отмерил расстояние по карте. 18½ миль должны были вывести нас далеко за линию расположения противника. «Значит, индийцы справились», — подумал я. Никто не сообщил нам, что накануне вечером их выбили с занимаемых позиций, однако кто-то вовремя вспомнил об этом, и ещё не было семи часов утра, как поступил новый приказ: сократить марш до 10½ миль. К восьми часам утра эскадроны *A* и *B* уже вступили в соприкосновение примерно с тридцатью вражескими танками, которые поспешно отошли. «Итальянцы, — подумал я. — Опять где-то на левом фланге. Почему мне никогда не удаётся добраться до этих *M13*?» Пока в наушниках ещё звучали сообщения о столкновении севернее, мы осторожно продолжали движение вперёд, внимательно осматривая местность в поисках первой предательской вспышки и облачка дыма, которые могли выдать замаскированную пушку. Перевалив через невысокий гребень, я с некоторым удивлением увидел всего в ста ярдах перед собой штабной *Фольксваген/Volkswagen*, возле которого находились пятеро немцев: один сидел за рулём, остальные четверо из всех сил толкали машину. Моё удивление было ничто по сравнению с тем, которое испытали они. Бог знает, что они вообще делали здесь. Как только мой танк показался над гребнем, все сразу подняли руки.

Мы подъехали к ним. Оказалось, автомобиль крепко засел в рыхлом песке. Я указал на буксирный трос, закреплённый сбоку танка. Немцы мгновенно поняли мои жесты. После того как мы зацепили трос, танк легко вытащил машину из песка. Затем я отправил всех пятерых — среди них был один офицер — в штаб батальона под конвоем моего капрала.

Вскоре поперёк нашего курса прошла группа броневых автомобилей. Я поспешил перехватить их - оказалось, это был взвод 6-го Южноафриканского Бронированного Полка. Они направлялись в расположение своей части, находившейся далеко западнее. Южноафриканцы рассказали, что прошлой ночью немецкая колонна прошла прямо через их позиции и что им удалось подбить два немецких танка. Мы расстались, обменявшись несколькими ностальгическими прощальными словами на африкаанс. Я подождал, пока они достаточно удалятся вперёд, прежде чем снова тронуться. Очень приятно знать, что впереди никто неожиданно не устроит тебе взрыв. До самого вечера больше ничего не произошло.

Я уже ломал голову, куда же исчез противник, когда 3-й КТП внезапно повернул на север. Нам предстояло прикрывать так называемую *Jock Column* — высокобронированную смешанную группу из пехоты, полевой артиллерии и противотанковых средств, ожидавшую атаки немецких танков. И вновь всё оказалось скорее результатом нарастающих страхов и слухов, чем реальной угрозой, однако это задержало нас до темноты. Возвращаясь назад, весь батальон безнадежно заблудился. Лишь около десяти часов вечера мы наконец расположились лагерем там, где нас застал этот момент. Из бригады заверили, что с первыми лучами рассвета к нам будут направлены машины снабжения — тогда они уже смогут нас обнаружить.

Полковник вызвал меня к себе. Он приказал на рассвете вывести вперёд один взвод и убедиться, что с севера нам ничто не угрожает. Едва начало светать, я вместе с двумя другими *Милашками* уже двигался вперёд. Не прошло и полчаса, как мы вновь оказались на краю уступа Сиди-Резега — места, которое стало для нас почти постоянной стоянкой. Мы находились прямо над бывшим аэродромом. Теперь он был совершенно пуст: ничего целого или пригодного к использованию там уже не осталось. Я слушал по радио переговоры между батальонами и размышлял, рискнуть ли приготовить чай, когда вдруг заметил небольшой движущийся объект, приближавшийся к северной окраине аэродрома. Мой взводный сержант находился примерно в тридцати ярдах от меня. Я подозвал его, и мы вместе принялись рассматривать одинокую машину. Это был какой-то небольшой бронированный автомобиль. Я понял, что, если он продолжит движение прежним курсом, то вскоре выйдет прямо к уступу подо мной. Опознать его точнее было невозможно. Я связался с командиром батальона и попросил уточнить обстановку впереди, чтобы решить, свой это или чужой. Через минуту-другую он ответил: «Считайте противником всё, что находится на аэродроме или севернее него». К этому времени бронированный автомобиль уже пересёк половину лётного поля. Первые лучи солнца ярко осветили его. Я отправил сержанта обратно к его танку с приказом навести оба ствола на цель, но ни в коем случае не открывать огонь, пока не услышит моего первого выстрела. Своему наводчику я приказал взять бронированный автомобиль в перекрестие прицела 37-мм пушки. Мы молча сидели на своих местах. Ствол пушки медленно опускался вслед за машиной, которая неуклонно приближалась. Еще немного, и бронированная болванка устремилась бы к цели, и на этом история бронированного автомобиля и его экипажа закончилась бы, но меня мучили страшные сомнения. Машина всё больше походила на один из наших разведывательных бронированных автомобилей: у противника ничего подобного не было. Правда, немцы постоянно использовали всю захваченную технику, поэтому и это не могло служить доказательством. Я тщетно искал эмблему Африканского Корпуса — свастику с пальмой. Затем через бинокль отчетливо увидел двух человек внутри. Пассажир рядом с водителем был в фуражке, короткой овчинной безрукавке и цветном шарфе — это была безошибочно узнаваемая форма офицера армии Западной пустыни.

Я быстро приказал наводчику разрядить пушку и сразу же передал тот же приказ сержанту и экипажу второй *Милашки*. Когда разведывательный бронированный автомобиль подъехал к подножию уступа, я уже стоял на его краю и отчаянно размахивал руками. Машина поднялась наверх по пологому склону. Через минуту я уже пожимал руку красивому седовласому офицеру. «Меня зовут Норри,» — сказал он. Я мгновенно вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. Передо мной стоял генерал [Уиллоуби Норри](#), командующий 30-м Корпусом. «Святые небеса! — вырвалось у меня после того, как я представился. — Вы понимаете, что последние шестьсот ярдов были буквально в

доле секунды от вечности? Мне приказали считать противником всё, что находится на аэродроме». — «Но ведь коридор к Тобруку уже открыт. Со вчерашнего вечера. Я только что от наших у Эд-Дуды. Передайте это своим людям, хотя особого значения уже нет. Не думаю, что вам ещё придётся долго оставаться здесь. Ну что ж, мне пора. До свидания». Он снова пожал мне руку, сел в свой броневомобиль и уехал на юго-восток.

Меня сильно потрясла мысль о том, насколько близки мы были к тому, чтобы случайно убить одного из самых старших и самых способных командиров Британской армии. Разумеется, моей вины в этом не было бы. Этот случай очень ярко показывал невероятную неразбериху, царившую во время операции *Crusader*, и полное отсутствие достоверной информации у частей, непосредственно ведущих бой.

Радист позвал меня обратно к танку. Командир батальона срочно вызывал нас к основным силам. Когда мы на полной скорости мчались на юг, я слышал по радио новые приказы. Они лишь подтверждали мои мысли о качестве нашей разведывательной информации. Без сомнения, в тыловые штабы поступали какие-то весьма странные донесения, на основании которых и планировались наши дальнейшие действия. Нам снова приказали двигаться на запад, теперь на десять миль. Но мы прошли не более трёх, как головные эскадроны внезапно вступили в масштабное боестолкновение. Это был именно тот тип сражения, который мы ненавидели больше всего: попытка добраться до вражеских танков, укрывавшихся за завесой тщательно замаскированных противотанковых пушек, поддерживаемых полевой артиллерией. За четыре минуты были подбиты четыре *Милашки*, прежде чем удалось найти хоть какое-то укрытие и организовать прикрывающий огонь. К счастью, я находился в самом хвосте колонны. Меня задержало позднее прибытие и необходимость заправиться после ночного лагеря. Когда я наконец подошёл к линии боя, танки нашего батальона уже были прижаты к земле плотным огнём. Вдали всё отчётливее становились видны новые немецкие и итальянские танки, подходившие к месту сражения. Но стоило кому-либо попытаться продвинуться вперёд, как воздух мгновенно наполнялся свинцом и грохотом. Пока мы лежали тихо, не обнаруживая себя, противник поступал точно так же. Время от времени мы открывали огонь с большой дистанции — исключительно для того, чтобы держать его в напряжении. Одновременно с этим батареи Королевской Конной Артиллерии непрерывно накрывали весь район артиллерийским огнём. Я медленно продвигался вперёд, используя каждую складку местности, и невольно вспоминал, как когда-то на пляже в Дурбане старался заплывать дальше всех от берега. Именно тогда я заметил, как к немецким танкам начали подходить грузовики, после чего началась обычная процедура дозаправки. Тем временем с юго-востока длинная колонна транспорта двигалась на север. Когда я передал эти сведения назад, бригадир приказал 22-й Танковой Бригаде перейти в атаку, но после того как мы увидели, как вспыхнули и загорелись два *Крусейдера* и одна *Милашка*, наступление было немедленно отменено.

Я невольно подумал: «Не лучше ли было вообще держать язык за зубами?» К началу второй половины дня нам так и не удалось добиться какого-либо продвижения. Двигатели непрерывно работали уже более шести часов, и было принято решение пополнить запас горючего. Сначала попытались подвести бензовозы прямо к танкам, но едва они показались, как на них обрушился такой шквал осколочно-фугасных снарядов и пулемётного огня, что водителям пришлось спасаться бегством. Им ещё повезло, что все машины сумели уйти целыми. Поочерёдно, взвод за взводом, мы отходили назад для дозаправки, а затем возвращались на прежние позиции. Не думаю, что кто-либо особенно спешил. Даже десять минут вдали от постоянного страха внезапной смерти оказываются невероятно расслабляющими. Со всех сторон поступали сообщения о непрерывном движении вражеского транспорта на северо-запад, однако сами немецкие танки по-прежнему оставались перед нами — настороженные и угрожающие. Командир батальона вышел на связь и сообщил, что бригадир считает полезным, чтобы 3-й КТП устроил противнику демонстрацию и посмотрел, какой это даст результат. В самом 3-м КТП никто не разделял этого мнения.

Что касается меня, то к тому времени я успел проникнуться глубоким недоверием к двум тактическим выражениям. Первым было «провести демонстрацию», вторым — «провести

разведку боем». Обе эти формы действий в конечном счёте преследовали одну цель — заставить противника отойти без настоящего боевого столкновения. Как правило, это означало, что старший начальник хотел добиться успеха, не рискуя потерями. Само по себе такое стремление было вполне похвальным, но очень часто оно ставило младшего командира в крайне двусмысленное положение. Ему не отдавали прямого приказа, однако отсутствие такого приказа одновременно подталкивало его к проявлению инициативы. В результате старший начальник избавлялся от значительной доли ответственности, если всё заканчивалось катастрофой. Если ничего не происходило, младшего обвиняли в недостаточной решительности. Если же происходило слишком многое, его обвиняли в чрезмерной инициативности — разумеется, после короткого периода официального траура. «Демонстрация» подразумевала какое-нибудь движение. Эскадроны обычно понимали это как смену позиции, вовсе не обязательно сопровождавшуюся сближением с противником. Но стоило кому-нибудь истолковать *демонстрацию* как реальную атаку на немецкие танки, как следовала мгновенная и весьма неприятная реакция противника.

По всей линии фронта дело обстояло весьма тяжело. Эскадрон С находился далеко на левом фланге. Мегрейт сообщил, что пара случайно выдвинувшихся вперёд *Pz.III* значительно оторвалась от основных сил немецких танков и выглядела так, словно пыталась обойти наш фланг. Я не видел другого объяснения столь рискованному манёвру. Мы с Хэрри и его взводным сержантом осторожно провели свои *Милашки* между песчаными дюнами, чтобы отрезать им путь. Когда расстояние сократилось примерно до 700 ярдов, причина их появления стала ясна. Оба немецких танка остановились за невысокими земляными насыпями, которые выглядели как недавно выброшенный грунт из стрелковых окопов. Из-за этих насыпей вскочили девять или десять человек и бросились к танкам. Мы не стали терять ни секунды. Оба *панцера* стояли к нам бортом, и едва первые солдаты добежали до них, как три наших пушки почти одновременно открыли огонь. Красные трассеры полетели низко над кустарником. Через несколько секунд перед нами возникло одно из самых приятных зрелищ, какие только можно увидеть в танковом бою: люк башни распахнулся, и из него один за другим начали выпрыгивать танкисты. Несчастные пехотинцы, едва началась стрельба, мгновенно попадали на землю. Второй *Pz.III* успел повернуть башню в нашу сторону. Мы увидели вспышку с оранжевым оттенком у дула его орудия, но прежде, чем немец успел сделать второй выстрел, в него почти одновременно врезались 37-миллиметровые снаряды всех трёх *Милашек*. Больше немецкое орудие уже не стреляло, однако никто из экипажа не покинул танк. Мы продолжали осыпать его огнём, пока не увидели поднимающийся чёрный дым, ещё через несколько секунд машина превратилась в пылающий костёр. Наше вполне естественное чувство удовлетворения длилось недолго. Казалось, по нам открыла огонь вся артиллерия Африканского Корпуса и добрая половина итальянской. Мы немедленно бросились удирать, пригнув головы как можно ниже.

Через несколько минут, оказавшись за спасительной песчаной гривой вдали от этого ада, я остановил механика-водителя и выбрался наружу оценить повреждения. Рядом остановился танк Хэрри Мегрейта. Он что-то кричал. Я снял наушники, чтобы расслышать его. «Моего сержанта накрыло,» — сказал он. Только тогда я заметил, что одной *Милашки* не хватает. Мы осторожно поднялись на вершину гряды. Из положения, когда над укрытием выглядывала только башня, мы посмотрели назад. Примерно в пятистах ярдах одиноко стояла подбитая *Милашка*, вокруг которой всё ещё рвались снаряды. Через бинокль были хорошо видны порванная гусеница и полностью разрушенная подвеска. Экипажа нигде не было. Мы долго и тревожно осматривали местность, но безрезультатно. Я связался с Уизерсом. Сообщил ему о двух уничтоженных немецких танках, а также о нашей собственной потере. Добавил, что мы ещё некоторое время останемся здесь на случай, если кто-нибудь из экипажа *Милашки* всё-таки выжил. Наши собственные танки тоже получили повреждения: из пробитых канистр струилась вода, спальные скатки были разорваны в клочья, у моего танка полностью исчезла одна пара опорных катков тележки подвески. Гарри снова что-то закричал. Я обернулся и увидел, как он стоит на гребне, размахивая своим беретом. Я подбежал к нему. По кустарнику во

весь дух бежали люди из пропавшего экипажа. Заметив нас, они изменили направление. Настоящее чудо — их было четверо, и все невредимы. Через несколько минут они уже стояли рядом с нами — запыхавшиеся, слегка ошеломлённые, но бесконечно счастливые оттого, что остались живы и целы. Мы посадили их на наши два танка и отвезли в штаб батальона. Там мы и провели последний час этого дня, пока вместе с заходящим солнцем постепенно затихал бой. В шесть часов вечера стрельба прекратилась.

С наступлением темноты эскадроны получили приказ собраться в районе общего сбора. Оттуда мы отошли примерно на три мили к юго-востоку, в безопасное место для ночёвки. Моя *Милашка* оказалась одним из четырёх танков, которые той ночью отправили в ремонт. К утру мне уже выдали другой. Последняя новость, которую мы услышали перед тем, как провалиться в сон, была следующей: на рассвете нам предстояло двигаться к Бир-Бельхонфусу, примерно в десяти милях южнее Эль-Губи. Казалось, всё это мы уже слышали раньше.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ И ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ДНИ

К нашему немалому удивлению, после всех трудностей предыдущего дня бригада добралась до Бир-Белохонфуса без каких-либо серьёзных происшествий. 5-й КТП ушёл вперёд, чтобы ликвидировать небольшой очаг сопротивления итальянских *M13*, а сводный эскадрон *Крусейдеров* из состава 22-й Танковой Бригады был отправлен выполнять какую-то особую задачу. Воспользовавшись этой короткой передышкой, наш командир батальона настойчиво попросил Гейтхауса дать экипажам хотя бы полчаса отдыха, чтобы люди могли позавтракать. Мы не ели и даже не могли вскипятить чай уже более тридцати шести часов. Разрешение было получено. И вскоре безлюдный Белохонфус ожил: повсюду засуетились фигуры в хаки, а над маленькими кострами потянулись тонкие струйки дыма.

К девяти часам мы снова были в движении, направляясь на северо-запад — далеко вглубь вражеской территории, точнее, территории, которая ещё совсем недавно считалась вражеской. Теперь 3-й КТП прикрывал западное и северо-западное направления. Несколько миль мы шли через район, где незадолго до этого сражались гвардейская и индийская бригады. Земля была буквально завалена брошенными обломками войны. Среди них одиноко и печально стоял танк *Матильда*. Из любопытства я быстро забрался внутрь. Среди прочих личных вещей мне попались несколько исписанных листов бумаги. Времени читать их на месте не было. Я сунул их в нагрудный карман гимнастёрки и поспешил догонять свой эскадрон. Во второй половине дня головные танки вновь наткнулись на линию противотанковой обороны. На этот раз бригадир ограничился тем, что приказал обстрелять её из 25-фунтовых орудий. Эскадрон С в этом эпизоде участия не принимал, поэтому я воспользовался свободной минутой и снова достал найденные бумаги. Оказалось, это были несколько стихотворений, несомненно написанных совсем недавно здесь, в пустыне.

Одно из них называлось «Снаряд»:

*Серебристый визг всё ближе,
быстрее ветра, быстрее звука.
Это песня новорождённого существа,
поющего от радости, что наконец появилось на свет.
Жизнь его коротка, слишком коротка,
но счастливее, чем жизнь миллионов других существ.
Так скоро оно начинает клониться к смерти.
Теперь оно уже кричит не от радости, а в смертной агонии.
И его визг превращается в крик страха.*

*Оно падает на землю, и над землёй воцаряется бездыханная тишина —
потому что рядом смерть.*

*В это крошечное мгновение его страх передаётся тем,
кто оказался поблизости.*

Сводит желудок. Дёргаются пальцы.

И затем, в своей последней агонии, оно покидает этот мир.

*Покидает его с криком, с воплем, с трубным призывом,
от которого сердце сжимается от ужаса,
а смерть разлетается вокруг.*

На другом исписанном листке стояло заглавие «Увидев Мерса-Матрух снова спустя пять лет»:

*Столько лет медленно прошло,
но, вновь увидев тебя с этого холма,
на котором стою сейчас,
я сразу понял, что не забыл тебя.*

*И до сих пор помню все твои маленькие улочки,
спускающиеся к заливу
через мягкий белоснежный песок;
и тихие вечера, когда заходящее солнце
волшебной рукой ласкало твои стены.*

*Но теперь в заливе, вместо лениво покачивающихся лодок,
я вижу эсминцы, транспортные суда и ещё множество кораблей;
а по улицам, где когда-то смеялись маленькие дети,
с грохотом проходят танки и кричат: «На войну! На войну!»*

Так закрой глаза и сотри свои слёзы.

Они ещё вернутся к тебе — мирные годы.

Эти стихи были написаны капитаном Брауном, танкистом, который впоследствии попал в плен. Тем вечером, уже в лагере, пока доктор Макмиллан занимался моей ногой, подошёл полковник. Он сказал, что утром, сразу после выхода из лагеря, хочет отправить мой взвод на поиски танков 22-й Танковой Бригады. Они располагались лагерем в нескольких милях от нас, но их точное местонахождение оставалось неизвестным. Бригада должна была занять новую боевую позицию у Бир-Хатьет-Генадель, и командир батальона не хотел рисковать тем, что в предрассветных сумерках мы случайно столкнёмся со своими.

С первыми серыми проблесками рассвета я вместе с двумя другими *Милашками* двинулся вперёд. Особых трудностей с поиском *Крусейдеров* из состава полка *Лондонских Йоменов/City of London Yeomanry* не возникло. Когда мы добрались до них, они ещё находились в лагере. Меня проводили к их командиру. Я сообщил ему направление, в котором будет двигаться наша бригада, чтобы при выходе они не пересекли наш маршрут. Он ответил, что уже отправил два разведывательных дозора — на север и на северо-запад, при этом широким взмахом руки показал направления их

движения. «Значит, в этой стороне ничего нет, сэр? — спросил я, указывая на северо-восток, куда мне предстояло двигаться, чтобы догнать свой эскадрон». — «Нет, — ответил он. — Если ты там кого-нибудь встретишь, то почти наверняка это будут не свои».

Я отдал честь и поехал дальше. На востоке небо уже алело, обещая скорый восход. Над пустыней висела дымка, ещё больше сгущённая пылью, поднятой многочисленными машинами в совершенно неподвижном воздухе. И вдруг из этой мутной пелены показались два тёмных силуэта. До лагеря *Лондонских Йоменов* было, вероятно, меньше двух миль. Я остановил взвод и поднёс к глазам бинокль. Никаких опознавательных флажков, никаких радиоантенн. Башни плотно закрыты, и характерные низкие, приземистые силуэт немецких танков. Мы осторожно приблизились. Обе машины стояли неподвижно, повернувшись к нам кормой и глядя на восток. Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее они походили на танки *Pz.III*, но полной уверенности у меня всё ещё не было, главным образом, потому, что меньше всего я ожидал встретить именно здесь два одиноких немецких танка, хотя к тому времени неожиданное уже стало самым обычным явлением. Я дал знак двум другим танкам остановиться и оставаться на месте. Сам же решил окончательно убедиться, с чем мы имеем дело, прежде чем открывать огонь. Приказав Уэйли прибавить газу, я помчался прямо к ним по диагонали на скорости примерно 30 миль в час. Если это действительно немцы и они заметят меня, высокая скорость и диагональный курс сделают мой танк трудной целью. Я продолжал сближаться до тех пор, пока не смог невооружённым глазом пересчитать - один, два, три, четыре, пять, шесть опорных катков. Расстояние сократилось примерно до 200 ярдов. Теперь сомнений уже не оставалось: передо мной действительно стояли два *Pz.III*. Я тревожно следил за их башнями, пока мой танк объезжал их сзади, но они так и не повернулись в мою сторону.

Я вышел на связь со своим взводом, сообщил, что перед нами два *Pz.III*, и приказал открыть огонь сразу же, как только я вернусь к ним. Сразу же ответил мой капрал. Он доложил, что затвор его пушки заклинило в открытом положении и он не может устранить неисправность. Я приказал ему на полной скорости возвращаться в лагерь *Лондонских Йоменов* за помощью. Если нам не повезёт уничтожить эти *панцеры* первыми же выстрелами, наши шансы в ближнем танковом поединке представлялись мне весьма сомнительными. Я остановился примерно в тридцати ярдах от танка моего сержанта взвода, показал ему поднятый вверх большой палец — знак готовности, — и в следующее мгновение наши пушки открыли огонь. Я выпустил четыре снаряда по ближайшему немецкому танку и увидел, как его экипаж поспешно покидает машину. К этому времени второй танк уже резко тронулся с места. Он метался по пустыне, пытаясь уйти, одновременно разворачивая башню в мою сторону. Я видел, как трассеры наших снарядов проносились мимо него, а один или два рикошетом уходили высоко в небо. В этот момент я заметил, как через пустыню к нам на полной скорости мчится *Крусейдер*. «Отлично, — подумал я. — Теперь мы уж точно достанем этого ублюдка», но, взглянув ещё раз, я почувствовал, как сердце буквально подкатило к горлу от ужаса: на лобовой части *Крусейдера* сидел офицер и размахивал красным флагом. В тот же миг я понял, что натворил. «Прекратить огонь!» — закричал я своему наводчику и сразу же повторил приказ в микрофон сержанту взвода.

Я подбил свой собственный танк. Я прыгнул на землю и побежал к приближавшемуся *Крусейдеру*, после чего мы вместе направились к повреждённой машине. Возле неё стояли трое — испуганные, ошеломлённые, потрясённые. Один из них крепко прижимал раненую руку к боку, но одного человека не хватало. Пока я бежал, я всё время повторял про себя: «Только бы никто не погиб... Только бы никто не погиб...» Я подбежал к группе. Командовал ею молодой офицер. Он встретил меня совершенно белым лицом: «Ты чёртов идиот. Ты убил моего наводчика». В тот момент я ненавидел его почти так же сильно, как он ненавидел меня. Я видел, что ему хочется меня ударить, но я ничего не сказал. Если он не понимал, что я чувствую, то никакие слова всё равно не смогли бы ему этого объяснить. Они набросили верёвку на тело, лежавшее в башне. У меня не было ни сил, ни желания помогать. Может быть, он ещё не умер, может быть, он просто без сознания, возможно, офицер ошибся. Оставалась хотя бы крошечная надежда. Из люка

башни они вытащили тело молодого парня — рыжие волосы, светлая кожа, лицо, покрытое веснушками. Когда его вытаскивали, голова безжизненно откинулась набок, и широко раскрытые, пустые, неподвижные глаза посмотрели прямо на меня. В это мгновение я достиг самого дна того, что может выпасть человеку.

Где-то позади, словно из мира, который, как мне казалось, уже никогда не станет прежним, кто-то окликнул меня. Я обернулся. Ко мне уже подогнали мой танк, а радист сказал: «Сэр, майор вызывает вас по радио». Без всякого желания я забрался обратно в танк и надел наушники. Это был Уизерс: «Послушай, Боб. Я знаю, что у тебя произошло. Такое случалось не впервые и, к сожалению, случится ещё не раз. Сейчас ты не можешь об этом думать. У тебя есть работа. Перед нашим фронтом движется немецкая колонна. Немедленно возвращайся. Выполняй приказ». Я сказал в микрофон: «Механик-водитель, вперёд», и уехал, больше ни разу не оглянувшись. Позже я написал письмо с извинениями и отправил его в Полк *Лондонских Йоменов*. Но для меня эта история никогда не закончилась. Много лет спустя я встретил в одном из пабов [Флит-стрит](#) высокого молодого человека.

Он приветливо сказал:

— Вы меня, конечно, не помните, но мы уже встречались.

— Боюсь, не припоминаю...

— Это было однажды ранним утром в пустыне. Я был в том самом *Крусейдере*, который вы подбили.

Несколько секунд я не мог произнести ни слова. Передо мной снова ожил весь ужас того утра. Наконец я сказал:

— Помнить вас? Господи, как бы мне хотелось вас забыть...

Его следующий ответ оказался совершенно неожиданным.

— Стреляли вы чертовски хорошо, — сказал он, широко улыбаясь. — Прежде чем мы успели хотя бы завести двигатель, в башне уже было четыре пробоины. Должно быть, у вас был великолепный наводчик.

Когда я вновь присоединился к батальону, немецкая колонна уже отошла за привычную линию противотанковой обороны. Весь день мы наблюдали за результатами огня нашей полевой артиллерии и поливали пространство перед своими танками длинными, скорее исполненными надежды, чем расчёта, очередями из пулемётов. С наступлением темноты мы отошли примерно на четыре мили к юго-востоку и горячо надеялись, что противник делает то же самое — только в противоположном направлении. К этому времени всем нам уже было совершенно ясно, что Роммель отступает, используя эти задерживающие рубежи лишь для того, чтобы вывести свои войска как можно более организованно и с наименьшими потерями. Эта тактика была весьма эффективной, и было очевидно, что свою задачу — уничтожить его силы — мы не выполняем. Было бы безумием пытаться проломить эти заслоны из противотанковых орудий лобовой атакой. Очень скоро они свели бы на нет наше численное превосходство в танках.

Тем вечером в лагере я был подавлен и глубоко несчастен. Рыжеволосый юноша с широко раскрытыми глазами неотступно преследовал меня, словно призрак. Теперь мне было нужно только одно — много, очень много боя. Я надеялся, что скоро его получу. Некоторую надежду давали ночные приказы. Нам предстояло вновь занять позиции у Бир-Хатьет-Генадель, а затем продвинуться к *Пункту 161*, расположенному в нескольких милях северо-западнее.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ — ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ДНИ

Мы все были уверены, что впереди нас ждёт исключительно тяжёлый день. Самый мучительный и нервный вид боя для танкиста — лобовая атака на заранее подготовленную оборону. Мы понимали, что не сможем просто просидеть весь день без

движения, и понимали также, что за каждым заслоном из противотанковых орудий нас будет ждать следующий — на всём протяжении отхода Роммеля вдоль побережья. Конечно, нас поддерживала мысль, что победа уже близка и что все эти бои противник навязывает нам лишь затем, чтобы выиграть время для своего отхода, а вовсе не потому, что рассчитывает победить. Но это нисколько не усиливало нашего желания героически погибнуть во славу родины. Был и ещё один обнадеживающий признак - теперь поле боя было усеяно исключительно немецкими и итальянскими следами отступления: брошенными складами снабжения, оставленными штабами, эвакуированными полевыми госпиталями, сломавшимися грузовиками, орудиями... Всё это ясно свидетельствовало о поражении и поспешном отходе.

Когда мы заняли боевую позицию у *Пункта 161*, всех нас очень заинтересовало известие, что командир батальона уехал в штаб бригады на совещание. Обычно это означало, что готовится какое-то новое развитие событий. Мы решили, что сейчас нас перегруппируют и отправят в большой обходной марш на запад, чтобы попытаться добраться до Роммеля, не разбивая больше лбы о те препятствия, которые он методично оставлял за собой. Мы ошиблись. Когда командир вернулся, он собрал командиров эскадронов, те передали информацию командирам взводов, а те — своим экипажам, пока новость не обошла весь батальон. Она показалась невероятной. Невероятной потому, что нам так и не сообщили общего замысла операции. Нам предписывалось оставаться на месте ещё три-четыре дня, не удаляясь более чем на десять миль от нынешней позиции, лишь после этого будет объявлено, что делать дальше. Напряжение спало так же резко, как ослабевает тетива лука после того, как её отпустили. Многие из нас были даже немного разочарованы тем, что нам не позволят продолжить наступление и поскорее покончить со всем этим. Не меньше раздражало и полное отсутствие информации о противнике и его передвижениях. Я сел в свой танк и принялся бесцельно колесить по пустыне. За ночь немцы ушли. Время от времени мы останавливались, осматривая хаос, который оставили после себя отступающие войска. В одной заброшенной палатке, по всему видно, раньше размещался перевязочный пункт. Именно там мне впервые попался настоящий военный трофей. Последнюю неделю мои бёдра и плечи становились всё более чувствительными: каждую ночь приходилось спать либо на совершенно твёрдой, часто каменистой земле, либо на ещё более жёсткой броне танка. Когда я заметил в углу палатки складную железную кровать, то сразу понял, что именно она мне и нужна. Мы привязали её поверх скаток и уложили на корму танка. По какой-то загадочной причине кровать заметно ухудшала работу радиостанции, но, немного поразмыслив над тем, что важнее, я всё-таки решил оставить кровать себе.

Возможно, именно отчаяние противника заставило его теперь значительно усилить воздушные удары по наступающим британским войскам. Ежедневно следовало по несколько налётов *Штук*, а всё большее число немецких *Мессершмиттов/Messerschmitt* предпринимало почти самоубийственные попытки сорвать бомбардировочные вылеты Королевских ВВС. Возвращаясь в лагерь с моей новой находкой — походной кроватью, — мы стали потрясёнными свидетелями ожесточённого воздушного боя над строем бомбардировщиков *Бостон*. Один из *Бостонов* выпал из строя, оставляя за собой длинный шлейф дыма. Мы легко могли представить себе ужас, царивший внутри самолёта, пока пилот отчаянно боролся с управлением. Внезапно машина сорвалась в отвесное пикирование и камнем рухнула в песок, исчезнув в огненном столбе чёрного дыма. Высоко в небе косые лучи заходящего солнца окрасили в розоватый цвет раскачивающийся парашют и тёмную фигурку человека под ним. Парашют был только один. Мы молча смотрели, как его медленно уносило на восток. Через несколько минут мой радист, сидевший рядом со мной на крыше башни, пока мы неторопливо возвращались к батальону, вдруг закричал и указал вперёд. Прямо на нас, не выше пятидесяти футов над кустарником, летели два истребителя. Мы даже не стали выяснять, чьи они, и одновременно бросились вниз, на дно башни, чем немало перепугали наводчика, который мирно читал в это время вестерн. Его недоумение стало ещё сильнее через секунду, когда башня загрохотала, словно котёл барабана, — пулёмётные очереди с визгом ударяли по броне. Раздался оглушительный рёв моторов. Сквозь открытый люк мы успели увидеть стремительно пронёсшиеся прямо над танком нижние поверхности

двух самолётов и их крылья с чёрными крестами. Нас это чрезвычайно возмутило. Мы считали совершенно неспортивным привносить подобный элемент в танковую войну. По нашему глубокому убеждению, подвергаться атакам с воздуха было привилегией лишь Эшелонов В, частей Королевского армейского корпуса снабжения и штабных автомобилей.

Когда мы вернулись к *Пункту 161*, колонны танков уже формировали плотный строй для ночёвки в плотном лагере. Сам факт того, что в этот вечер не предусматривалось никакого ночного марша, ясно говорил о том, что окрестности практически очищены от противника. Ещё днём началась серьёзная реорганизация. В 3-й КТП поступило семь новых *Милашек*, а ночью должны были прибыть новые экипажи. Тот вечерний лагерь, из которого исчезли напряжение и страх, почти напоминал жизнь в учебном лагере. Нам даже разрешили вскипятить чай ещё до наступления темноты. Пока мы спали — а лично я наслаждался сном на своей пружинной кровати, — в штабе батальона, должно быть, кипела бумажная работа. Утром стало известно, что батальон вновь организован в три эскадрона по двенадцать танков, а командиром Эскадрона С назначен капитан Крисп. После рассветного рассредоточения мы с Мегрейтом отвели свои танки подальше от остальных машин эскадрона, чтобы устроить совместный пикник-завтрак. Причина была весьма веской. Мегрейт получил настоящее чудо — продовольственную посылку из Австралии. Она прибыла ночью вместе с обычным припасами. Именно чувство такта, а вовсе не жадность, заставило нас удалиться подальше, чтобы спокойно её съесть. При некоторой изобретательности содержимого посылки хватало на то, чтобы дать возможность восьмерым людям небольшую, непривычную роскошь насладиться деликатесами. На большее число человек её уже невозможно было растянуть, не сведя на нет всё удовольствие, которое хотел доставить отправитель.

Плотно позавтракав и наслаждаясь необычными вкусами, мы с Хэрри бесцельно бродили среди кустарника. Время от времени мы рассматривали сочные растения, пробивавшиеся сквозь песок. Мне они очень напоминали экземпляры, которые когда-то давно я выкапывал в каменистой земле [Намакваленда](#) для ботанического сада *Кью*. Неожиданно прямо над нашими головами раздался странный пульсирующий звук. Несколькими секундами раньше мы слышали короткий лай зенитных орудий, но не придали ему никакого значения. Мы тревожно подняли глаза к совершенно пустому небу. Далёкое гудение стремительно усиливалось, превращаясь в сердитое жужжание. С каждой секундой оно становилось всё громче, что-то стремительно летело прямо на нас — но его совершенно не было видно. Мы с Хэрри переглянулись и, не говоря ни слова, одновременно рухнули ничком на землю. Рядом раздался тяжёлый удар. Мы замерли, ожидая взрыва, который должен был разорвать нас на куски, но ничего не произошло. Осторожно подняв головы, мы увидели, что экипажи наших *Милашек*, стоявших примерно в пятидесяти ярдах, буквально покатываются со смеху. Недоумённо оглядевшись, мы обнаружили в земле воронку глубиной около фута. На её краю лежала верхняя половина неразорвавшегося зенитного снаряда. Он, вращаясь и оглушительно жужжа, упал с высоты примерно десять тысяч футов, промахнувшись мимо нас всего примерно на два фута. Эта почти персональная избирательность судьбы изрядно меня потрясла. «Чёрт возьми, Хэрри! — сказал я. — Если подсчитать математические шансы, этот снаряд оказался к нам в миллионы раз ближе, чем любой 88-миллиметровый снаряд, пролетевший у самого уха. Похоже, вся эта дрянь просто преследует меня».

Вернувшись в свой танк, я услышал голос адъютанта по радио. Он сообщил, что Эскадрону С поручено выставить патрули на севере и северо-западе, не удаляясь более чем на десять миль. Я отправил трёх командиров взводов с их танками выполнять задачу, а сам взял оставшиеся две машины и поехал с ними. Через две или три мили я едва не подпрыгнул от неожиданности, заметив одинокий танк, укрывшийся среди кустарника. Свежие воспоминания о трагедии предыдущего утра заставили меня действовать предельно осторожно. Я медленно приблизился, пока окончательно не убедился, что перед нами *Крусейдер* — брошенный *Крусейдер*. Я приказал Уэйли подвести наш танк вплотную и перепрыгнул на него, мягко приземлившись на свернутые постельные принадлежности, всё ещё лежавшие на корме. Среди них находился очень

добротный офицерский чемодан, на парусиновом чехле которого были написаны имя владельца и название его полка. Это был танк 22-й Танковой Бригады, но имя офицера — по причинам, которые станут понятны позднее, — я раскрывать не стану. Всё говорило о том, что экипаж покинул машину в крайней спешке. Большая часть их личных вещей всё ещё аккуратно лежала на своих местах. Самое странное заключалось в том, что мы не могли обнаружить никаких повреждений. Мы тщетно искали пробоины и другие признаки боевого поражения. Наконец Уэйли выяснил причину — у этого танка просто закончилось горючее. Перед нами стояла техника стоимостью примерно двадцать тысяч фунтов стерлингов. Я передал координаты машины в штаб батальона, чтобы её позднее могли эвакуировать и вновь ввести в строй. После этого я переложил чемодан и ещё несколько личных вещей экипажа в свой танк, решив, что утром владельцы наверняка будут рады получить их обратно.

В три часа дня патрули были отозваны. Когда мы вернулись, нас ожидала совершенно неожиданная новость. Состоялось ещё одно совещание в штабе бригады. Командир батальона вернулся оттуда с известием, что 4-я Танковая Бригада через три дня отправляется обратно в *Дельту* [Нила - ВК], чтобы пройти реорганизацию и перевооружение перед использованием на другом фронте. Все мы одновременно ахнули от удивления и радости, но почти сразу наш восторг был погашен следующим сообщением: 3-й КТП должен принять оставшиеся *Милашки* из 8-го Полка Гусар, а также столько машин из 5-го КТП, сколько потребуется, и остаться в пустыне. Позднее нас должен был сменить Полк *Королевских Глостерширских Гусар/Royal Gloucestershire Hussars*, уже выдвигавшийся вперёд. Если бы в ту ночь в пределах мили от лагеря находились какие-нибудь немецкие части, они наверняка услышали бы общий гул разговоров. Каждый танкист — рядовой, капрал, наводчик, младший офицер, майор, полковник — обсуждал новый поворот событий и строил самые невероятные догадки относительно того, что означает этот загадочный «другой фронт». Возможностей, действительно, существовало великое множество. Чтобы отметить это событие, я развернул тот самый роскошный чемодан с постельными принадлежностями, который нашёл, намереваясь устроить себе толстый, по-настоящему комфортный матрас и провести эту знаменательную ночь с максимальным удобством. Нет сомнений, что наши мысли уже опережали события и были устремлены к удовольствиям Каира и Александрии. Когда я развернул спальный мешок, на песок выпала аккуратно сложенная пара пижам. Коричневая шёлковая пижама — это было уже слишком. Я разделся догола, скользнул в прохладную роскошь шёлка и почти сразу погрузился в беззаботный сон. На несколько коротких часов война перестала существовать.

Утром, прежде чем мы разошлись по своим наблюдательным позициям, я снова свернул этот чемодан и отправил его на разведывательной машине в штаб бригады, чтобы его переслали в 22-ю Танковую Бригаду вместе с запиской владельцу, где объяснил, что воспользовался его вещами, и выразил благодарность за то удовольствие, которое он невольно мне доставил. Дополняя общее ощущение своеобразных каникул, в батальон прибыл штабной грузовик, а вместе с ним — специальная машина снабжения, доверху нагруженная хлебом и свежим мясом. Это были первые хлеб и свежее мясо за двадцать пять дней. Добраться сюда им удалось буквально чудом: за последние три дня колонну снабжения уже в третий раз атаковали пикирующие бомбардировщики и обстреливали с воздуха. Тем утром по дороге были уничтожены два грузовика, а о высоком мастерстве их экипажей в уклонении от атак лучше всего говорит тот факт, что был ранен лишь один человек. Странно было сознавать, как поменялись роли: теперь уже танкисты сочувствовали солдатам Эшелонов В, которым приходилось гораздо тяжелее, чем нам.

Тёплый полуденный воздух пустыни был насыщен ароматами самых разнообразных похлёбок и рагу — каждый экипаж готовил собственное фирменное блюдо. Моя команда остановила выбор на пироге со стейком и почками, почек, само собой, в них не было. Когда всё это ещё приятно согревало наши желудки, поступило предварительное распоряжение: 3-й КТП должен быть готов выступить в 08.00 следующим утром. В течение дня к нам продолжали прибывать *Милашки* из двух других полков. К вечеру мы впервые после перехода через *Проволоку* практически достигли полного штатного

состава. Тем же днём я начал ощущать всё более сильное раздражение кожи на животе и в паху. Мегрейт предположил, что всему виной слишком обильная и непривычно жирная пища. Я почти готов был ему поверить. Я чесался с невероятным усердием, но это совершенно не помогало. Когда пришло время вновь промывать и перевязывать мой палец на ноге, я пожаловался врачу на этот непрекращающийся, сводящий с ума зуд.

— Покажитесь-ка, — сказал он.

Он бросил один-единственный взгляд на мою наготу — и громко расхохотался.

— Где вы её нашли? — спросил он.

— Кого это — её? О чём вы вообще?

— Ту бедуинскую девчонку, с которой вы успели познакомиться. Разве вы сами не понимаете, что с вами происходит?

— Конечно, не понимаю. И совершенно не вижу, что тут такого смешного.

— Лобковые вши, дорогой мой Боб. Самый настоящий маленький выводок.

— Господи... Какого чёрта?..

И тут меня осенило. Коричневая шёлковая пижама. Я рассказал Макмиллану про неё. Похоже, вся история показалась ему исключительно забавной.

— Хватит смеяться, Док. Что мне теперь делать? У вас есть какая-нибудь мазь?

— Вообще-то вам нужна ртутная мазь. К сожалению, у нас её нет. Видимо, кто-то в Военном Министерстве не догадался включить её в список наиболее вероятных потерь на войне в пустыне.

И он снова расхохотался, чем окончательно вывел меня из себя.

— Ради Бога, Док, это вовсе не смешно. Что, по-вашему, я должен делать? Вы здесь главный медицинский начальник. Это ваша обязанность — поддерживать танкиста в боеспособном состоянии.

— Ну... попробуйте натереться бензином. Возможно, поможет. Особенно высокооктановым. Только, ради Бога, не вздумайте при этом чиркнуть спичкой.

Я понял, что заставить его отнестись к этому серьёзно невозможно. Высказав ему несколько вполне заслуженных замечаний относительно клятвы Гиппократу, я вернулся к своему танку. Как только стемнело, я налил немного бензина в жестяную банку и, прихрамывая, ушёл подальше от лагеря. Скрытый от посторонних глаз, я вылил бензин себе на живот и тщательно втирал его в кожу. Через несколько секунд я уже ревел от боли и мчался обратно в лагерь так быстро, как только позволял мой повреждённый большой палец, во всё горло требуя воды...

На следующее утро вместе с приказом о выступлении нам наконец сообщили некоторые редкие сведения о положении на фронте. Я карандашом нанёс расположение своих и вражеских войск прямо на кальку поверх карты и при первой возможности передал всю информацию офицерам и унтер-офицерам Эскадрона С. Противник был отброшен к *Линии Газала*, где занял новую оборону и успешно задерживал наступление индийской дивизии. Последние два дня индийцы безуспешно пытались прорваться. Африканский Корпус, поддерживаемый остатками обеих танковых дивизий, удерживал позиции и наносил атакующим тяжёлые потери. Наступление остановилось. В армейском штабе заново оценили ситуацию, принимая во внимание упорство Роммеля. Приказ о возвращении 4-й Танковой Бригады в *Дельту* был отложен. Вместо этого поступило новое распоряжение: немедленно продвинуться на пятнадцать миль по азимуту 256 градусов. Я поставил крестик на карте, чтобы понять, куда это нас приведёт. Получалось, что мы окажемся посреди совершенно пустынного и, казалось бы, бесполезного участка пустыни примерно на полпути между Бир-Хакеймом и Газалой. Было очевидно, что одной

лишь ночёвкой в пустыне никакого решающего результата добиться невозможно. Нетрудно было догадаться, чего на самом деле добивался командующий армией. Он замыслил нечто гораздо более серьёзное и драматическое, чем простой пятнадцатимильный марш. Я ещё раз внимательно посмотрел на жёлтые кружки, обозначающие позиции противника, затем на наши красные линии и стрелки. Стоило лишь немного продолжить одну из этих красных стрелок и завернуть её к северу — и 4-я Танковая Бригада оказывалась бы прямо в тылу Африканского Корпуса. Своим офицерам я об этих предположениях ничего не сказал. После столь внезапного перехода от мечтаний о ресторанах и барах *Shepherd's*, *Groppi's* и *Burka* к новой операции подобные разговоры вряд ли подняли бы боевой дух, да и мой собственный они вовсе не улучшали.

В 9 часов 15 минут мы отправились в путь. Колонна двигалась спокойно, со скоростью десять—двенадцать миль в час. Теперь мы смотрели по сторонам скорее как на пейзаж, чем как на возможное поле боя. Очень приятно знать, что противник находится где-то в тридцати-сорока милях от тебя. Через полтора часа мы заняли заранее назначенную позицию, развернувшись фронтом на запад. По правде говоря, никакой особой необходимости в этой позиции не было. То обстоятельство, что командир батальона отправился в штаб бригады временно исполнять обязанности комбрига, который сам уехал на совещание в штаб дивизии, ясно показывало: готовится что-то весьма серьёзное. Именно этого я и ожидал. Почти одновременно с возвращением бригадира разведка донесла: к нашим позициям приближаются пятьдесят вражеских танков. Мы поспешно приготовились к совершенно неожиданному бою, лишь слегка удивляясь тому, что у противника снова каким-то образом нашлось ещё несколько десятков танков сверх всех ранее известных цифр. К счастью для планов бригадира, вскоре поступило уточнение: «Вместо «пятьдесят вражеских танков» следует читать: «пятьдесят вражеских верблюдов»». Судя по тому, как после этого непрерывно сновали полковники, разведывательные машины и офицеры связи, у Гейтхауса имелось множество важных сведений и замыслов. Нам же сообщили лишь одно: у бригады есть небольшое дело, но затем она обязательно вернётся в *Дельту*. В подтверждение этих слов разоружённых танкистов 8-го Полка Гусар отправили в тыл.

Думаю, мало кто из нас поверил этой попытке подсластить пилюлю. Совершенно ясно было, что впереди нас ждёт нечто гораздо менее приятное. Именно тогда — возможно, из-за столь резкой перемены планов или из-за слишком большого контраста между ожиданиями и действительностью — меня начали всё сильнее преследовать мрачные предчувствия, а может быть, сказалось просто долгое, непрерывное истощение воли, сил и мужества. В моём сознании — и уверен, я был далеко не единственным — война уже закончилась. Оставалось лишь довести дело до конца. Я пережил тот период, когда собственное выживание было второстепенным по сравнению с непосредственным долгом и задачей. Теперь же радость от выполненной работы сменилась ощущением, очень похожим на тяжёлую, бесконечную повинность, и я уже не мог найти ни воодушевления, ни чувства цели в завтрашнем дне, где смерть, казалось, становилась бессмысленной, лишённой какой-либо причины или оправдания. Были и другие причины. Подо мной уже было подбито полдюжины танков; я видел, как танки рядом со мной превращались в раскалённые могилы для людей, оказавшихся внутри; меня осыпало свинцовыми осколками, и Бог знает сколько раз смерть проходила мимо лишь потому, что какой-нибудь наводчик ошибался буквально на долю градуса. Я проходил почти невредимым через воздух, наполненный летящей сталью разрывающихся снарядов и беспорядочным градом пулемётных пуль. Я пытался утешать себя мыслью, что каждый новый бой предоставляет человеку совершенно одинаковые шансы — либо выжить, либо погибнуть, но мне всё сильнее казалось, что мои шансы исчерпываются, что я уже израсходовал весь отпущенный мне запас удачи. Несмотря на отсутствие точной информации и успокаивающие сообщения из штаба бригады, я почти не сомневался, что нашей следующей целью станет выход в тыл немецких позиций у Газалы, и у меня возникло пугающее чувство уверенности, что именно я окажусь особенно вовлечён в то, что должно было произойти, причём так, как никого другого это не коснётся. Я уже не раз испытывал страх, но прежде его всегда смягчала внутренняя убеждённость, что, что бы ни случилось с другими, настоящая беда меня минует: «Со мной этого случиться не

может». Именно на этой уверенности, если задуматься, основывались почти все мои поступки. Теперь же, в минуту прозрения, которое само по себе наполнило меня страхом, я понял: я потерял эту неуязвимость. Сделать с этим было ничего нельзя. Я не позволил этим мыслям повлиять на своё поведение.

Днём мы с интересом наблюдали ещё один налёт *Штук* на колонну снабжения, прибывшую вместе с нами. Здесь, на сравнительно изолированном участке, не прикрытом истребителями, защищавшими основные склады снабжения, немецкие пикировщики атаковали гораздо настойчивее, чем прежде за всю кампанию. Высокий, леденящий душу вой этих зловещих самолётов, достигавший страшной кульминации, когда они почти отвесно падали на цель, вновь перенёс меня в тяжёлые дни греческой кампании. Очень скоро над фонтанами земли, поднятой разрывами бомб, начали подниматься густые столбы чёрного дыма от горящих грузовиков. Для полного хаоса загорелась машина с боеприпасами. Она стала взрываться непрерывной чередой детонаций — рвались фугасные снаряды, трассирующие патроны, взрывали в воздухе сигнальные ракеты *Very*. Это огненное представление продолжалось далеко за полночь и, к счастью, не привлекло новых налётов *Люфтваффе*, которая, как известно, была весьма плохо подготовлена к действиям ночью.

После вечернего совещания у танка командира батальона я возвращался подавленным и раздражённым. Меня мучили проклятые паразиты, которые, казалось, прекрасно чувствовали себя, несмотря на мой рацион из высокооктанового бензина. Раненая ступня при каждом шаге противно хлопала кровью. И всё сильнее меня не покидало совершенно необъяснимое чувство обречённости. Никаких новых сведений не поступило. Известно было лишь, что на следующее утро в 07.45 полковник должен явиться в штаб бригады. «Вот тогда-то, — думал я, шагая в темноте между длинными рядами танков к своей *Милашке*, — мы всё и узнаем. От нас специально скрывают всё до последнего момента, наверняка это будет что-то очень неприятное». Вернувшись к своему танку, я взглянул на часы и приказал радисту поймать девятичасовой выпуск новостей *BBC*. Он свесил наушники через край башни, и, как всегда, едва прозвучали первые сигналы времени, вокруг начали собираться все, кто ещё не был настолько измучен, чтобы сразу лечь спать. Мы жадно вслушивались в этот знакомый, вызывавший ностальгию голос. Это была не только наша единственная прямая связь с внешним миром и с остальной войной: очень часто именно из этих передач мы узнавали хоть что-нибудь о той войне, в которой сами участвовали. Мы внимательно прослушали сводки, и в самом конце сообщения о событиях в Западной пустыне спокойный, безупречно поставленный голос произнёс: «Объявляется о немедленном награждении орденом *За Отличие в Службе/Distinguished Service Order* лейтенанта, временно исполняющего обязанности капитана, Р. Дж. Криспа, Королевский танковый полк. Лейтенант Крисп — бывший игрок сборной Южной Африки по крикету». Несколько секунд мы сидели в полном недоумении. Это неожиданное личное сообщение, пришедшее за тысячи миль, казалось совершенно невероятным. Потом я почувствовал, как меня хлопают по плечу, и услышал поздравления со всех сторон.

Меня поразила не столько сама награда, сколько обстоятельства, при которых мы о ней узнали. Вокруг была голая пустыня, где-то совсем рядом сидел в засаде противник, а где-то существовал совсем другой мир — студии *BBC*, диктор Алвар Лидделл, верхняя часть [Риджент-стрит](#). Я прекрасно понимал, почему это сообщение прозвучало именно так торжественно. Крикет, англичане и их крикет. Я никогда не придавал медалям особенно большого значения. Мне довелось видеть слишком много странных наградений, но был бы совершенно бесчувственным человеком, если бы при тех обстоятельствах этот момент не остался для меня памятным. Само чувство надвигающейся беды оно почти не уменьшило, но отношение к этой беде у меня изменилось. Наверное, именно для этого и существуют награды. Скорее по привычке, чем по какой-либо иной причине, мы утром выполнили обычную процедуру рассредоточения. Никто даже не ожидал воздушного налёта. Полковник вернулся из штаба бригады как раз тогда, когда мы, очищая песком котелки после завтрака, заканчивали завтрак. Он привёз приказ: двигаться по азимуту 350 градусов на расстояние двенадцати миль. Это было почти строго на север. Изучив карту, я понял, что мы окажемся у южной оконечности позиций Индийской Дивизии перед

Газалой. «Боже мой, — подумал я. — Неужели нас собираются использовать для лобовой атаки в поддержку пехоты? Но ведь мы не *Матильды* и не *Валентайны/Valentine*... Ну что ж...»

Возникла небольшая задержка, пока вновь прибывший Полк *Глостерширских Гусар* занимал своё место в походной колонне. После этого мы двинулись дальше. В 11 часов прибыли в назначенный район, так и не встретив никакого сопротивления и не увидев ничего, кроме бесчисленных пересекающихся следов на песке. Бригада расположилась тремя плотными полковыми группами. Всех нас немало озадачил специальный приказ не занимать боевые позиции, а лишь находиться в полной готовности. Мы долго ломали голову над этим тонким различием. Если оно и не делало нас более готовыми, то, по крайней мере, делало нас более любопытными. Но и это любопытство не было удовлетворено, когда в два часа дня полковника вновь вызвали на совещание. Через полчаса он вернулся, и наконец большая тайна была раскрыта: «4-я Танковая Бригада выступает на юг по азимуту 193 градуса на двадцать одну милю к району Бир-Зейдем в рамках подготовки дальнейшего движения на запад и север к Бир-Халег-эль-Элеба 15 декабря 1941 года». Вот это уже было что-то, хотя у меня оставался один мысленный вопрос: какого чёрта нужно сначала пройти двенадцать миль на север, чтобы затем идти двадцать одну милю на юг? Тем не менее мы развернули свои танки в сторону открытой пустыни, удаляясь от районов, где продолжались бои.

К 17.30 первый этап нашего перехода был завершён. До наступления темноты мы оставались широко растянутыми по этим бескрайним открытым пространствам. Лишь с наступлением ночи колонны сомкнулись и стали лагерем. В тот вечер мы чувствовали себя скорее патрулём *Группы Дальнего Действия в Пустыне*, чем целой танковой бригадой. Это ощущение только усилилось после получения на следующее утро следующего приказа: тридцать пять миль строго на запад со скоростью пятнадцать миль в час. Все эти огромные переходы в глубь вражеской территории я невольно связывал со своими мрачными предчувствиями, но когда Эскадрон С возглавил эту огромную флотилию танков и грузовиков, невозможно было не испытывать волнения. Мы уходили далеко в почти неизвестную страну. Последние несколько миль вообще отсутствовали на моей оперативной карте. Она заканчивалась пустым листом — без привычных гряд, *вади* и уступов.

Мы выступили в 7 часов утра. Чтобы пройти пятнадцать миль по пересечённой местности за один час, приходилось почти всё время идти на максимальной скорости. Пока мы мчались через пустыню, я остро ощущал за своей спиной огромную боевую колонну и бесконечный горизонт впереди, который, сколько ни едешь, всё не становится ближе. Всех нас захватили возбуждение неизвестности и восторг скорости. Эти эмоции возрастали во сто крат от сознания того, что мы делаем, и от неопределённости завтрашнего дня, когда нам предстояло незаметно выйти в тыл противнику. Через два часа я первым спустился по крутому уступу, существование которого моя карта вообще не признавала. Когда вслед за нами тяжело скатились по склону неповоротливые трёхтонные грузовики, была объявлена остановка для пополнения запасов. Мы прошли всего двадцать восемь миль. К десяти часам утра, когда мы снова двинулись вперёд, я убрал планшет с картой. Теперь он был мне уже ни к чему. Ещё через полчаса курс изменили на 6 градусов, и вся колонна, совершив огромный поворот почти под прямым углом, направилась на север — к побережью и навстречу Африканскому Корпусу. Далеко справа разведывательный взвод бронеавтомобилей Королевского Полка/The Royals сообщил, что, застряв на заболоченном участке, попал под артиллерийский огонь. После этого мы уже двигались не столь беспечно, хотя скорость всё ещё оставалась высокой: очередной переход длиной 32 мили мы прошли менее чем за четыре часа.

Около трёх часов дня впереди над кустарником показался небольшой земляной холм — Бир-Халег-эль-Элеба. Вокруг него бригада развернулась в боевой порядок в форме большого квадрата. 3-й КТП занял северную сторону, 5-й КТП — восточную, а *Глостерширские Гусары* — западную. Южную сторону замыкал пехотный батальон Полка *Tower Hamlets Rifles*, о существовании которого мы прежде даже не слышали. Промежутки на углах занимали бронеавтомобили и бронетранспортёры с пулеметами

Брен/Bren. Находиться посреди пустыни и сознавать, что противник, которого столько времени мы привыкли ожидать с запада, теперь находится на востоке, было очень странным ощущением. Сведений о его реакции на наш манёвр почти не было. Мы лишь надеялись, что и он знает о нас не больше. Ближе к вечеру над нами внезапно пронёсся одиночный немецкий разведывательный самолёт, а затем на полной скорости ушёл на север. Я задумался над тем, что он доложит, вернувшись на базу, и поверят ли ему. Скорее всего — нет. Вскоре поступил вызов о помощи от одного из удалённых патрулей Королевского Полка. Они сообщили, что подверглись нападению колонны примерно из двадцати машин, поддерживаемых 75-мм орудиями. Для проверки туда был направлен Эскадрон *В*. Некоторое время мы слушали в наушниках оживлённый радиообмен между взводами и командиром эскадрона, когда те вышли на противника. Произошла короткая перестрелка на большой дистанции, после чего неприятельская колонна скрылась за северным горизонтом. До самой темноты больше ничего не произошло.

Как обычно, мы сомкнули машины в лагерное построение, однако теперь в каждом танке был оставлен часовой, а по всему периметру разместили цепь пехотных пикетов. «Ну вот, — подумал я, — теперь мы действительно оказались на территории индейцев». Нам передали очередную сводку, в ней были два интересных сообщения. Первое — Индийская Дивизия испытывает сильнейшее давление со стороны немецких танков из района укреплений Газалы. Второе оказалось почти комическим. Один из наших грузовиков сломался во время марша в нескольких милях южнее лагеря. Пока водитель пытался разобраться с неисправностью, к нему подъехали семь итальянских грузовиков — по всей видимости, намереваясь предложить помощь, однако водитель оказался настолько решительным, что обратил их всех в бегство. Тот же самый водитель сообщил, что видел южнее себя большую транспортную колонну, двигавшуюся с запада на восток. Если это действительно была транспортная колонна, а не очередное стадо верблюдов, то направление её движения означало только одно: противник по-прежнему совершенно не подозревал, что в этом районе находится целая британская танковая бригада.

Все *Милашки* испытывали серьёзную нехватку горючего. Ни в одном баке не оставалось столько бензина, чтобы хватило на полноценный бой, если утром он вдруг начнётся. Во время марша дозаправка практически полностью опустошила все сопровождавшие нас бензовозы. Положение становилось весьма опасным. Было совершенно очевидно, что при дальнейшем развитии операции именно горючее становилось решающим фактором. Поэтому Гейтхаус решил на рассвете отвести всю бригаду на несколько миль южнее, чтобы соединиться с колонной Эшелона *В*, следовавшей за нами ночью. При этом один из последних бензовозов должен был быть отправлен именно в 3-й КТП. Эта последняя деталь мне совсем не понравилась, но я не стал придавать ей особого значения и отправился к машине доктора Макмиллана. Тот тревожно посмотрел на мой насквозь пропитанный кровью носок, когда я снял его.

— Начинаю всерьёз беспокоиться из-за твоей ноги, Боб. Ты теряешь слишком много крови.

— Меня это беспокоит меньше всего. Просто она уже чертовски болит.

— Вообще-то мне следовало бы отправить тебя в тыл. Как ты сам считаешь?

Это был шанс. Несколько минут я серьёзно обдумывал его. День оказался настолько насыщенным событиями, а возбуждение от того, что мы находились глубоко в тылу противника, настолько захватило меня, что мысли о дурных предчувствиях почти исчезли. Теперь же появилась возможность сопоставить эти предчувствия с реальным шансом избежать их. Решение далось нелегко.

— Вот что, Док. Если к завтрашнему вечеру ноге не станет лучше, тогда я действительно поеду в тыл.

— Хорошо. Так и договоримся. Думаю, это будет разумно. Честно говоря, возможно, мне следовало настоять на этом ещё раньше.

Но было уже поздно. Когда я вернулся к своему танку, в Эскадрон С уже поступили приказы на утренний марш. К ним прилагалось дополнительное распоряжение, вызвавшее немало разговоров: «Все танки Эскадрона С полностью заправить из оставшихся запасов топлива». «Ну вот, — подумал я, расстелив одеяла на своей уже слегка помятой походной кровати и прислушиваясь к полушутливым, полутревожным разговорам экипажей. — Вот оно. Начинается.» Едва я успел растянуться, как подошёл старший сержант транспортной службы.

— Разрешите начать заправку, сэр.

— Хорошо, сержант. А остальные эскадроны?

— Никаких указаний относительно них я не получал, сэр. Только Эскадрон С.

— Понятно... Ну что ж. Спокойной ночи, сержант. И постарайтесь не слишком шуметь.

Мне показалось, что я только успел закрыть глаза, как кто-то уже тряс меня за плечо. Я проснулся, ворча и ругаясь. Передо мной стоял подофицер из танка полковника.

— Какого чёрта, капрал? Который сейчас час?

— Извините, сэр. Только одиннадцать вечера. Сообщение от бригадира. Завтра в 05.15 вы должны прибыть к его командирской машине вместе с полковником. Полковник просит заехать за ним в пять часов.

— Хорошо, капрал. Передайте часовому у моего танка, чтобы разбудил меня без четверти пять... Спокойной ночи.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Я почувствовал, как чьи-то грубые руки трясут меня за плечи, и услышал прямо возле уха настойчивый голос: «Просыпайтесь, сэр! Просыпайтесь! Уже почти пять часов!» Я мгновенно вырвался из сна и из тёплых одеял, сразу вспомнив, что мне предстоит делать. Ледяной ночной воздух обрушился на меня словно холодный душ. Ряды танков чёрными силуэтами вырисовывались на фоне звёздного неба. Я, спотыкаясь, направился к батальонному штабу, где застал полковника за умыванием в полотняном тазу. Когда он закончил, я зачерпнул обеими ладонями холодной воды и плеснул её себе в лицо. Полковник протянул мне полотенце. Вытершись, мы молча пошли вместе в самый центр лагеря, где стояли машины штаба бригады. Всю дорогу мы не произнесли ни слова. Полковник знал не больше моего. Молодой офицер связи провёл нас к командирскому грузовику. Мы откинули тяжёлый полог и вошли внутрь, сразу оказавшись в ярком свете лампы. Моргнув, чтобы привыкнуть к освещению, я увидел Алека Гейтхауса, майора штаба бригады Дэвида Силвертопа (1912-1944, на фото слева, погиб в Нидерландах) и ещё двух офицеров, склонившихся над картой. Мы отдали честь, бригадир встретил нас дружелюбной улыбкой.

Гейтхаус не стал терять времени. Поставив кончик карандаша в середину длинного овала, обведённого цветным карандашом, он сказал: «Вот здесь находится противник», затем коротко ткнул карандашом в другую точку: «Здесь находится индийская дивизия. Она испытывает очень сильное давление немецких контратак». После этого он указал на крестик примерно в тридцати милях к западу от немецких позиций: «А вот здесь находимся мы». Он продолжил: «Наша задача — ослабить давление на индийскую дивизию и, если получится, заставить танки Роммеля принять бой. К сожалению, у бригады почти не осталось горючего. Его хватит только на ограниченную операцию — разведку боем, — после чего остальная часть бригады должна будет утром отойти назад для пополнения запасов, — бригадир сделал короткую паузу. — Я решил отправить небольшой отряд, который проведёт демонстративные действия в тылу противника. В его состав войдут эскадрон Королевского Полка, ваш эскадрон *Милашек*, Боб, а также взвод

противотанковых пушек. С вами пойдёт один бензовоз» и наконец закончил: «Ввязываться в полноценное сражение вы не должны, но действовать обязаны смело». Он посмотрел прямо мне в глаза, произнося эти слова, и я коротко, без особого энтузиазма, кивнул. Старая добрая *разведка боем*... Бронеавтомобили — для разведки, *Милашки* — для самого боя. Я довольно хорошо представлял себе, что это в действительности означает. Бригадир продолжал тем же ровным голосом: «Я не могу дать вам указаний, как действовать после встречи с противником. Это вам придётся решать на месте. Всё будет зависеть от его реакции. Если он атакует крупными силами, Дэвид, отходите. Но... — тут он снова посмотрел прямо на меня, — ...я хочу, чтобы вы действовали смело. Дэвид будет командовать этой группой и поддерживать связь со мной. Есть вопросы?» Я спросил о работе радиосети между бронеавтомобилями и моими *Милашками*. Было решено во время подготовки к выходу настроить все станции на одну сеть. Мой командир батальона сказал, что оставит одну радиостанцию в танке адъютанта настроенной на нашу частоту. Силвертоп сообщил мне азимут движения и порядок следования колонны и добавил, что выступаем в 06.30. Алек Гейтхаус пожелал нам удачи. Мы отсалютовали, вышли наружу и оставили его в темноте, когда он погасил свет и закрыл дверь.

Ночная темнота уже начинала сереть по краям, когда мы разошлись к своим машинам. Я быстро собрал командиров эскадрона и объяснил им, куда мы направляемся, после чего отправил всех радистов к своим станциям, чтобы наладить связь. Лица вокруг меня, бледные в утреннем полумраке, не выражали никаких чувств. «Когда доберёмся до места, — закончил я, — тогда и скажу, что будем делать. Не раньше. Всё. Заводить двигатели». Вскоре после шести мы покинули лагерь, оставляя позади привычное чувство общей безопасности и небольшие группы танкистов из других эскадронов, которые пришли посмотреть, что происходит. Когда мы отошли достаточно далеко от плотных рядов танков и машин, колонна перестроилась в походный порядок. Впереди меня в линию шли три взвода *Милашек*, каждый представлял собой достаточно плотную группу машин, двигавшихся клином с одним танком впереди. Слева, широко рассредоточившись и едва различимые в предрассветном сумраке, шли бронеавтомобили *Королевского Полка*. Непосредственно позади меня двигался бронеавтомобиль Силвертопа. За ним следовали грузовики с установленными на них противотанковыми пушками и одинокий трёхтонный бензовоз. Не думаю, что кто-нибудь испытывал особый восторг от предстоящей операции, но я рассудил, что по сравнению с двумя парнями, сидевшими в бензовозе, всем нам ещё очень повезло. Меня передёрнуло при мысли о том, что случится с ними, если действительно начнётся серьёзный бой. Все орудия в пределах досягаемости откроют по ним огонь. Любой *Мессершмитт* или *Штука*, случайно появившийся над полем боя, тоже первым делом выберет именно их. Меня всерьёз беспокоил состав нашего небольшого отряда. Я не видел ничего такого, что бронеавтомобили могли бы разведать лучше, чем это могли бы сделать мои *Милашки*, зато совершенно ясно понимал, что при встрече с немецкими танками им придётся немедленно спасаться бегством. Точно так же я не мог представить себе ситуацию, кроме полного окружения, при которой наши противотанковые орудия сумели бы занять выгодные позиции и действительно вступить в бой. Бензовоз, конечно, был необходим — впереди нас ожидал длинный путь. Риск его потери считался допустимым, но и он, и грузовики с двухфунтовыми пушками неизбежно превратятся в серьёзную помеху, если придётся срочно уходить. У меня не было ни малейших сомнений, что рано или поздно нам действительно придётся очень быстро отходить, и я также прекрасно понимал, кому именно придётся прикрывать этот отход.

Ровно в 06.30 мы выступили, сохраняя широкий боевой порядок. Сначала я надеялся, что бронеавтомобили развернутся веером впереди *Милашек*, однако они продолжали держаться на левом фланге. Связь по общей радиосети оказалась столь же неважной, как я и ожидал в условиях такой спешной подготовки. В первые несколько минут марша мне ещё удавалось разговаривать с Дэвидом Силвертопом и слышать сообщения бронеавтомобилей, потом вся сеть окончательно расстроилась. В результате мы потеряли связь даже внутри собственного эскадрона. Я приказал радисту: «Забудьте про бронеавтомобили. Настройте связь хотя бы с моими взводами». В моём представлении

дальнейшее развитие событий совершенно не предполагало получения указаний из далёкого тыла. Прямо перед нами взошло яркое красное солнце. Мы быстро двигались через открытую, пустынную равнину. Сияние утра, удивительно свежий воздух пустыни и любопытство перед необычным заданием постепенно развеяли мою подавленное настроение и внутреннее раздражение. Передо мной целеустремлённо двигались три группы *Милашек*. Слева и немного позади первые солнечные лучи окрашивали бронеавтомобили в розовый цвет, выделяя их на фоне тёмно-зелёных кустов, где ещё сохранялись остатки ночной тени. Ещё дальше тяжело пробирались грузовики. Высокий бензовоз раскачивался и подпрыгивал на ухабах. Солнце поднималось всё выше, но пустыня вокруг по-прежнему оставалась совершенно безжизненной. Развалины Бир-Темрада остались позади и исчезли на западе, и вот незадолго до десяти часов я заметил смутные пятна и силуэты на восточном горизонте. Они тянулись непрерывной линией по всему видимому пространству. Одновременно начали поступать доклады от передовых взводов. Я приказал им сбавить скорость и внимательно наблюдать за местностью впереди. Мы медленно поползли вперёд. С каждой минутой расплывчатые пятна всё отчётливее превращались в машины, орудия и танки, выстроенные длинным полумесяцем вдоль гребня, уходившего к югу от Газалы. Мы двигались прямо к середине этого полумесяца. Точно передо мной, возвышаясь над остальными силуэтами на горизонте, стояла огромная командирская машина, похожая на двухэтажный жилой фургон. «Вот где сейчас, должно быть, находится Роммель», — подумал я.

Мы подобрались на расстояние около двух миль, и, судя по всему, нас так и не заметили. Я приказал остановиться и безуспешно попытался связаться с Силвертопом, чтобы узнать, что делать дальше. Ситуация была совершенно невероятной - мы уже находились внутри дуги немецкого построения. Я видел людей, спокойно передвигавшихся между машинами, видел стволы полевых орудий, обращённые на восток. Мы просто стояли и ждали, что произойдёт дальше. Трудно было поверить собственным глазам. Немецкие солдаты совершенно беззаботно мыли после завтрака посуду и занимались обычными лагерными делами. Из группы машин и танков на крайнем левом фланге медленно выехал большой *Pz.IV* и неторопливо покати к противоположному концу немецкой позиции. Он прошёл прямо перед тремя взводами моих *Милашек*. Мы отчётливо видели экипаж, сидевший на башне в одних рубашках. Они посмотрели в нашу сторону — но так не поняли, что видят. Ещё десять минут мы продолжали неподвижно стоять. Я посмотрел на часы - было 10.15. Обернувшись назад, я увидел далеко позади жёлтые точки бронеавтомобилей и несколько колёсных машин. Связи с ними не было. Я вышел на связь с командиром батальона, единственным человеком, с которым мне удалось сохранить устойчивый контакт. Он даже приказал всему батальону соблюдать радиомолчание, чтобы я мог в любой момент связаться непосредственно с ним. Я доложил обстановку, сообщил, что связи с Силвертопом нет, и добавил: «Предлагаю действовать по собственной инициативе». Я попросил его передать мои намерения Дэвиду через радиосеть штаба бригады.

План, который сложился у меня в голове, был прост. Построившись в линию, мы должны были стремительно атаковать самый центр тыла немецких позиций, достигнув его, повернуть на север, перестроиться в колонну и пройти вдоль всей линии противника, ведя огонь из всего оружия, после этого — развернуться и на полной скорости уйти прочь. По сути, это было безрассудство, но такое безрассудство, которое на практике было достаточно безопасным. К тому времени, когда немцы поймут, что происходит, мы уже окажемся прямо среди них. Все наши орудия будут стрелять, все танки будут нестись на полной скорости. Их собственное оружие окажется совершенно не готово к отражению удара. Все их стволы сейчас были направлены на восток — в сторону индийской дивизии. Пока мы будем находиться внутри их позиций, они вообще не смогут вести по нам огонь, а когда мы снова вырвемся наружу, вокруг уже будет царить такая паника и неразбериха, а скорость наших танков окажется столь высокой, что у меня были все основания рассчитывать уйти без единой потери. Лично у меня взгляд был прикован к огромному штабному фургону. Я тайне надеялся, что именно сейчас внутри идёт штабное совещание и что через его борта вот-вот пройдёт очередь из моего *Браунинга*. Это был такой замысел, который невозможно было толком объяснить по радио. Но его

обязательно нужно было изложить лично и точно согласовать по времени, чтобы каждый командир танка знал, что делать и в какой момент, и чтобы всё прошло безупречно, даже если со мной что-нибудь случится.

Я уже собирался вызвать командиров взводов на короткое совещание у своего танка (оно должно было быть чертовски коротким), как один из них вышел в эфир: «Алло, BOSCO, BOSCO вызывает. Четыре танка противника движутся слева и выходят прямо передо мной». Пока он говорил, я уже различал *панцеры*, неторопливо пробравшиеся сквозь кустарник. Они находились гораздо ближе, чем предыдущий танк, и все выглядели как *Pz.IV*, возможно, один из них был *Pz.III*. Было маловероятным, что они смогут пройти так близко и при этом не опознать нас. Мне пришлось мгновенно изменить свой план: «Алло, BOSCO. BOSCO вызывает. Четыре танка противника подходят слева. Атаковать их, когда они окажутся перед вашими позициями. Не дайте им уйти. BOSCO — конец связи». Через минуту-другую все *Милашки* эскадрона уже открыли огонь. На башнях немецких танков сразу поднялась дикая суматоха: люди бросались вниз в люки или прямо с башен на землю. Когда экипажи поняли, что происходит, они даже не попытались принять бой. Они бросились к противоположному краю своего расположения. Два танка остались позади — неподвижные и безмолвные. Разумеется, на этом спокойное утро закончилось. Переполох, поднявшийся в немецких рядах, был прекрасно виден невооружённым глазом. Люди побежали во все стороны, машины пришли в движение, орудия поспешно выкатывали на позиции и разворачивали в нашу сторону. Огромная штабная машина завелась и, тяжело подпрыгивая на неровностях, поползла на север, скрываясь за гребнем высоты.

Затем я увидел *панцеры*. Девять или десять танков *Pz.IV* спустились с гребня к югу от нас, и мы повернули им навстречу. Я надеялся, что бронеавтомобили займутся тем, что происходит у нас в тылу, но времени отвлекаться на это у меня уже не было. *Панцеры* не стали доводить атаку до конца. Они остановились на переднем склоне, за пределами эффективной дальности наших 37-мм пушек, и начали осыпать нас снарядами. Мы отвечали, как могли, но наши трассеры описывали красивые, совершенно безвредные дуги, поднимая фонтанчики песка или с визгом рикошетируя от броневых листов. Такое положение не могло продолжаться бесконечно. Я решил, что мы уже выполнили всё, что вообще можно было ожидать от этой «разведки боем». Насколько я видел, ни одна из *Милашек* ещё не получил повреждений, но я прекрасно понимал, что наводчики *Pz.IV*, в отличие от полевой артиллерии, стреляют непосредственно по нашим танкам осколочно-фугасными снарядами, и попадания неизбежны. Наше единственное спасение заключалось в рассредоточении. Меня очень встревожило, когда я увидел две *Милашки*, стоявшие почти вплотную друг к другу и лихорадочно стрелявшие. Я уже успел отдать приказ отходить, как в наушниках раздалось: «Алло, BOSCO. BOSCO Two вызывает. Нас подбили. Двигаться не можем. Покидаем машину. BOSCO Two — приём». - «BOSCO. Понятно. Покиньте танк и перебирайтесь на соседнюю *Милашку*. Мы начинаем отход. BOSCO — конец связи». Я внимательно наблюдал за ними с расстояния около ста ярдов и с огромным облегчением увидел, как их танк медленно дал задний ход, затем двинулся вперёд и повернул.

Подобное случалось довольно часто. После прямого попадания водитель и командир сразу приходили к выводу, что танк потерял ход, хотя на самом деле это было не так, и тут я увидел взрыв прямо под носовой частью второй *Милашки*. Когда пыль и дым рассеялись, стала видна бессильно провисшая гусеница. Танк несколько раз беспомощно дёрнулся, пока сорванная гусеница бесполезно вращалась на ведущем колесе. После этого экипаж начал выбираться наружу: командир, радист, наводчик — через башню, водитель — через свой маленький люк впереди. К своему ужасу, я понял, что это Хэрри Мегрейт. Все четверо собрались за кормой своего танка, пригибаясь при каждом новом разрыве фугасных снарядов, густо ложившихся вокруг. Я заметил, что остальные взводы уже отходят на запад. Я замахал Хэрри и его экипажу рукой, одновременно приказав своему механику вести танк к ним. Когда они увидели, что я подъезжаю, то покинули укрытие за своим танком и бросились ко мне. Время от времени кто-нибудь из них внезапно падал на землю. Каждый раз я думал: «Всё, убило...», но человек тут же снова

вскакивал и продолжал бежать, и я невольно улыбнулся, поняв, что валятся они вовсе не от пуль, а просто потому, что ноги стали ватными от страха. Все четверо каким-то чудом добежали совершенно невредимыми и забрались на корму моего танка. Я перегнулся назад, чтобы убедиться, что все успели забраться: «Всё в порядке, Хэрри?» — «Всё в порядке, Боб». Продолжая перегибаться через корму башни, я поднёс микрофон к губам и сказал: «Водитель, вперёд. Резко влево». Микрофон ещё был у меня возле рта, когда рядом с самой головой раздался чудовищный треск. В ту же долю секунды я почувствовал, как подо мной подогнулись колени, а вокруг начала сгущаться темнота. Боли не было, только какое-то оглушающее оцепенение и колоссальное изумление. Я сразу понял: меня ранили в голову. Я почувствовал, как соскальзываю на пол башни и пока падал, в голове была только одна мысль, я отчаянно боролся именно с ней: я успел приказать: «Водитель, вперёд. Резко влево», но не добавил последнего необходимого слова о том, что делать потом: «Прямо!» Если не сказать его, водитель так и будет продолжать поворачивать налево. Мы будем бесконечно кружить на одном месте. Эта мысль превратилась в настоящую навязчивую идею. Мне обязательно нужно было сказать: «Прямо!» Микрофон всё ещё оставался в моей руке. С невероятным усилием я поднёс его к губам. Слово уже было в голове, и я заставил язык произнести его. Я чувствовал его — твёрдое, готовое сорваться с губ, но не смог вытолкнуть наружу. Потом я почувствовал, как кто-то забрал у меня микрофон. Сквозь туман сознания я услышал голос радиста, который что-то говорил механику-водителю.

Ну и хорошо. Бороться больше не было нужды. Я лежал на полу башни, нелепо подогнув под себя ноги. Наводчик хлопотал возле моей головы, прикладывая перевязочные пакеты. Он только зря тратил время. Я чувствовал, как жизнь уходит из меня. У меня не было ни малейших сомнений: я умираю. Темнота, в которую я погружался, была темнотой могилы. Я ждал великого переживания: смерть — величайшее переживание человеческой жизни. Все это знали, никто не стремится к ней. Я боялся смерти, но вот теперь я действительно умирал и был готов испытать всё, что она принесёт: страх, растерянность, восторг, ужас. Я совершенно сознательно ожидал, что что-то должно произойти. Я не знал, будет ли это видение ада или сияющее бессмертие. Самое странное заключалось в том, что мне было совершенно всё равно. Но... ничего не произошло. Я ждал, и ничего не происходило. Чернота вокруг становилась всё глубже, по её краям мерцало тёмно-красное свечение. Это ощущение было совершенно отчётливым, и когда я уходил в вечную тьму, последней моей мыслью было: «Умирать легко», но я не умер. Через долгое время — сколько именно, я не знал, — до меня снова донёсся знакомый шум танка. Я открыл глаза, увидел лицо наводчика и облегчение на этом лице, когда он понял, что я пришёл в сознание. За его спиной я различал ноги людей в форме цвета хаки, уходившие вверх к яркому кругу света открытого башенного люка, и тут пришла боль где-то возле левого уха, и ещё сильнее — в ногах. Я осторожно попытался произнести несколько слов, звук всё-таки вышел. Наводчик наклонил ухо совсем близко к моим губам.

— Что происходит?

— Всё в порядке, сэр. Мы возвращаемся назад. Мы уже запросили врача — его должны прислать нам навстречу.

— Мистер Мегрейт и остальные?

— С ними всё хорошо, сэр. Все едут на корме танка. Капитан Джоли принял командование эскадром.

— Который час?

— Почти два часа.

— Где мы? Мы уже близко к бригаде?

— Мы возвращаемся. Противника больше не видно. Думаем, они отошли вдоль прибрежной дороги. Полковник говорит, что бригадир выслал врача на бронеавтомобиле. Они должны появиться с минуты на минуту, сэр. Не волнуйтесь. Всё будет хорошо.

Он держал мою голову у себя на руках. Время от времени он менял индивидуальный перевязочный пакет, и я чувствовал, как тёплая струйка крови снова стекает по плечу и вниз по спине. Время шло, танк продолжал двигаться. Где-то далеко я слышал голос радиста, короткими фразами переговаривавшегося по радио. Боль поднималась от ног вверх и спускалась от головы вниз, пока не поглотила всё моё тело. Я жаждал потерять сознание. Теперь, когда я уже знал, что не умираю — или, по крайней мере, что у меня есть шанс выжить, если мне достаточно быстро окажут настоящую медицинскую помощь, — жизнь снова стала бесценной, но я помнил ощущение смерти и той пустоты, которую она несла. Мысль о смерти больше не пугала меня и уже никогда не будет пугать. Лёжа, скорчившись на полу танка, я понимал только одно: реально только боль. «Попробуйте немного меня передвинуть, — умолял я наводчика. — Ноги...» Я почувствовал, как он пытается меня приподнять, и сам мысленно старался помочь ему, но мышцы не отзывались. Даже иллюзии движения не возникло.

— Где же этот проклятый врач? Неужели нельзя поторопиться? Передайте полковнику, что я больше не выдержу.

Сообщение ушло наверх, к радисту, а затем — в эфир. Бедный наводчик. Я ощущал его сочувствие и отчаяние, пока тянулись бесконечные часы этого долгого дня. В какой-то момент танк остановился. Я услышал голоса снаружи и подумал: «Слава Богу. Наконец-то они приехали», но это оказался всего лишь бензовоз, подъехавший, чтобы заправить танк. Мы снова двинулись вперёд. Небо, которое я видел через открытый люк башни, стало сначала розовым, затем тёмным. Лёжа на полу танка, я изо всех сил старался не поддаваться отчаянию, не жаловаться слишком жалобно. Левая сторона головы горела так, словно на живую плоть вылили расплавленный металл. От пояса и ниже я словно лежал в озере боли, которое, как мне казалось, исчезло бы, если бы я только смог выползти из него. Наконец я услышал, как радист крикнул вниз в башню: «Мы видим бригаду, сэр! Через две минуты будем на месте!»

Было чуть позже пяти часов. *Милашка* остановилась. Когда двигатель замолчал, я услышал голоса снаружи и узнал голос доктора Макмиллана. Уэйли обернулся из своего тесного водительского отделения и сказал: «Теперь с вами всё будет хорошо, сэр». Я увидел, как ноги радиста исчезли наверху, а вместо них над люком появилось румяное лицо доктора.

— Ради Бога, вытащи меня отсюда, Док.

Он некоторое время задумчиво смотрел на меня.

Промычал:

— Хммм...

Затем сказал кому-то снаружи:

— Придётся вытаскивать его через передний люк.

Каким-то образом они буквально выволокли меня через водительское отделение и передний люк прямо на приготовленные носилки. Когда они наконец осторожно распрямили мои ноги, облегчение оказалось таким мгновенным и таким сильным, что я почти забыл о ране на голове. Но стоило только голове коснуться подушки, как жгучая боль вспыхнула вновь, и я непроизвольно перевернулся на бок.

— Чёрт побери, Мак... Такое чувство, будто мне ухо оторвали.

Макмиллан приподнял перевязку, быстро взглянул на рану и коротко ответил:

— Это — самая незначительная из ваших проблем.

Меня перенесли в санитарную машину. Там мне предстояло пережить самую страшную ночь в моей жизни. После каждого посетителя, заходившего ко мне, у меня оставалось совершенно ясное впечатление, что пережить эту ночь мне не суждено. Полковник пришёл сообщить, что в дивизии пытаются организовать самолёт, который утром должен будет отправить меня обратно в *Дельту*. (Штаб дивизии действительно пытался это сделать, но безуспешно.) Он также рассказал, что была перехвачена радиограмма из штаба Африканского Корпуса. В ней говорилось, что они оставляют позиции у Газалы и что им необычайно повезло вырваться из «стальной ловушки». Это было хоть каким-то утешением. Я спросил доктора о Хэрри Мегрейте.

— С ним всё в порядке. Не беспокойся о нём.

Я понял, что он лжёт, но не стал расспрашивать дальше. Если бы Хэрри мог, он обязательно пришёл бы меня навестить. Я не хотел знать правду о том, что с ним случилось на самом деле. Лишь много лет спустя я узнал, что его похоронили на следующее утро в прохладном песке пустыни. Он погиб мгновенно — он был убит самым снарядом, который ранил и меня.

ДНИ ПОСЛЕ

Когда утром доктор Макмиллан открыл дверь санитарной машины и увидел, что я более или менее осмысленно смотрю на него, он выглядел искренне удивлённым.

— Боюсь, самолёт для тебя достать не удалось, Боб. Через несколько минут назад отправляется колонна Эшелона *В*, а санитарная машина отвезёт тебя на ближайший перевязочный пункт. Там тебя подлатают... если ты переживёшь дорогу. Как ты себя чувствуешь?

— А как, по-твоему? — ответил я.

Выглядел я ужасно, но был очень далёк от смерти. Главная беда заключалась в том, что единственное положение, при котором боль была хоть сколько-нибудь терпимой, — сидеть. Лежать на спине или на левом боку я не мог из-за раны на голове. На правом боку лежать тоже не мог, потому что по какой-то причине правое бедро причиняло страшную боль. (Позже выяснилось, что у меня была сломана тазовая кость.) Когда я садился, меня начинало тошнить, а каждый приступ рвоты сопровождался ощущением, будто мозг медленно выдавливают наружу через череп. Я совершенно не представлял, насколько серьёзно повреждена моя голова, и никто мне этого не говорил. Левое ухо горело, как раскалённая печь, но доктор дал понять, что по сравнению с остальными повреждениями ухо — сущий пустяк. В одном Мак был совершенно прав: если что и могло меня убить, так это пятидесятимильная поездка по пересечённой местности в санитарной машине. К тому времени я уже почти смирился со всем, что могло со мной случиться... что угодно, только не продолжать неподвижно лежать.

Снаружи начали заводиться *Милашка*. Рёв ближайших авиационных двигателей постепенно превратился в оглушительный гул — вся танковая бригада прогревала моторы перед выходом из лагеря. Из кабины водителя санитарной машины до меня доносились голоса. Затем заработал двигатель, и я почувствовал его мягкую вибрацию. Санитар Королевской медицинской службы — бедняга, проводивший рядом со мной всю ночь, — вошёл, укрыл меня одеялом. Полковник и ещё несколько офицеров вместе с доктором попрощались со мной. Дверь захлопнулась. Через несколько секунд началось долгое путешествие — тряское, раскачивающееся, вытряхивающее кости. Я то приходил в сознание, то вновь почти терял его. Но никогда не настолько, чтобы перестать ощущать боль или перестать чувствовать этот дёргающийся, качающийся мир, замкнувшийся вокруг меня. Борта машины постепенно нагревались. Я мысленно видел, как солнце всё выше поднимается в небо, заливая светом бесконечные мили песка и кустарника и глубокие *вади*, при каждом спуске в которые мои внутренности будто перекатывались вверх, к раскаляющейся голове. Наступил момент, когда колонна остановилась на привал. Я постучал по металлической перегородке, отделявшей меня от кабины. Я

прекрасно понимал, что прошло уже около тридцати часов с тех пор, как я в последний раз смог опорожнить мочевой пузырь. Санитар подошёл к задней двери.

— Бутылку, пожалуйста.

На середине этой процедуры колонна снова тронулась, увлекая за собой и санитарную машину. Господи, как же я тогда разозлился! Я яростно обрушился с руганью на несчастного санитаря. Тот сочувственно объяснил: «Мы не смеем отстать, сэр. Мы ведь сами дороги назад не знаем». И снова вперёд, всё дальше и дальше... По хорошим участкам машина неслась быстро, дрожа всем кузовом, через *вади* и обрывы ползла на пониженной передаче, тяжело раскачиваясь, в мягком песке визжала шинами и скользила. «Этому не будет конца,» — думал я, утешая себя тем, что всё же это было не так мучительно, как предыдущий бесконечный день. Потом колонна остановилась ещё раз. На этот раз я услышал множество голосов снаружи. Дверь распахнулась. Несколько человек с любопытством, но очень деловито приготовились заняться мной. Меня перенесли в большую, чистую, выкрашенную в белый цвет машину и осторожно переложили с носилок на операционный стол — слишком уж знакомый по яркой лампе, висевшей прямо над головой. Пока двое санитаров возились с бинтами, вошёл майор Королевского армейского медицинского корпуса и дружелюбно поздоровался. С меня сняли пропитанную кровью полевую форму и остальную одежду, переодели в чистую пижаму. Мне сразу стало значительно легче. Врач быстро осмотрел затылок и спросил: «Не хотите ли чего-нибудь выпить, пока мы всё приготовим? Это займёт ещё несколько минут». Я совершенно неправильно его понял: «Большой стакан виски, пожалуйста». Все рассмеялись. Майор поспешил объяснить, что хотя он и сам с удовольствием составил бы мне компанию за большим стаканом виски, но перед довольно деликатной операцией это было бы не лучшей подготовкой ни для него, ни для меня. На самом деле он хотел узнать, не желаю ли я чашку чая или кружку [боврила](#). Я выбрал чай. Меня приподняли, чтобы я мог его выпить.

Врача звали Келлер. Он признался, что предстоящая операция немного его беспокоит. Как он объяснил, по специальности он вообще-то гинеколог. Он прекрасно умеет принимать роды и извлекать младенцев, но гораздо меньше практиковался в извлечении кусков свинца из человеческих черепов. (Очень надеюсь, что где-нибудь доктор Келлер когда-нибудь прочитает эти строки и узнает, что извлекать свинец у него получается превосходно.)

— Так у меня в голове кусок свинца? — спросил я.

Это было для меня новостью.

— Не понимаю, как вы вообще ещё живы. Насколько я вижу, он почти касается мозга, — бодро ответил доктор.

Я допил чай. Когда меня с трудом перевернули на живот, доктор объяснил:

— Вы слишком слабы для общего наркоза. Придётся оперировать под местной анестезией.

Потом я услышал, как он сказал санитару:

— Будет немного болезненно, капрал. Лучше побрейте его уже после уколов.

Я почувствовал, как игла входит в разные места на затылке.

— Чувствуете это, Крисп?

— Нет. Совсем ничего.

— Хорошо. Почистите всё как следует, капрал, и начнём.

Через минуту-другую операция началась. До этого я и не подозревал, насколько разговорчивыми бывают хирурги во время операции.

— Инструменты, Билл.

Санитар открыл стерилизатор и один за другим начал выкладывать блестящие, острые инструменты. Он аккуратно разложил их ровным сверкающим рядом прямо перед моим лицом. Сам доктор оставался вне поля зрения, но его голос звучал почти возле самого моего уха.

— Этого достаточно, капрал. Ещё немного очистите и можно начинать... Пила нам не понадобится, Билл. И, дай Бог, дрель тоже не потребуется. Сначала сделаем разрез скальпелем.

Первые слова этой приглушённой через марлевую маску речи немного успокоили меня, но облегчение мгновенно исчезло, когда перед глазами сверкнуло лезвие, острое как бритва. На лбу выступили капли пота. Я ничего не чувствовал, кроме давления, но звук металла, рассекающего кожу и плоть возле самого уха, был оглушительным — словно кто-то через громкоговоритель открывал туго закрытый спичечный коробок.

— Так... достаточно... Теперь немного отведём кожу головы назад, чтобы добраться... вот так... Хммм... Даже не представляете, как вам повезло, старина. Здесь очень толстая кость. Попади где-нибудь ещё — и всё, занавес. Остановилась прямо на твёрдой мозговой оболочке. Шило, Билл... теперь бур. Нет, не этот — слишком большой... вот этот. Теперь тот молоточек.

На этот раз я уже ничего не видел. Глаза были крепко зажмурены. Тонкие струйки пота стекали по лицу и собирались в глазницах. Через мгновение мой череп загудел, словно в него били погребальные барабаны. Мне не нужно было видеть, чтобы понять: стамеску осторожно, но уверенно вгоняют мне в голову. Мышцы на шее и левой ноге непроизвольно задргались.

— Чувствуете?

— Нет... Но я знаю, что вы сейчас делаете.

— Хорошо. Больше этого делать не придётся. Уже почти закончили. Кусачки, Билл.

Я заставил себя открыть глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как в зависшую надо мной руку передают какой-то устрашающий инструмент. Раздался звук, похожий на долгое, мучительное переключение плохо работающей коробки передач. Потом снова прозвучал голос:

— Подержите ему голову крепче, Билл. Сейчас нельзя, чтобы он дернулся. Ну что, старина, что-нибудь чувствуете?

— Нет, — ответил я, хотя и не очень уверенно. Пот заливал глаза. Я снова попытался их закрыть, чтобы не видеть этот страшный тесный мир, нависший надо мной. Чьи-то сильные руки крепко удерживали мою голову, и я был благодарен им. Промелькнула короткая вспышка боли, и снова раздался голос:

— Вот и всё. Попался. Закончили, старина. Вынули. Немного подчистить, капрал. Сухую повязку. Хорошо бы заткнуть отверстие пчелиным воском, но воска у нас нет. Вот, старина. Покажете это когда-нибудь своим внукам... или отдайте в музей Кейптауна.

Я открыл глаза - все вокруг улыбались. Я почувствовал, как напряжение постепенно покидает всё моё тело. Доктор протянул мне ладонь. На ней лежал неровный кусок свинца тёмно-бордового цвета, покрытый пятнами ржавчины и крови, размером примерно с большой стеклянный шарик.

— Положим его вам в карман кителя, — сказал он.

— Ну а теперь... если вам чего-нибудь хочется, если есть какое-нибудь желание — мы постараемся это устроить. Кроме большого стакана шотландского виски, который сейчас выпью я.

— Вообще-то есть одна вещь, доктор...

— У вас не найдётся чего-нибудь... от лобковых вшей?

Несколько секунд все ошеломлённо молчали. Потом палата взорвалась хохотом, пока я рассказывал им всю историю. Когда я закончил, доктор покачал головой.

— Похоже, этого нет в перечне боевых ранений. А бензин вы уже пробовали?

— Бензин? Да мне впору ходить с табличкой: "Не пользоваться открытым огнём. Не курить". Причём высокооктановый бензин!

После этого меня снова погрузили в санитарную машину, которая должна была на следующее утро доставить меня в госпиталь в Тобруке. Примерно через полчаса действие анестезии закончилось. Теперь, когда я точно знал, что именно болит и где, боль стала сильнее, чем когда-либо прежде. Я был искренне благодарен морфию, который мягко унёс меня сквозь эту долгую ночь. В то время госпиталь в Тобруке представлял собой настоящий хаос, достойный времён [Флоренс Найтингейл](#). Первые сутки мне пришлось провести на единственном свободном месте — на жёстком каменном полу между двумя кроватями. Длинная палата была переполнена ранеными. Многие, как и я, лежали прямо на полу, ожидая, когда освободится хоть какая-нибудь койка. Когда человек, лежавший на кровати надо мной, умер, его вынесли. Меня подняли с пола и переложили в ещё тёплые одеяла, нагретые телом только что умершего.

Утром палату обходили два старших офицера Королевского армейского медицинского корпуса, осматривая рваные раны и раздробленные кости. Они подошли ко мне. Старший бегло заглянул под повязку и сказал: «Отправьте его на рентген. Потом вставьте в это отверстие дренажную трубку». Он похлопал меня по плечу: «Если немного повезёт, мы сумеем сохранить вам жизнь до тех пор, пока вы не доберётесь до *Дельты*. Завтра в Александрию выходит госпитальное судно». Они пошли дальше, а санитар спросил мою фамилию и личный номер и быстро записал полученные указания. Прямо напротив меня лежал мальчишка лет девятнадцати-двадцати. Голова его была вся забинтована. Он смотрел на врачей тёмными, ничего не понимающими глазами потерявшейся собаки. К тому времени, когда они подошли к нему, он уже умер. Они лишь на мгновение задержались, приподняли ему веко, затем внесли носилки — и всё продолжилось с такой же беспощадной неумолимостью, словно это был конвейер автомобильного завода.

Перед кабинетом рентгена вытянулась длинная очередь лежащих на носилках людей. Внутри двое сержантов механически выполняли свою работу с такой безжалостной деловитостью, что, пока они грубо ворочали моей головой, пытаюсь добиться нужного угла для снимка, я мысленно осыпал их всеми ругательствами, какие только мог вспомнить. Я с горечью думал: «Ну конечно... генерал, майор, рядовой — человек, почти превратившийся в труп, уже не имеет ни звания, ни личности, ни чувств, которые кто-нибудь станет замечать или помнить». Когда меня вернули в палату, на полу уже лежали новые раненые, ожидавшие, когда очередное тело освободит очередную койку. Носилки, тяжёлые от живого груза, беспрерывно вносили вовнутрь. Носилки, тяжёлые от мёртвого груза, столь же непрерывно выносили наружу, всегда ногами вперёд.

Ночью прилетели бомбардировщики. Их появление возвестили воющие сирены, резкий лай зениток *Бофорс* и более глухой рёв тяжёлой зенитной артиллерии. Мы лежали и, дрожа, ждали следующего звука. Я поймал себя на том, что без конца шепчу про себя: «Господи... только не в палату... Господи... только не в палату...» и тогда понял, что наконец мои истерзанные нервы окончательно сдали. В дальнем конце палаты какой-то человек внезапно вскочил с кровати. Он бросился по проходу, выкрикивая проклятия и что-то бессвязно крича. Руки его отчаянно молотили по воздуху, словно он отбивался от окруживших его невидимых врагов. Со всех сторон закричали, зовя санитаров. Вбежал молодой санитар — резкий, немного усталый и безразличный. Одного взгляда ему оказалось достаточно. Он тут же исчез и через несколько секунд вернулся уже с тремя помощниками. Все четверо навалились на солдата, который продолжал яростно

сражаться со своими невидимыми противниками. Его прижали к полу, крепко связали и в таком виде вынесли в ночную темноту.

В тревожной темноте палаты люди стонали и что-то бессвязно бормотали. С соседней кровати с жуткой монотонностью доносилось какое-то хриплое бульканье. Каждые несколько минут в темноте вспыхивала спичка, и на мгновение выхваченное её светом измученное, перекошенное болью лицо возникало перед нами — страшное, почти адское. Мир был наполнен болью, страхом, надеждой и тяжёлым, сочащимся запахом смерти.

После этого кошмара в Тобруке в моей памяти образовался длинный провал. Морфий затуманивал дни и приносил покой ночам. Я помню только набережную, залитую ласковым солнцем, и свежий ветерок, пахнувший морем. Потом снова дни и ночи в движении. Корабли, поезда, санитарные машины, носилки, красные кресты и широкие спины санитаров в полевой форме, бесконечно нависавшие надо мной у самых ног. Каждая спина была совершенно одинаковой, и каждая принадлежала другому человеку, безличному, словно он был просто частью дерева и полотна тех носилок, которые нёс. Потом был базовый госпиталь между Файидом и Гениейфой, на берегу Большого Горького озера, где узкие воды Суэцкого канала ненадолго перестают быть стиснутыми своими берегами. Там были женщины, женщины в форме медицинских сестёр, недостижимые, почти бесплотные. Все их мысли были заняты молодыми, крепкими лётчиками морской авиации, выздоравливавшими неподалёку.

... Шумные выздоравливающие в соседней палате, на которых я яростно кричал, когда их гомон волнами звука отдавался в моём черепе ... Крупный санитар, который наконец раздобыл синюю мазь, избавившую меня от тех «сувениров», что достались мне благодаря шёлковой пижаме...

Профессор Смит, специалист из Эдинбурга, никак не мог понять моей жалобы на то, что у меня болит большой палец ноги.

Возможно, он решил, что это связано с каким-то странным повреждением того участка мозга, который пострадал у меня после ранения.

Своей жизнью я обязан хирургическому мастерству профессора Смита, но, насколько это касалось меня, психологом он был весьма посредственным. Когда я болен, мне хочется одного — чтобы меня оставили в покое. Мне не хочется никого видеть. Однажды он вошёл в палату и устроил мне настоящую головомойку за то, что я якобы не стараюсь жить. «Вы должны бороться! — грубо сказал он. — Покажите характер! Вы сдаётесь. Мы не сможем сохранить вам жизнь, если вы сами не захотите нам помочь». На самом деле мысли о смерти были дальше всего от моего сознания. Мне это даже в голову не приходило. Я понимал, что он просто пытается вывести меня из угрюмого состояния, которое ошибочно принял за капитуляцию перед болезнью, но это меня только раздражало. Я зло посмотрел на него: «Да ради Христа... замолчите и оставьте меня в покое».

По мере того как инфекция распространялась под кожей головы, казалось, что в неё снова и снова вонзаются раскалённые копыя, высвобождая самую сущность боли. От этой боли у меня непроизвольно вырывались резкие крики. Однажды, когда температура подскочила до опасной отметки, а голова превратилась в настоящий пылающий адский котел, профессор пришёл сообщить, что сосцевидный отросток сильно инфицирован и требуется немедленная операция. Тем же вечером меня повезли в операционную. Как раз перед тем, как на лицо уже собирались надеть маску для наркоза, операционная сестра подошла к изголовью стола. В руках у неё были блокнот и карандаш. Она наклонилась совсем близко к моему лицу и тихо, с искренним сочувствием, сказала: «Вам лучше продиктовать мне имя и адрес вашего ближайшего родственника».

Robert Crisp. Brazen Chariots: An Account of Tank Warfare in the Western Desert, November–December 1941, 1959, WW Norton, New York

Перевод – ИИ, редакция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warstory.org